

Восточный предел Европы

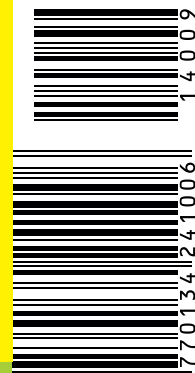
КАК НА КУРОРТЕ

ДЕНЬ
ЕГО ОСНОВАНИЯ

РУССКОЕ РАЗВЕДЧЕСТВО

9 770134 241006 14009

Сентябрь 2014

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.

Редакторы разделов –
Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго.

Литературный консультант –
В.Э. Абоян, А.А. Бочаров.

Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.

Набор – В.М. Кадочникова.

Корректор – Л.В. Юсупова.

Интернет – Е. Марков.

Фото на 1 стр. обложки: Михаил Попов и Фират Нурмухаметов на берегу озера Щучье изучают карту перед поиском самой восточной точки Европы.

Редакция, издатель – общественная организация «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт».

Редакционный совет –
Владислав Крапивин, Сергей Казанцев,
Геннадий Пращевин, Олег Поскребышев,
Юрий Казарин, Вадим Осипов,
Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –

- Сергей Захаров, Председатель Челябинского ро РГО
- Алексей Прокашев, Председатель Кировского ро РГО
- Иван Рысин, Председатель Удмуртского ро РГО
- Игорь Кузнецов, Председатель Ученого Совета ро РГО в ЯНАО
- Сергей Ларин, Председатель Тюменского ро РГО
- Николай Назаров, Председатель Пермского ро РГО
- Александр Чибилев, Председатель Оренбургского ро РГО
- Дмитрий Шиллер, Председатель отделения РГО

в республике Татарстан

- Борис Тканев, Председатель отделения РГО в ХМАО
- Виктор Христовский, Председатель Курганского ро РГО
- Михаил Горюнов, Председатель Свердловского ро РГО
- Виктор Байдуков, Свердловское отделение РГО

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке: Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям РФ

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2014 г.

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Телефон: +7 (343) 295-61-27

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

«Уральский следопыт», №9 (687), 2014.

Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой

по надзору в сфере связи, информационных технологий

и массовых коммуникаций по РФ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218,

выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях (CD, DVD, флеш-картах). Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакционную правки. Автор несет ответственность за предоставление материалов и иллюстраций, обремененных правами третьих лиц. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы помеченные знаком публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

- Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
- Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
- Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

«Уральский следопыт. uralstalker.com» №9. Отпечатано в типографии АМБ, г. Екатеринбург, ул. Розы Люксембург, 59. Телефон: +7 (343) 251-65-91. Печать офсетная. Тираж 11000. Подписан к печати 25.08.2014 года. Заказ №

Встречный ветер

Наши проекты

М.ФИРСОВ

Восточная точка Европы 8

Быть молодым — здорово!

Л.МИХАЙЛОВА

Об Урале с акцентом 12

Река времени

Портреты

А.МОЛЧАНОВ

Уральский Канновер 19

Наши проекты

Ю.ГОРБУНОВ

История России. Река Чусовая. Поселок Чусовая. Село Верхнемакарово 22

Далекое-близкое

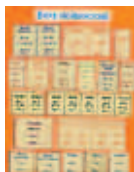
А.ВАСИЛЬЕВ

Скауты – вчера и сегодня 32

Клуб собирателей

В.ПОПОВ

Унесенные ветром.....40

Экспедиция

И.ПОПОВ

На дальнем востоке Европы 3

Добрые попутчики

ЦЕНТР РАЗВИТИЯ

ТУРИЗМА

На водах 16

Родословная

Н.МЕДВЕДЕВА

Яблоко от яблони 28

Клуб собирателей

А.МАКУРИН

К 90-летию общества коллекционеров Екатеринбурга.....37

Верхотурские

были-небыли

Ю.ГОРБУНОВ

Косьма юривый 44

Журнал в журнале

αэлита

На дальнем востоке Европы

В августе 2014 года проведена комплексная экспедиция по мониторингу северной части только что созданного Полярно-Уральского природного парка. Ставился ряд задач: детальное ознакомление с территорией, которая еще вчера носила название «Горнохататинский заказник», созданного в 1997 году для реакклиматизации и восстановления популяции овцебыков на Ямале. При этом под охраной оказался уникальный район Полярного Урала.

Цель экспедиции — непосредственное посещение территории парка, фотосъемка ландшафтов и уникальных природных объектов, являющихся туристическими достопримечательностями, сбор материалов для разработки стратегии развития сервисного туризма на территории района. Попутно собирались материалы для планируемого к выпуску фотоальбома «Геологические памятни-

ки Ямала». Одна из задач экспедиции — посещение и более детальное исследование района крайней восточной точки Европы как яркого туристического бренда и для Полярно-Уральского природного парка в частности, и для России в целом.

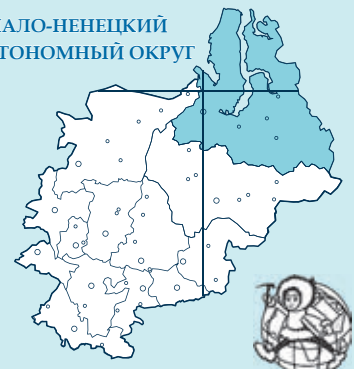
У Европы, как части света, имеются четыре крайние точки. Три из них: северная — мыс Нордкап в Норвегии, южная — мыс Марокка в Испании

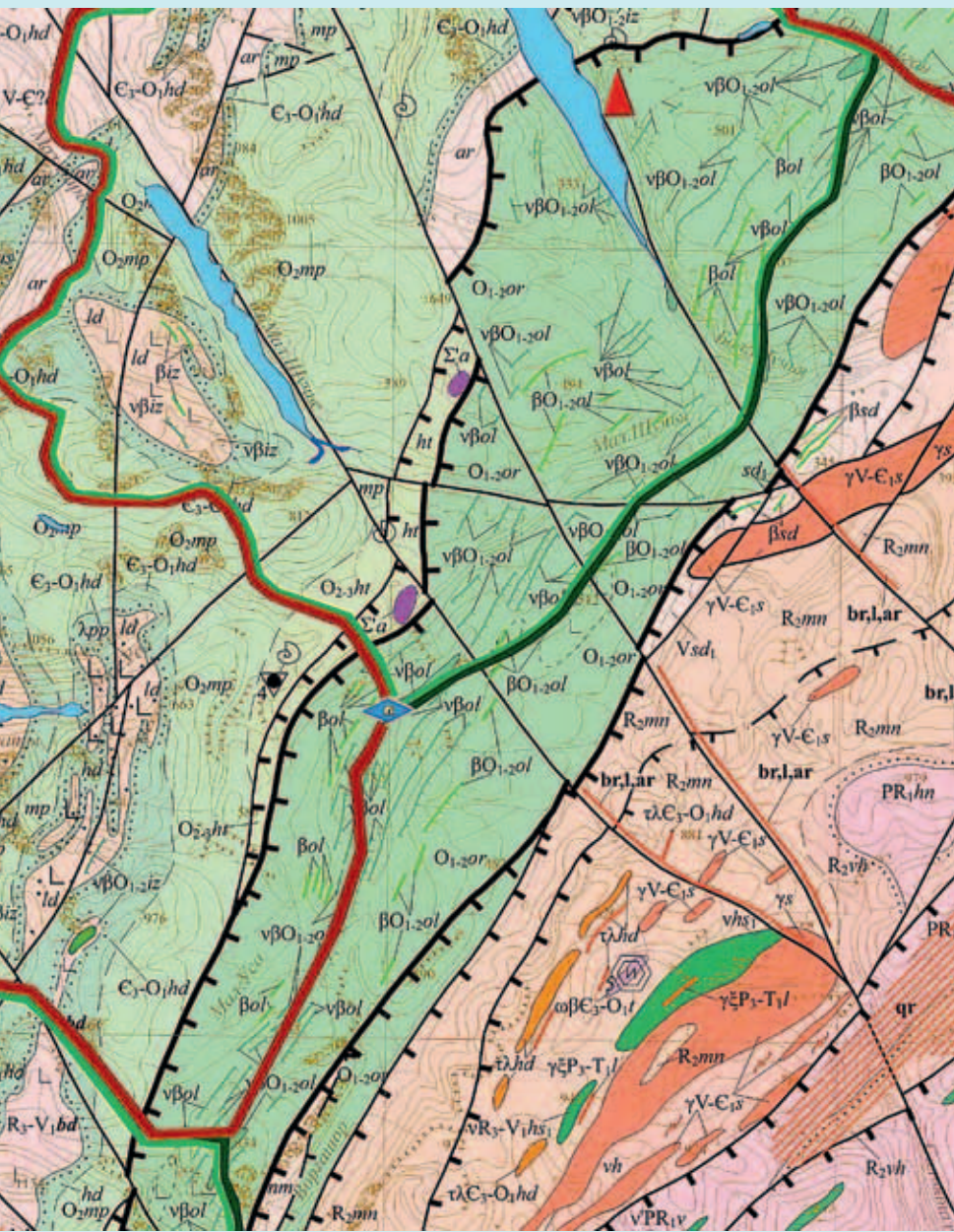
Иван Попов

Геолог — окончил Московский геологоразведочный институт (МГРИ). Профессиональная деятельность в основном связана с изучением геологии и полезных ископаемых Рай-Изского, Войкар-Сыньинского и Сьюм-Кеуского гипербазитовых массивов Полярного Урала. Является первооткрывателем или соавтором открытия ряда значимых проявлений и месторождений: хромитов (Юго-Западное-1, Юго-Западное-2, Косшорское и др.), титаномагнетитов (Дзельтышорское), меди (Тышорское, Нырдовоменшорское, Пятиреченское), мраморов, нефритов, яшм, гондитов и др.

ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ
АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

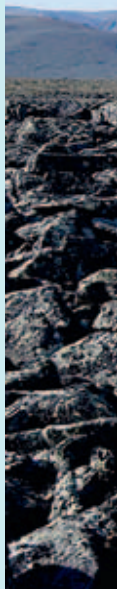

▲ Геология (Душин, 2009 г.)

и западная — мыс Рока в Португалии — издавна являются притягательными туристическими объектами, престижными местами посещения. На местности обозначены оригинальными монументами и тесно связаны с туристической инфраструктурой прилегающих районов. Определение положения точек не вызвало сложности благодаря расположению их на выступах береговых линий. Восточная же точка Европы связана с главным Уральским хребтом, являющимся связующим звеном Евразийского континента, затерялась в водораздельных частях Полярного Урала. Из учебников географии и справочников известны исходные закруглённые координаты точки: северная широта 67°44', восточная долгота 66°15'.

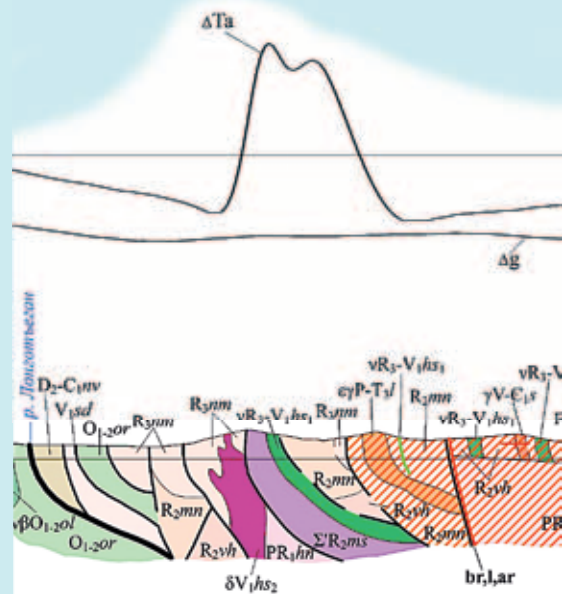

Пристальное внимание и интерес к крайней восточной точке Европы, попыткам её нахождения, посещения и фиксации на местности возникли относительно недавно, что связано с выходом российского туризма на этап современных возможностей. При этом

▼ На месте памятного знака, установленного в 2003 году, сейчас остались только опоры

Встречный ветер

▲ Тур на высоте 780. Еще один претендент на звание самой восточной точки Европы

не обошлось без оригинальностей и курьезов. В средствах массовой информации достаточно подробно описаны три экспедиции, связанные с поиском восточной точки Европы и посещением выбранных мест.

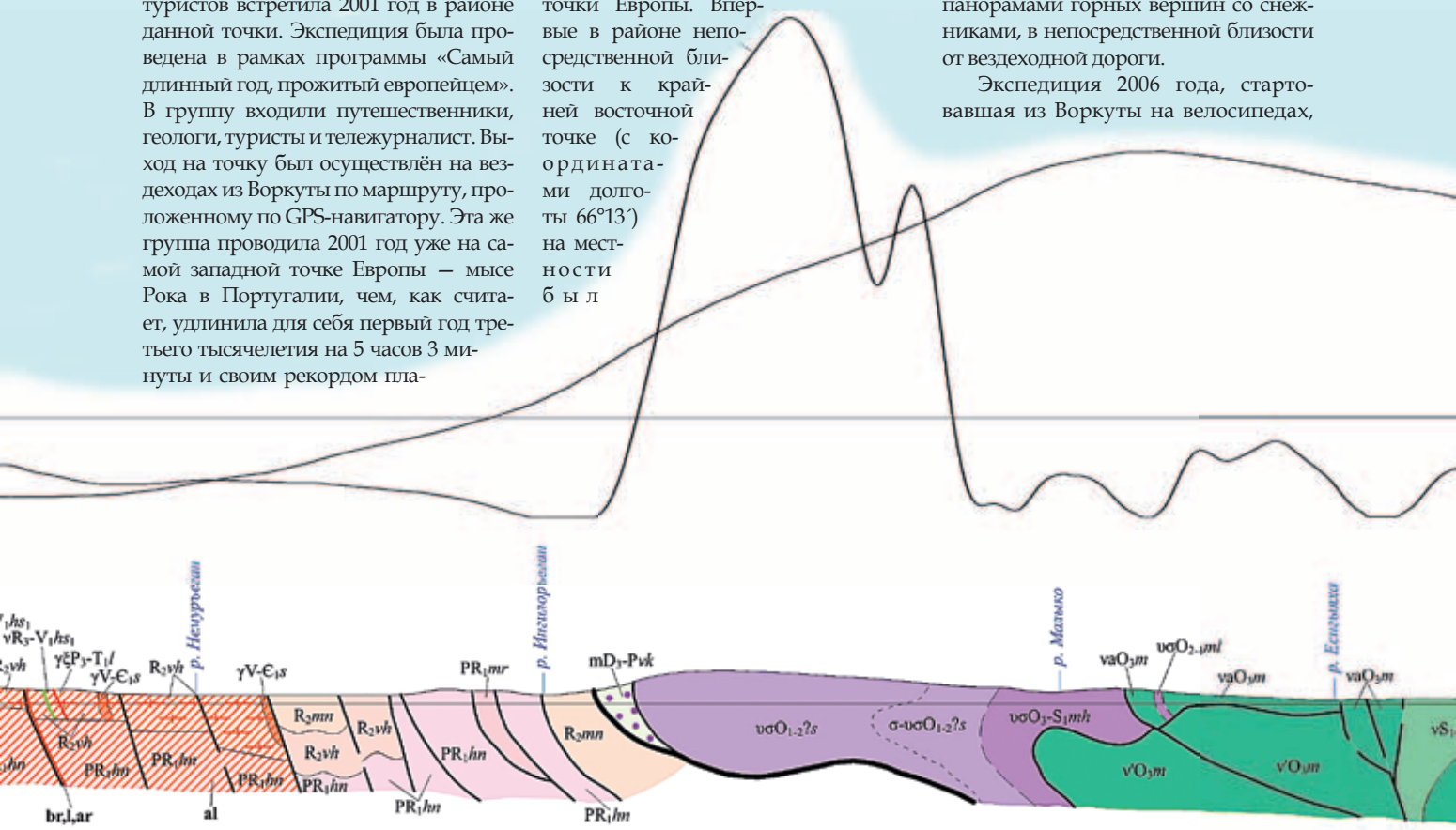
Так, известно, что группа пермских туристов встретила 2001 год в районе данной точки. Экспедиция была проведена в рамках программы «Самый длинный год, прожитый европейцем». В группу входили путешественники, геологи, туристы и тележурналист. Выход на точку был осуществлен на вертолетах из Воркуты по маршруту, проложенному по GPS-навигатору. Эта же группа проводила 2001 год уже на самой западной точке Европы — мысе Рока в Португалии, чем, как считает, удлинит для себя первый год третьего тысячелетия на 5 часов 3 минуты и своим рекордом пла-

нировала пополнить Книгу рекордов Гиннесса.

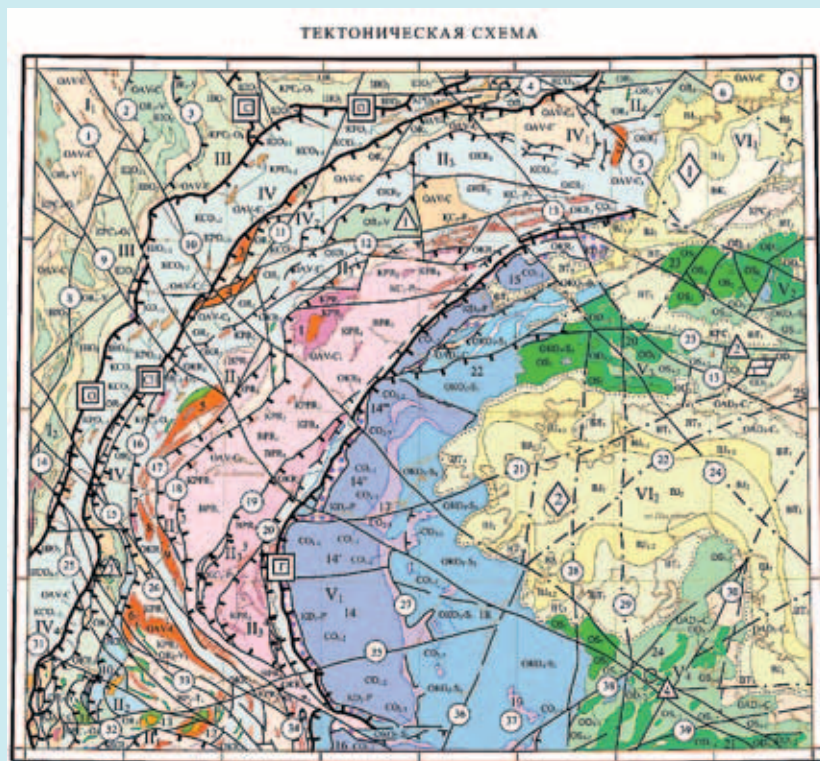
В 2003 году представители Брестского технологического университета, института географии РАН и «Российской газеты» также провели акцию по фиксации самой восточной точки Европы. Впервые в районе непосредственной близости к крайней восточной точке (с координатами долготы 66°13') на местности был

установлен знак «Европа — Азия», вкопана и зацементирована капсула с памятным текстом. Место было выбрано довольно удачное: на резко возвышающемся холмистом увале, являющемся водоразделом притоков Оби и водотоков, текущих в Европу, с приличными панорамами горных вершин со снежниками, в непосредственной близости от вездеходной дороги.

Экспедиция 2006 года, стартовавшая из Воркуты на велосипедах,

▲ Одна из многочисленных рельефно выступающих субмеридиональных каменных гряд — силл габбро-долеритов

не обнаружила оставленного предшественниками памятного географического знака, увидев лишь опоры, на которых он крепился. По существующей версии, сам знак, изготовленный из цветных металлов в виде стрелки компаса с надписью «Европа — Азия», стал желанной добычей оленеводов как дефицитный в тундре материал для изготовления украшений ножен, поясов, оленьей упряжи.

Информация о крайней восточной точке Европы, к удивлению, не нашла в то время живого отклика в России. Известно лишь об отдельных группах

велотуристов из Чехии и Польши, ставивших цель ее посещения.

В настоящий момент интерес к крайней восточной точке Европы как к мощному географическому и туристическому бренду резко возрастает и приобретает актуальность. В 2014 году в Полярно-Уральской части Ямало-Ненецкого автономного округа образуется Полярно-Уральский природный парк, включающий в себя район крайней точки Европы.

Территория природного парка выбрана неслучайно и вбирает в себя наиболее удивительные и привлекательные места Полярно-

го Урала. Достаточно сказать, что в непосредственной близости с восточной точкой в парке расположены уникальные природные достопримечательности: Большое и Малое Щучьи озера, Большое и Малое Хадатинские озера, горы с альпийским рельефом, с многолетними снежниками и крупнейшими уральскими ледниками.

Огромный научный и познавательный интерес представляет геологическое строение района. В территорию природного парка входит ярко выраженная, хорошо обнаженная зона стыка Западно-Сибирской и Восточно-Европейской континентальных плит. Основной межплитовой шов, так называемый Главный Уральский надвиг, в районе парка фиксируется выходами глубинных мантийных пород в виде крупного перидотитового массива Сьум-Кей.

Влияние сильнейшего давления со стороны Западно-Сибирской плиты проявляется на протяжении до 20–30 км к западу от Главного Уральского надвига и выражается в развитии здесь аллохтонно-пластинчатого строения (аллохтон — образование, находящееся в перемещенном откуда-либо месте), развитием надвиговых нарушений, часто сопровождающихся включением линз мантийного вещества в виде серпентинитов. Несомненная связь области аллохтонно-пластинчатого строения с Главным Уральским надвигом подчеркивается при рассмотрении геологических карт и тектонических схем площади. Фронтальную западную часть аллохтонно-пластинчатой зоны логично считать границей Европы и Азии. Формирование Уральского горного пояса в зоне стыка континентальных плит проходило в позднепалеозойский герцинский этап складчатости, завершивший-

ся около 280 млн лет назад. Высотные отметки горных вершин молодого Урала в то время были сопоставимыми с сегодняшними гималайскими.

Что касается крайней восточной точки Европы, то с учетом геологического строения в районе нахождения точки с искомыми координатами 67°44′ северной широты и 66°15′ восточной долготы её положение можно считать более чем удачным. Точка находится в зоне непосредственного контакта Западно-Сибирской и Восточно-Европейской континентальных плит — на западном крае выделяемого здесь орангского аллохтона, в подошве которого здесь же выходит линзообразное тело серпентинитов.

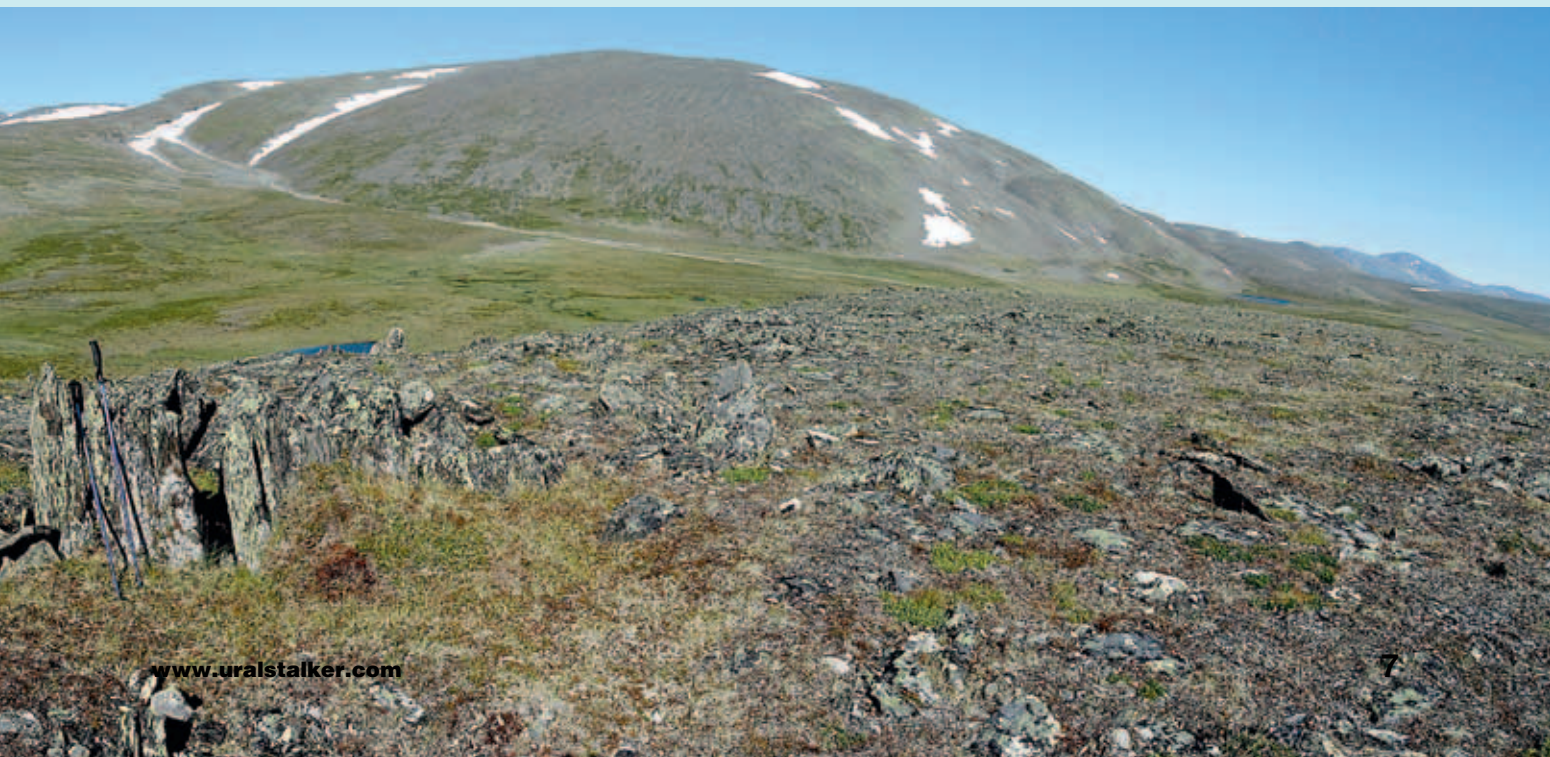
Разрез орангской свиты, слагающей орангский аллохтон, представлен метаморфизованными склоново-океаническими осадками с пластами толеитовых ба-

зальтов, насыщен силами габбро-долеритов и габбро, что указывает принадлежность пород к Западно-Сибирской плите.

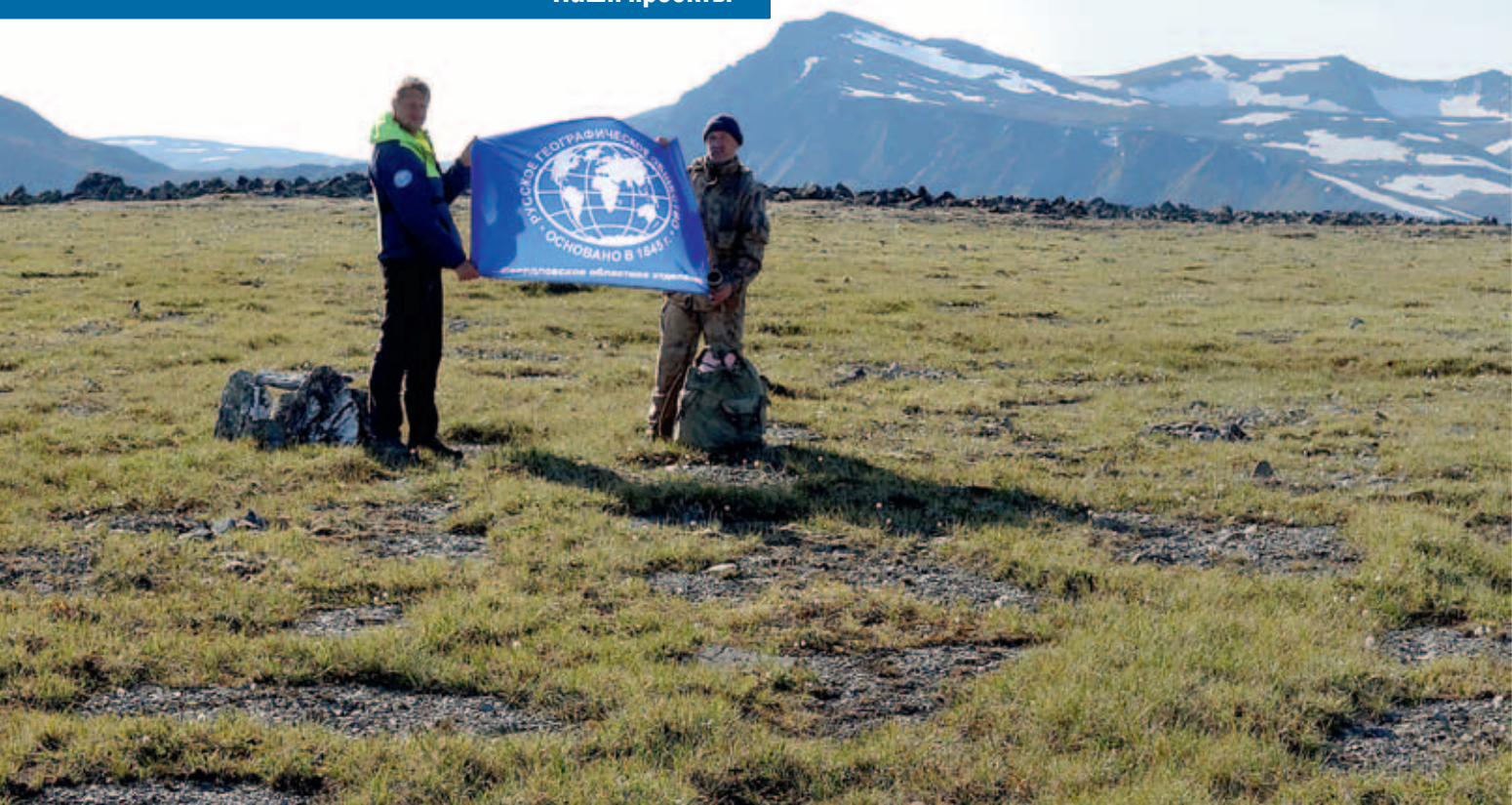
И вот, изучив историю вопроса, члены мониторинговой экспедиции отправились в район крайней восточной точки Европы. **У**

► Крупные включения в основании орангского надвига глубинных мантийных пород — тектонизированные серпентиниты

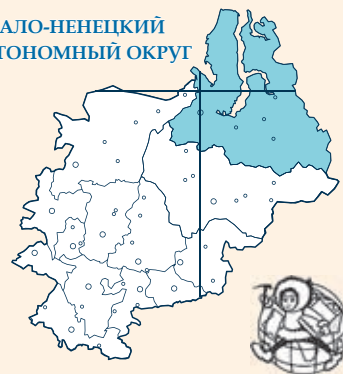

Восточная точка Европы

Фото автора, картографический материал предоставлен Уральским центром камня

О работе многолетней комплексной экспедиции, начатой Уральским центром камня на Полярном Урале в 2012 году, журнал «Уральский следопыт» рассказывал в статье «Заброшенный поселок — Харбей» (№9/2012). В текущем году планировалось изучить самую северную часть Полярного Урала, геологические памятники природы Ямала. В этой поездке было намечено посещение важного географического объекта — крайней восточной точки Европы.

ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ
АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

Разделение материка Евразия на части света Европу и Азию весьма условно. В разные годы граница проводилась то по Дону, то по Волге, отодвигаясь все дальше на восток. Сейчас принято части света разделять по Уральским горам, на юге граница проходит по реке Урал, далее через Каспийское море по Кавказу. В пределах Южного, Среднего, Северного и Приполярного Урала граница достаточно четко промар-

кирована, памятные стелы увенчивают многочисленные дороги в Сибирь. Заполярные территории менее доступны путешественникам, здесь горная часть и видимая складчатость становится менее приметной и сходит на нет к Карскому морю. Наиболее известным знаком, обозначающим границу «Европа — Азия» на Полярном Урале, является знак у железнодорожной станции Полярный.

Максим Фирсов

На существующих географических картах хорошо прослеживается выступ водораздела Уральского хребта, где Европа вклинивается в Западно-Сибирскую плиту и вновь отступает на запад. Сюда и направились участники экспедиции, чтобы на месте определить направления стока вод, уклонов и покатостей рельефа. Ведь известно, что туристы сюда забредают нечасто, у геологов в этом районе свои задачи, а топографы, определив доминирующие высоты и бассейны рек, скрупулезно водораздел не исследовали. Вертолет и вездеход позволяет делать лишь приблизительные оценки. Вот и предыдущие экспедиции, отправившиеся на установку памятного знака, выявили разные места, которые были отмечены как самые удобные — на вершинах расположенных рядом возвышенностей. На нашей карте было обозначено три таких претендента.

В составе группы, поставившей задачей уточнить, где проходит водо-

раздельная линия в районе озера Малое Щучье, верховьев рек Малая Уса и Нгодьяха, отправились геолог Иван Попов, члены Русского географического общества, директор Уральского Центра камня Фират Нурмухаметов и главный редактор журнала «Уральский следопыт» Максим Фирсов.

Глобальную работу проделала в 2010 году ландшафтно-историческая экспедиция, снаряженная Институтом степи Уральского отделения Российской Академии наук благодаря исследовательскому гранту, выделенному Попечительским советом Русского географического общества. Ее участники посетили все заповедники и национальные парки Урала, совершили восхождения на важнейшие вершины осевой части главного хребта России, чтобы уточнить, правильно ли обозначена на картах разделительная линия между двумя частями света.

Мы на месте детально исследовали только небольшой участок. Уже возле

места крепления первого знака на высоте 418 обнаружилось несоответствие маркировки водораздела на туристской карте и действительного положения на местности. Предполагалось, что два расположенных рядом озера питают водой реки разных бассейнов, а оказалось, что они связаны ручьем шириной более метра, выше обнаружено еще одно озерцо, из которого и начиналась водная система. Лишь за ней возвышенность отделяла водосбор уже европейской реки Малая Уса. Вот как! Подвинули прямым измерением границу на запад на 1,2 километра и приподняли на 8 метров. Просторы горной тундры Полярного Урала легко скрадывают подобные неточности. Но мы-то увидели: если присмотреться, то и «белые пятна» на карте России разглядеть можно.

Имя смещение водораздела, поднялись на хребет. Вот он, тур, предложенный как самый восточный для Европы, установленный на высоте 780. Обладая новыми данными и проведя многократные измерения при помощи GPS-навигатора, благо, полярный день летом безграничный, а погода благоволила, пришли к выводу: с одной стороны высоты вода стекала в бассейн реки Малая Щучья, а с другой — в бассейн реки Нгодьяха. Но они обе собрались в Большой Щучьей и отправлялись к Оби. То есть в этой части хребет разделял водосборы не различных бассейнов, а только притоков!

Продолжая измерения, удалось определить линию перегиба, с которой уклон был направлен уже в сторону реки Малая Уса. На перевальном плато видно вклинивание каменного массива черного цвета, в то время как с азиатской стороны хребет сложен из более светлого материала.

Место, где европейский клин максимально выступает на восток, удобно для размещения памятного знака: большое плато доступно для посадки в безветренную погоду вертолета. Сюда сможет подняться тяжелый вездеход, такой как «Витязь». Тогда и знак можно поставить из природного камня, подобно тому, который в 2008 году мы установили в центре Свердловской области — полированный змеевик высотой в 2,5 метра на постаменте (УС №11-12/2008). И снегом не занесет, и обладает повышенной антивандальной устойчивостью. Фират М. Нурмухаметов тут же предложил нанести кроме традиционных координат точки еще изображение нарт с упряжкой, как характерного транспортного средства для этих мест. Посмотрим, ведь такие знаковые проекты должны осуществляться при участии администра-

ции региона. Есть надежда, что в следующем году может появиться на карте Европы наряду со всемирно известными пограничными точками и совсем российская — самая восточная.

В следующем году комплексная экспедиция поднимется в более высокие широты в исследовании до-

стопримечательностей Полярного Урала. И мы, члены Свердловского отделения Русского географического общества и журнал «Уральский следопыт», обязательно проверим: действительно ли установленная восточная точка Европы самая восточная... **УС**

Координаты, определенные при помощи GPS-навигатора:
северная широта 67°44'2,7»
восточная долгота 66°14'36,24»
(для навигатора N6744.045 E6614.604)

СЕРЬЕЗНЫЕ ПУХОВИКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ

RedFox
outdoor equipment

МАНАРАГА
ТОВАРЫ ДЛЯ СПОРТА И АКТИВНОГО ОТДЫХА

Екатеринбург,
ул.Комсомольская, 7
(343) 374-25-90
www.manaraga.ru

Об Урале с акцентом

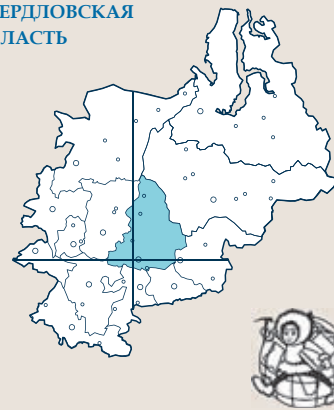
Прожив на Урале почти год, американка Эмили Кими-Майнор с уверенностью говорит, что это место, где она чувствует себя как дома. После окончания Гарвардского университета с дипломом по социологии девушка получила грант на обучение в УрФУ и приехала в Россию, чтобы в течение года провести научное исследование, а также познакомиться с культурой этой страны в целом и Урала в частности.

Эмили обижается, если в ресторане ей предлагают принести меню на английском, ведь по-русски, несмотря на заметный акцент, она говорит свободно, так как начала изучать его еще будучи школьницей. А в течение своего пребывания в Екатеринбурге ей удалось попробовать себя и в качестве преподавателя: она вела встречи разговорного английского клуба в одном из языковых центров города.

Проведя детство в Балтиморе, что на востоке США, Эмили всегда предпочитала мегаполисам небольшие города. Это во многом повлияло на то, что

Екатеринбург девушка называет своим любимым местом в России. «Я понимаю, что это большой город, но в то же время он и компактный, то есть после некоторого времени проживания здесь появляется чувство, что ты действительно знаешь это место. Я могу гулять по центру города, численность населения которого больше миллиона, и все равно встретить знакомое лицо. И хотя шанс такой встречи очень невелик, особенно учитывая, что я не многих знаю, ведь живу здесь всего год, это происходит со мной каждую неделю», — говорит Эмили.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Лера Михайлова

Студентка факультета журналистики УрФУ, печаталась в различных изданиях Екатеринбурга.

Первый и главный критерий оценки нового места для Эмили — люди, которых она в нем встречает. Екатеринбург сразу показался ей очень гостеприимным. Она особенно подмечает, какое приятное чувство вызывает восторг, который зачастую встречается в лицах новых знакомых, когда они понимают, что она американка. «В таких крупных городах, как Москва и Санкт-Петербург, люди привыкли к иностранным туристам, там не встретишь в свою сторону особой приветливости и заинтересованности. В Екатеринбурге же все стремятся узнать меня, многим любопытна история моего пребывания здесь», — отмечает она.

Что до путешествий, то здесь Эмили полагается на своих русских университетских друзей, которые с увлечением показывают ей места Урала, которые, по их мнению, стоит посетить. Несмотря на любовь к истории и музеям, которые ее хранят, здесь девушка предпочитает им туристические поездки по окрестностям Екатеринбурга: «На Урале мне особенно хотелось уви-

деть природу, потому что музеи можно посетить в любом большом городе, но ни один из этих городов не окружает потрясающая красота Уральских гор». Девушка отмечает, что залогом приятного путешествия является компания, с которой в него отправляешься, ведь все может стать намного веселее, если привлечь к этому друзей.

Поездка в Асбест стала знаменательной для Эмили. Еще будучи в Америке, девушка слышала про этот город, ведь он назван в честь одноименного минерала, известного на весь мир. С детства в памяти девушки остались воспоминания о том, как во время реконструкций каких-либо сооружений, содержащих этот минерал, вокруг зоны строительных работ развешивались таблички, предупреждающие, что людям опасно находиться вблизи из-за угрозы заболеть. Известно, что острые волокна, содержащиеся в пыли асбеста, обладают способностью тяжело поражать легкие человека, вызывать развитие смертельно опасных заболеваний. Из-за заранее известных фактов новое место для посещения вызывало некоторые негативные ассоциации. Однако город, который является родиной одной из русских подруг Эмили, оказался очень приятным и внешне привлекательным для иностранной туристки. Именно в этой поездке некоторые вещи напоминали ей о доме: «Во время прогулки в близлежащем лесу у меня появлялось ощущение чего-то знакомого. Не потому, что деревья были такими же, ведь в Балтиморе нет берез и не так много сосен. Но то чувство, когда ты идешь по лесу в тишине и только слышишь струящийся ручеек, напоминало мне о доме».

Сходства Урала с востоком США Эмили находит не только в природе, но и в городской среде. Например, Плотинка напоминает ей о Бостоне и реке Чарльз, которая через него протекает. Несмотря на внешние отличия, в душе возникает то же чувство, что это место, где хочется прогуляться после тяжелого дня, где можно отдохнуть. Также девушка отмечает, насколько приятно наблюдать за тем, как развивается город: «Повсюду возводятся новые здания, а значит, что у этого места есть большой потенциал, чтобы становиться лучше».

Другой поездкой, которая вызвала у Эмили ассоциации с домом, стала велопрогулка к месту под названием Чертово городище. Она вспоминает, как в родном Балтиморе они с семьей любили кататься вдоль неработающей железной дороги. Однако в горах девушка никогда не была, поэтому эта велопрогулка стала для нее особенной. До гор-

Несмотря на то, что в Америке эти насекомые есть, там нет клещевого энцефалита», — вспоминает Эмили.

Путешествуя по Уралу, девушка почувствовала некоторую разницу в отношении русских и американцев к своей природе: «Для американцев природа — это место, где можно отдохнуть душой и зарядиться энергией, и хоть и нельзя сказать, что у русских полярное восприятие, тем не менее я заметила, что здесь, на Урале, люди особенно уважают свою природу, гордятся ее богатством». Сама девушка бережно относится к окружающей среде и выступает против всяческого негативного влияния на нее, поэтому одним из главных неудобств, с которым она столкнулась, начав жить в Екатеринбурге, стало отсутствие сортировки и переработки мусора: «Поначалу я даже копила пластиковые бутылки в надежде найти место, куда можно будет отдать их на переработку, но по истечении какого-то времени сдалась, и это было нелегко». Эмили верит, что подобное прививается со временем, и надеется, что и в Екатеринбурге когда-нибудь к вопросу переработки мусора будут относиться серьезнее.

Называя моменты, которые в течение пребывания на Урале вызывали дискомфорт, Эмили делает ак-

ного массива, находящегося в окрестностях города, она в компании друзей добиралась на электричке. «Взяв велосипеды напрокат в центре Екатеринбурга, мы доехали до станции, с которой электрички отправляются за город, и, дождавшись одну, сели в переполненный дачниками вагон», — рассказывает Эмили. После осмотра местности на велосипеде ребята забрались на самый верх горы, где с большого расстояния смогли увидеть Екатеринбург, здание «Высоцкого» особенно выделялось среди общей картины. Вновь испытанное единение с природой оставило в сердце американки неизгладимое впечатление об Урале.

Кроме позитивных эмоций, в путешествии были и некоторые тревожные моменты. Например, полностью расслабиться в течение прогулки мешала постоянная забота о том, чтобы не быть укушенным очередным комаром или, того хуже, клещом. «Для меня страх перед клещами в новинку.

цент на погоде. Солнце действительно этим летом не жалуется нас своим теплом. «Когда я с негодованием спрашиваю друзей, почему большую часть лета на улице 9 градусов тепла и идет дождь, они отвечают многозначительной улыбкой, ведь в этой части России никогда не знаешь, чего ожидать от погоды. Из-за такой ситуации у меня не было возможности заранее планировать поездки. Погода — это то, чего нельзя предугадать и на что нельзя повлиять, на нее можно только реагировать», — говорит девушка.

Невзирая ни на что, Урал стал особенным местом на Земле для Эмили. Показательно, что даже после окончания срока действия гранта девушка решила остаться здесь еще на несколько месяцев. В качестве напоминания о приятных моментах, проведенных в Екатеринбурге, она планирует взять с собой на родину несколько сувениров ручной работы, особенно ей нравятся расписанные под хохлому шапки, а также хочет привезти своему брату, осваивающему профессию геолога, камень из местного геологического музея. В списке вещей, по которым она будет скучать, неожиданно появляются плацкартные вагоны: «Это был абсолютно новый опыт для меня, ведь в Америке нет поездов, предполагаю-

щих спальные места. По стране мы передвигаемся самолетами и автобусами. А ведь поездки на дальние расстояния на поезде позволяют увидеть огромное количество новых мест с чудесной природой, а также познакомиться с приятными людьми. У меня были разные попутчики: некоторые спокойно читали свои книжки и много спали, другие же не стеснялись знакомиться и завалили много вопросов, когда узнавали, что я американка».

Девушка с уверенностью говорит, что обязательно будет советовать своим американским друзьям посетить Урал, а сама она надеется вернуться сюда через год, чтобы повидать здесь людей, которые стали для нее семьей. Также Эмили говорит, что ни за что не пропустит чемпионат мира по футболу 2018 года, а значит, в этой истории путешествий американки по России точка еще не поставлена. **✎**

«Подарочный сертификат»

Уважаемые господа!!!

Сделайте приятный подарок своим родным и друзьям!
У нас Вы можете приобрести «Подарочный сертификат» на путевки выходного дня (двое суток) по цене 2500 руб. и отпуск (5 суток) по цене 6000 руб. (6-е сутки в подарок). В стоимость сертификата включено посещение тренажерного класса, теннис. Предоставьте удовольствие отдохнуть своим близким за городом на свежем воздухе в экологически благоприятной обстановке.

Комфортабельные номера, домашняя кухня, бар (караоке), сауна, мангальная зона, прокат спортивного инвентаря к Вашим услугам.

Информация по приобретению «Подарочного сертификата» по телефонам: +7 (35166) 2-02-02, 3-29-84.

Добро пожаловать в мир тепла, комфорта и уют...

Наш адрес: 457015 Челябинская область, Увельский р-н, с. Хомутино
Сайт в интернете: www.ural-zlak.ru Электронная почта: ural-zlak@mail.ru
Телефоны: +7 (35166) 3-29-84, 2-02-02 (круглосуточно)

На водах

С наступлением осенне-зимнего сезона туристы все больше предпочитают отдыхать «на водах». Сегодня в Свердловской области активно развивается сегмент санаторно-курортного лечения. В регионе работают 37 санаториев и около 60 баз отдыха. Спрос на лечение увеличивается с каждым годом.

На сегодняшний день санатории, профилактории и СПА-отели предлагают все лучшее, что существует на данный момент в области медицины, аппаратной и врачебной косметологии, лечебной косметики, традиционных и необычных техник массажей. Все это в сочетании с высоким качеством обслуживания гарантирует прекрасные результаты в атмосфере отдыха и здоровья. Какой бы курорт Вы ни выбрали: в горах, у озера или в черте города — в современных санаториях, профилакториях и СПА-отелях вы найдете внутренний баланс и гармонию вдали от стресса.

Какие природно-лечебные ресурсы есть в Свердловской области?

Гидрокарбонатно-хлоридные натриевые воды протекают в Камышловском районе и с успехом применяют-

Встречный ветер

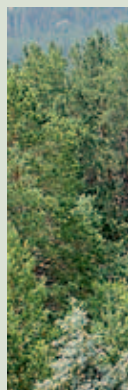
ся для лечения в санатории «Обуховский». А минеральный источник хлоридно-натриевой минеральной воды стал причиной строительства санатория «Нижние Серги». Минеральная вода, используемая для лечения, реабилитации и поддержки больных, содержит 37 элементов таблицы Менделеева, общая минерализация — 7–8 г/л. Подземное озеро залегает на глубине около 200 метров в скальных породах, что дает кристальную чистоту минеральной воде Нижнесергинской. Отдыхая в «Нижних Сергах», туристы также могут посетить парк «Олени ручьи» или взять уроки верховой езды.

В Режевском районе, на месторождении Липовских радоновых вод, работает еще один санаторий — водолечебница областной больницы восстановительного лечения

«Липовка». Радон устраняет дисбаланс эндокринной системы, повышает иммунитет, оказывает обезболивающее, десенсибилизирующее, тонизирующее, рассасывающее и противовоспалительное действие.

Реабилитация по сердечно-сосудистым заболеваниям осуществляется в «Областном специализированном медицинском центре реабилитации «Санаторий Руш». Центр оснащен современным медицинским оборудованием и предлагает комфортные условия проживания.

Санаторий «Самоцвет» специализируется на восстановление опорно-двигательного аппарата. Основным лечебным фактором «Самоцвета» — сапропелевая грязь озера Молтаево, уникальная по своему составу, сочетающая в себе минералы и органические вещества.

Лечебное действие процедур в санаториях основано на температуре, минеральном составе, грязях и энергии воды. Главным составляющим оздоровительных программ являются плавание, гидромассаж, души и ванны с минеральной водой, а также грязелечение. Прохождение курса в сочетании с минеральной водой и грязелечением положительно влияет на органы дыхания, улучшает циркуляцию крови и обмен веществ, помогает при болезнях суставов и болях в спине.

Стоит отметить и санатории-профилактории. Современные центры не ставят перед собой задачу вылечить от каких-либо заболеваний, они нацелены в первую очередь на борьбу с хронической усталостью, стрессом, неправильным питанием и старением. Отправляясь на отдых в профилакторий, можно заказать краткосрочную программу пребывания и тур выходного дня, включающий помимо процедур экскурсионные программы. На сегодняшний день активно развивается лечебная база, номерной фонд и инфраструктура в санаториях-профилакториях «У трех пещер», «Ключики», «Аист», «Чистый Ключ», «Зеленый Мыс» и др.

Восстановление в санаториях, санаториях-профилакториях Свердловской области многопрофильное, практически все здравницы расположены в живописных местах, имеют современную лечебную базу, хороший номерной фонд и развитую инфраструктуру.

Находясь в санаториях и профилакториях Свердловской области, отдыхающие могут познакомиться с регионом, посетить экскурсии или совместить восстановительный отдых с активными видами спорта. **УС**

Путешествуйте по Среднему Уралу!

Сегодня санатории-курорты Свердловской области кроме традиционных программ по лечению могут предложить отдыхающим:

- программы восстановления;
- программы антистресс и детокс;
- программы реабилитации;
- программы для будущих мам;
- круглогодичные программы для детей.

Санатории Свердловской области активно занимаются круглогодичным оздоровлением детей и имеют современные программы, которые позволяют оздоровить ребенка, а также способствуют его развитию. Это санаторий-профилакторий «Дюжонок», детский санаторий «Изоплит», санаторий-профилакторий «Родничок».

Центр развития туризма
Свердловской области,
Екатеринбург, ул. 8 Марта, 13,
телефон (343) 350-05-25.
Узнать больше о туризме
в Свердловской области
можно на сайте
gotoural.com

Государственное унитарное предприятие санаторий «Карагай» Республики Башкортостан

Основан в 1969 году

В живописном месте на берегу чистой горной реки Ик, в 300 км от городов Уфа, Екатеринбург, Пермь, Челябинск, в сосновом бору расположилась одна из лучших здравниц Республики Башкортостан - санаторий «Карагай». Великолепные вековые сосны и журчание реки создают атмосферу уюта и покоя. Сегодня санаторий «Карагай» является центром, предоставляющим многосторонние услуги по оздоровлению и восстановлению здоровья. Природные факторы как сапропелевая грязь озера Культубак, минеральная вода «Карагай» и хвойный воздух способствуют лечению заболеваний опорно-двигательного аппарата, органов дыхания и пищеварения, нервной системы, кожи и подкожной клетчатки, гинекологии и урологии.

К услугам отдыхающих лодки и катамараны, рыболовные снасти, ролики и велосипеды, пляж, бассейн, теннисный корт, волейбольная площадка, бильярд, библиотека, кинозал, компьютерный зал, Wi-Fi, киноконцертный зал, детская комната с воспитателем, детская площадка и т.д.

Прекрасное место для семейного отдыха!

Республика Башкортостан, Мечетлинский район, с.Большеустьикинское, ул. Курортная, 90
тел. (34770) **2-08-52, 2-08-49, 8-800-100-93-89** - звонок по России бесплатный

www.karagay.ru

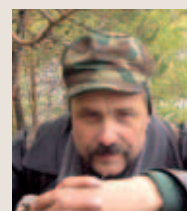
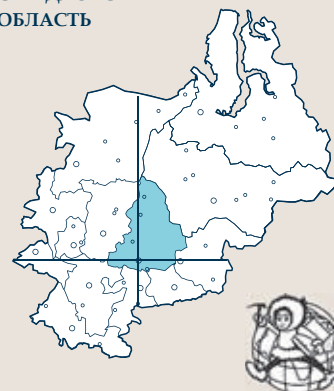
Уральский Канновер

В 60-х годах прошлого века столица Среднего Урала входила в первую пятерку городов, имевших свой джаз-клуб. На его заседаниях инженеры и врачи, философы и филологи размышляли, спорили об этом музыкальном искусстве, сложившемся на рубеже 19 и 20 веков на основе синтеза европейских и африканских звуковых художественных образов. В разное время его брали под свое крыло Дворцы культуры. В советские времена его пытались закрыть по идеологическим соображениям, кому-то он не нравится и сегодня, так как являет оппозицию дешевой попсе и блатному шансону. Тем не менее, он существует. Это любительское объединение создано по инициативе президента джазовой секции Свердловского отделения музыкального общества России Валентина Морозова.

— Работаю в кадетской школе-интернате «Спасатель» учителем биологии, — рассказывает член клуба «Джаз» Юрий Евстратов. — По возрасту я не «шестидесятник», когда был расцвет джаза, моя юность пришлась на семидесятые. Мы увлекались роком: «Led Zeppelin», «Uriah Heep». Поэтому когда дочь спросила: «Папа, а что такое «джаз?», мы с женой не могли ничего ответить, но стали искать информацию. Вышли на клуб «Джаз». Вален-

тин Сергеевич — фанат джаза, собирает и знает о нем все. Увлекается практически всеми направлениями. После своей поездки в США продемонстрировал в клубе фильм об американском авторе джазовой энциклопедии Айра Гитлере. Нередко на наши заседания приходят уральские джазмены: саксофонист Игорь Парашук со своими ребятами из «Ама-джаза», трубач Сергей Пронь. Как-то заглянул «на огонек» заведующий эстрадным отделением област-

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Алексей Молчанов

Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета. Работал в пресс-службе ГУВД Свердловской области, газете «Уральский рабочий», телевизионной и радиовещательной компании. Печатался во многих газетах и журналах, как центральных, так и местных. Дипломант и призер многих газет и журналов. Давний автор нашего журнала. В настоящее время главный специалист по связям со СМИ ООО «Уралдрагмет-холдинг».

ного музыкального училища имени Чайковского Виталий Владимиров. Он представил авторский диск своего бигбенда и был приятно удивлен, что члены клуба задавали ему отнюдь не банальные вопросы, интересовались тем, как он работает над своими композициями, чему учит студентов, в каких залах лучше звучит его оркестр.

— Меня привлекает здесь не только музыка, но и круг общения, — включается в разговор член клуба Валерий Усов. — Собираются люди, которые действительно любят джаз, умеют и поразмышлять, как после джазовых концертов.

— Я работала в Уральском научно-исследовательском институте метрологии в качестве ведущего инженера

▲ В гостях у джаз-клуба Николай Левиновский, 1970-е годы

▲ В. Морозов ведет концерт ансамбля школы «Метроном»

▶ С Алексеем Кузнецовым

▲ С внуком

ра, — говорит Ирина Носова. — В коллективе было много любителей литературы и музыки. А муж играл когда-то в самодеятельном эстрадном оркестре на трубе, поэтому с джазовыми инструментами на любительском уровне я была знакома. Клуб «Джаз» — это семья. Атмосфера почти домашняя. Мы сдружились, ходим вместе на концерты, встречаемся

и в неформальной обстановке. Как секретарь клуба веду альбом с фотографиями, фиксирую темы наших встреч: Дюк Эллингтон, Луи Армстронг, Дейв Брубец, Элла Фитцджеральд...

В клубе музыка нередко сопровождается стихами. Их очень любят все члены клуба «Джаз», в том числе и руководитель. Кто же он, Валентин Морозов?

В 70–90-х годах прошлого столетия каждый выходной в 11.15 по областному радио звучала нестареющая тема Дюка Эллингтона «Садись в поезд «А», с которой начинаются все джазовые передачи в мире. Менялись названия программы: «Джаз по воскресеньям», «Джаз — это серьезно», наконец, «Слушаем и обсуждаем». Но неизменным оставался ее ведущий Валентин Морозов. В радиообзоре происходило не только знакомство с джазом, но и шел серьезный, обстоятельный разговор о том, что представляет собой эта музыка.

Услышав в студенческие годы по «Голосу Америки» популярного джазового ведущего Уиллиса Канновера, Морозов и не предполагал, что вскоре сам станет «уральским Канновером». Сначала он вел подпольные джазовые концерты, за что был изгнан из комсомола. Но сумел сохранить и пронести через всю жизнь любовь и преданность джазу. Он неустанно пропагандировал его в электронных и печатных средствах массовой информации, был среди организаторов первых джазовых фестивалей.

— Все началось с Уральского политехнического, — вспоминает Валентин Сергеевич. — Моя учеба там совпала с эпохой «хрущевской оттепели», когда были даны некоторые послабления в области идеологии, искусства. Поколение жадно знакомилось с тем, что происходило в художественной жизни

страны, мира. Появились ростки джаза. Это определило нашу студенческую жизнь. Молодежь всегда реагирует очень остро и быстро на все перемены. Мы жили в общежитии. По вечерам слушали приемник, так называемые «вражки голоса». Они нередко передавали джазовую музыку. Это был своего рода университет. Мы внимали знакомым мелодиям, которые как-то удивительно преображались, и чувствовали их потрясающую многогранность. Это, оказалось, и был джаз. Мы услышали его из-за бугра, а потом узнали, что он и вокруг начинает появляться. В том числе и в нашем институте, который был центром художественной жизни города.

Из музыкантов я бы отметил пианиста Бориса Чарного. Мы с ним вместе приехали поступать из Оренбурга. Он — на механический, я — на радиофак. Парный конференс Марк Шварц — Анатолий Зиновьев, писатель Герман Дробиз, известный бард Александр Дольский, ныне живущий в Питере... Кстати, в юности Саша всерьез увлекался джазом, играл в биг-бенде Окружного дома офицеров. Свою любовь к этому жанру хранит и поныне, сочинив и исполнив цикл, посвященный известным джазменам современности. В его песне, посвященной Луи Армстронгу, есть и такие строки:

*«Так жить не сложно,
Вот все, что можно,
Вот все, что нам
с тобой дано:
Судьбы водица,
Любви б жениться
И джаза крепкое вино».*

Вот это «джаза крепкое вино» меня поразило, удивило и восхищало. И я стал его апологетом. Первопроходцу всегда трудно: не было никакой информации. Какие-то статейки. Начал общаться с людьми, которые интересовались и пытались что-то узнать. Я и корни джаза начал изучать, исто-

▲ В гостях у джаз-клуба Виталий Владимиров

рию его, сравнивать музыкантов. Как сказал поэт: «Во всем мне хочется дойти до самой сути»... Но, наверно, все-таки это никому не дано.

Тем не менее, я очень многое узнал, собрал фонотеку. Меня стали приглашать с лекциями о джазе. А когда в городе появились первые свинговые исполнители: Владимир Чекасин, Владимир Пресняков-старший, Олег Рудин, то стал ведущим их концертов. Публику, не имевшую тогда представления о джазе, необходимо было как-то предварительно настроить и разогреть. Постепенно джаз вышел из подполья. Власть предрешающие решили, что надо молодым дать какую-то отдушину. Пусть хоть джазом занимаются.

— *Первые джазовые фестивали проводились под эгидой комсомола?..*

— Не только фестивали, но и поездки, и гастролы. Естественно, существовали всякие ограничения. Если ансамбль выступает где-то на фестивале или просто в концертном зале, то обязательно половину репертуара должны составлять произведения советских композиторов. То есть свободы-то сто процентной не было! Но все равно джаз звучал. Ну, а я, естественно, о нем рассказывал. А потом меня пригласили на Свердловское радио вести передачи. Их почта была огромной. Именно она помогала нам, любителям джаза, находить друг друга.

Поворотной точкой стал фестиваль джаза «Таллин-67», о котором писатель Василий Аксенов написал поразившую всех статью в журнале «Юность». Туда приехали со всей страны люди, интересующиеся джазом и им занимающиеся. Встретились, обменялись адресами.

— *Вам приходится общаться с молодежью. Интересуетесь ли она джазом?*

— Некоторые просто впитывают его в себя, зная, что это необходимо. Ведь джаз активно используется другими жанрами музыки. А у иных просто загораются глаза, когда я рассказываю им и ставлю записи своих любимых джазовых вокалисток Кассандры Вильсон, Дезибы Джотер, Эллы Фитцджеральд, а также инструменталистов Херби Хенхока, Дюка Эллингтона, Луиса Армстронга. Молодым я бы пожелал интересоваться не только джазом, но и живописью, литературой. Искусство — это спасательный круг в нашей непредсказуемой действительности.

— *Оглядываясь назад, не задумывались ли, почему джаз стал делом всей вашей жизни?*

— Натура, видимо, моя совпала с основным принципом джаза: импровизация и свобода.

С кем только не доводилось беседовать джазовому критику Валентину Морозову! И с корифеями этого жанра Олегом Лундстрэмом, Анатолием Кроллом, Ларисой Долиной, Давидом Голощекиным, Виктором Двоскиным, Николаем Левиновским. И с набирающими вес на музыкальной арене уральскими джазменами. Одним из первых он представил радиослушателям джазменов-екатеринбуржцев: певицу Надежду Казакову, ставшую позже солисткой питерского ансамбля «Джаз-комфорт», гитариста группы «Доктор Фауст» Евгения Писака. Сегодня Казакова живет и работает в Австралии, Писак — в Израиле. А Валентин Морозов здесь, в Екатеринбурге. Джазовых мемуаров, к сожалению, он не пишет. Зато... воспитывает внука. 📺

◀ С Давидом Голощекиным

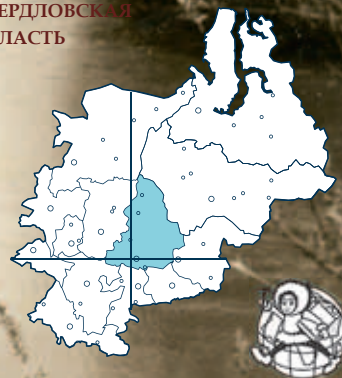

История России.

Река Чусовая

((ФОТОЭКСПЕДИЦИЯ))

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Юний Горбунов

Поселок Чусовая

▲ Школьники с учительницей на берегу Чусовой

► Бригада доярок Комбината-2

Деревенька моя...

При своем рождении поселок Чусовая (таково его нынешнее имя) пребывал небольшим приисковым селеньцем Ревдинского завода. Сегодня отыскать его в береговых зарослях и изгибах Чусовой не так-то просто. А тем более добыть какие-то фотосвидетельства прошлого.

Но нам решительно повезло: в дорожной колдобине повредили защиту двигателя, предстояло лезть под машину на сырой дороге. И тут из ближнего дачного дома выглянула женщина и оказалась... единственным здесь старожилом. Через пять минут один из нас уже лежал под машиной на полиэтиленовой подкладке, а другой держал в руках несколько старых фотографий. И вот что услышали мы из уст Валентины Ивановны Бажуковой...

▲ Прогулка по Чусовой

Деревенька не зря пряталась от людского любопытства. В советские годы населял ее и трудился здесь народ в большинстве своем ссыльный. Кто поделом попал, кто за пустяк, а кто и вовсе по оговору и напраслине. Вот как свекровь нашей благодетельницы — мать ее мужа Виктора Бажукова, здешнего уроженца. В военное лихолетье ее облыжно обвинили в воровстве хлебных карточек. А тогда с этим было строго: осудили и отправили сюда на поселение. Так отложилось в памяти Валентины Ивановны.

Виктор после школы ушел из Чусовой служить в армию. По возвращении они поженились и уехали жить

в город. Виктор как поступил работать составителем поездов на станцию Ревда, так и остался верен своей профессии до кончины. Но Чусовую, как малую родину, он никогда не забывал.

Округа долгое время знала ее под названием Комбинат-2. Трудились жители на животноводческой ферме, откармливали бычков на мясо и коров, выращивали помидоры, огурцы, капусту и прочие овощи. Кормили себя и страну. Деревня жила обычной советской жизнью. Была здесь школа, кузница, баня, бараки для жилья — уголок одного из них виден на фотографии.

Сегодня все это в прошлом. В дачно-садовом поселке от той ссыльной деревушки остались два барака и два-три покосившихся домика. И могилы чусовлян, затянутые муровой, на кладбище в Кунгурке... Те-

▲ Пионер Витя Бажуков

чет и Чусовая в густых зарослях ивняка, черемухи и шиповника. Вовсю хозяйничают в ее ручьях-притоках бобры — валят осины и загораживают рыбе выход из большой воды на нерест.

▼ Окрестности поселка Чусовая сегодня

Село Верхнемакарово

Василий Чапаев верхнемакаровского «разлива»

Когда мы попросили Валентину Ивановну показать какие-нибудь старые фотографии села Верхнемакарово, она полезла за ними... в печку. Дочь вчера выбросила, но сгореть не успели.

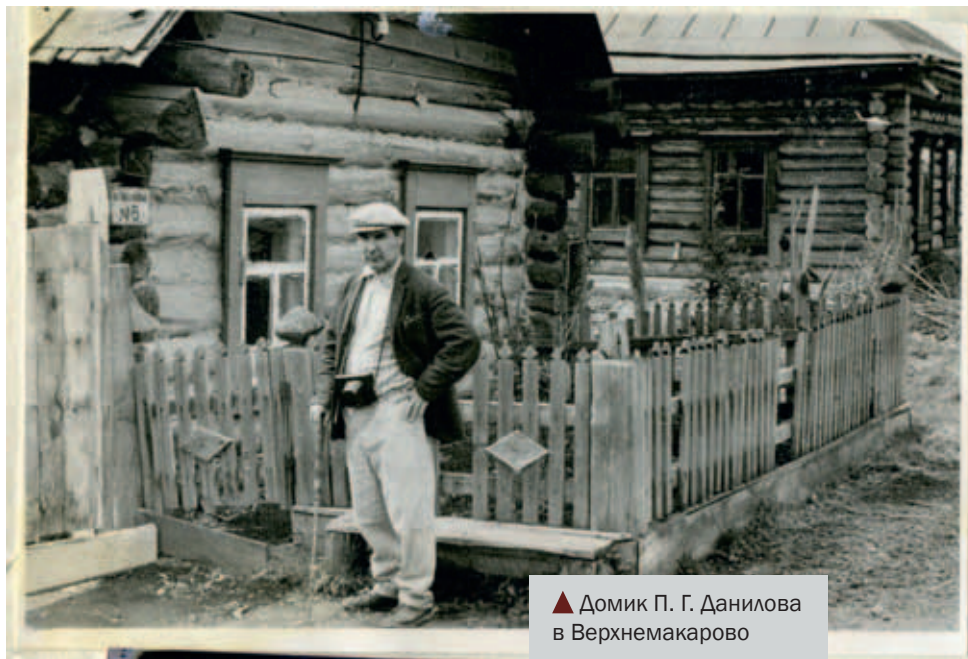
Откуда, спрашивается, пошло нынче такое поветрие, будто прошлого не было, будто все началось с нас, любимых?

Вот чудовское Верхнемакарово невдалеке от одноименного водохранилища. Не пустырь какой-нибудь — большое дачное село. Но кого ни спроси, все укажут только два-три дома, где может еще теплиться фотоистория. А село — ровесник Екатеринбург. Как деревня возникло в 1723-м. Но еще до нее стояла на этом месте деревня Ларина, сожженная башкирами, которые даже к пепелищу людей не подпускали. Здесь была отыскана руда для первых плавков демидовского чугуноплавильного завода в Ревде. Знал село Василий Татищева, промышленников Турчаниновых. Шла через него старая Казанская дорога и почтовый тракт на Кунгур и Уткинскую пристань. С возникновением Полевского и Сысертских заводов Турчаниновы устроили здесь вторую после главной — Уткинской — Макаровскую

пристань. Барки, сплавлявшие уральский металл, назад ведь не возвращались, здесь, в Макарово, ладили новые, а лес для барок готовили на пильной мельнице, поставленной на речке Кунгурке. Уйма вокруг села заброшенных приисков и рудников. Однажды Чусовая подарила людям причудливый ка-

мень — железяк, поросший друзьями горного хрусталя. Бродил по дну будущего водохранилища со своей фотокамерой почти легендарный фотограф Прокудин-Горский. В советское время здесь трудилось отделение совхоза «Горный щит»... Это только отдельные вехи богатой истории села.

Но кто скажет нам, когда кончается история и когда начинается наше сегодня?

▲ Домик П. Г. Данилова
в Верхнемакарово

▲ Верхнемакаровские пейзажи

Валентина Ивановна Колычева, на которую нам указали как на берегиню прошлого, обитает здесь с той поры, как своим иждивением построила небольшой домик для мужа, Петра Григорьевича Данилова, перенесшего тяжелый недуг. Сама она в Свердловске оказалась девчужкой в 41-м, эвакуировавшись с родными из Москвы в вагоне электрички. В Ярославле вагон чудом избежал фашистской бомбы – она угодила в соседний, где никто не уцелел. Значит, судьба ее была на жизни!

А жизнь в Свердловске военных лет, напичканном эвакуированными людьми и заводами, была несладкой. Но жила, училась, работала. И, в конечном счете, стала режиссером студии Свердловского телевидения с правом самостоятельных постановок.

Однажды вызывает ее главреж Михаил Степанович Прохоров. Студия получила право постановки телеспектакля по пьесе «Черная бурка». И ей, Колычевой, поручается эту постановку осуществить.

▲ Телеспектакль «Черная бурка». Чапаев – Н. Бадьев

▲ Петька – П. Федосеев

▲ Валентина Ивановна Колычева

— Зачем?
— Да сядь, говорю. Я спектакль на Москву готовлю. Ты будешь у меня Чапаев.

На том конце провода — молчание. Потом:

— Ты что, одурела? Какой я тебе Чапаев?

Сколько было потом уговоров, сомнений и страхов. Искала актеров на другие роли. (Мужу, тоже актеру, досталась эпизодическая роль одного из ординарцев Чапаева). Три театра были задействованы в постановке... Все это не здесь рассказывать. И вот первая репетиция. Сидит начальство — «три богатыря», ладонями от нее закрылись, провал предвкусывают.

А на сцене стол накрыт. Два «кулака» заговор готовят... Потом Василий Иванович читает свой монолог и поет: «Черный ворон, что ты вьешься...». А она уже его слышала и теперь на «богатырей» смотрит. А те ладони поубирали, свободно на стульях откинулись: на сцене-то ни дать ни взять — Чапаев!

...Телефильм режиссера Валентины Кольчевой «Черная бурка» дважды прошел по центральному телевидению.

Супругу недолго довелось пожить в верхнемакаровском домишке. А вот для Валентины Ивановны село стало родным — каждое лето проводят здесь с семьей дочери. Бережет архивы и альбомы. Пишет воспоминания. В екатеринбург-

Пробежала глазами текст и оторопела:

— Да где же я в Свердловске актера на Чапаева найду? Это после Бориса Бабочкина в фильме «Чапаев»?!

Главреж сразу назвал фамилию. Но когда посмотрела она на актера, послушала его, сразу поняла: не та кандидатура. Ночами маялась в поисках, всех знакомых актеров перебрала и поспрашивала. И вдруг встал перед глазами Николай Бадьев, актер каскадных ролей из Свердловской оперетты, супруг писательницы Эльзы Бадьевой. Звонит ему:

- Коля, ты сейчас стоишь?
- Стою.
- Тогда сядь.

▼ Дачные хлопоты
(Снимки из семейного архива
В. И. Кольчевой)

ской квартире целая полка завалена фотографиями.

Что, скажите, в этом рассказе история, а что — сегодняшний день? И не время ли нынешним небедным обитателям села вспомнить, что не первые они в Верхнемакарово. А «свидетельница» — река Чусовая — еще многое может рассказать. 📷

▲ С. М. Прокудин-Горский. Общий вид деревни Макаровой, 1912 год

▼ Село Верхнемакарово сегодня.
Фото Максима Фирсова

Иллюстрации предоставлены автором

Яблоко от яблони...

Непростое, лихое, во многом свободное и отчаянное время пришло на Урал в эпоху Петра I. Горы узнали руку человека, пришедшего сюда, чтоб открыть месторождения руд и самоцветов. Появилось на Камне новое государство в государстве: царство Демидовых.

Руками простых работных людей основывалась уральская промышленность. Кто был куплен, кто бежал из европейской части России... Со времен Демидовых и появляются на Урале фамилии мастеровых, долгие столетия потом славившие «опорный край державы».

Перепись старообрядцев демидовских заводов 1739 года, хранящаяся в Государственном архиве Свердловской области, содержит имена людей, которые одними из первых стали работать на уральских предприятиях. Среди них кучеклад Невьянского завода Михайло Прокопьев сын Ушаков 40 лет, кучеосыпщик Быньговского завода

Данило Иванов сын Ушаков 63 года, кучелом Выйского завода Антипа Васильев сын Ушаков 33 года и кучелом Черноисточинского завода Афонасий Григорьев сын Ушак 50 лет. Это первые Ушаковы, известные на демидовском Урале. Может быть, кто-то из них и стал основателем двух родов Ушаковых, появившихся в Режевском заводе в XVIII и XIX столетиях. Родоначальником одного из них стал Филипп Терентьев, другого — Никифор Иванов Ушаковы. У каждого рода — своя история, свои выдающиеся представители, своя память...

В первом документе — «Ведомости о ревизских душах» 1788 года —

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Нина Медведева

Член Уральского историко-родословного общества, краевед. Автор публикаций в «Уральском следопыте» и в газетах. Живет в г. Реже Свердловской области.

◀ Петр Иванович (стоит в центре) и Анна Львовна (сидит крайняя справа) Ушаковы. 1906 г.

значится имя вечноотданного крестьянина, старообрядца Филиппа Терентьева Ушакова. Он служил дворником при господском доме. Жена его носила имя Агафья Афанасьевна, «сего завода из Глинской волости крестьянская дочь». Филипп Терентьевич явился основателем рода, не очень многочисленного, но оставившего своеобразный след в истории Режевского завода. След этот вряд ли во всем можно назвать позитивным. Но любая строка в истории семьи добавляет небольшое звено в биографию населенного пункта. Как говорится, из песни слова не выкинешь...

О первом сыне Филиппа Терентьевича, Петре, известно немного. Отдан в рекруты в 1808 году. Как знать, может быть, пришлось ему участвовать в Русско-шведской войне 1808-1809 годов или в Отечественной войне 1812 года? История об этом умалчивает. Но факт отдачи в рекруты о многом говорит. Хозяин крепостных и вечноотданных крестьян стремился избавляться в первую очередь от неугодных. А хороших работников и надежных людей оставлял на заводе. Жена Петра Филипповича, солдатка Агриппина Федоровна, указана в 1823 году с дочерью Анной как подворница крестьянина Агафона Лунегова.

Второй сын, Александр Филиппович, работал на заводе с 1797 года. Служил по куренной части в течение 25 лет, умер в Реже в 1836 году. Но его сын, Трифон Александрович, продолжил печальную традицию се-

мьи. Он тоже был отдан в рекруты в 1836-м.

Третий сын, Назар Филиппович, «служитель на разных раскомандировках», не раз был наказан в Режевском заводе за пьянство, драку и неявку на работу. Но его сын, Григорий Назарович, превзошел отца по части нарушения законов. Причин, по которым он наказывался розгами при заводском исправнике, было мно-

▲ Мария Ивановна Ушакова с дочерью Ниной. 1910-е гг.

жество. И неповиновение при наряде на пожар и посылке на работу, и поздний приход на работу, и прогулы, и «ругательство» плотинного мастера Ермакова, и самовольные отлучки с завода и Аятской плотины, и побег с Бчетского прииска... В феврале 1837 года он был пойман в Зайковской волости на седьмой день побега с Режевского завода. В конце концов, вероятно, за какое-то тяжкое преступление Г.Н. Ушаков был отправлен

◀ Дом Петра Ивановича Ушакова на ул. Красноармейской №2. Ныне снесен. 1970-е гг.

в 1846 году на поселение в Сибирь. Там его следы и теряются.

Сын Назара Ушакова, Потап, служил более двадцати лет при Режевском заводе плотником. Его черныи «послужной список» тоже довольно обширен. Полиция штрафовала его розгами за неоднократные кражи. Уличен он был в воровстве на заводе досок и черномашинных концов. Украл кубовую краску у крестьянина Алапаевского уезда Кошкина и шубу у крестьянской женки Сергеевой в Режевском заводе. Наказывался также за битые Семена Мохова, крестьянской женки Морозовой и даже собственного дяди Федора Ушакова. Умер от горячки в 1870 году.

Четвертый сын Филиппа Терентьевича, Федор, плотник при заводе, тоже не питал уважения к законам. В 1828 году за грабеж 20 рублей у крестьянина Покровской волости Ретнева был наказан 20 палками. Затем наказывался за пьянство, прогулы, «частовременные» драки, неподчинение заводскому начальству... Бытование его в Режевском заводе тоже закончилось высылкой в Сибирь на поселение, и, видимо, немногие из его земляков пожалели об этом.

Все оставшиеся на момент отмены крепостного права в Режевском заводе потомки Филиппа Терентьевича в середине XIX столетия проживали на улице Ключевской, им принадлежали усадьбы 118, 119, 120.

И плохое, и доброе в роду подчас оправдывает известную русскую поговорку: «Яблоко от яблони недалеко падает».

К началу XX столетия упоминаний о потомках Филиппа Терентьевича Ушакова в метрических книгах Успенской единоверческой церкви не встречается. Род ослабел неоднократными высылками мужчин за пределы Режевского завода. Частично он перешел в женские линии и растворился среди других фамилий. Но в любой закономерности есть свои исключения.

В последней ревизской сказке Режевского завода 1858 года появляется имя Анны Львовны Ушаковой, жены Михаила Григорьевича. На момент составления сказки ей было всего 19 лет. Она довольно рано овдовела. Пока известна лишь одна ее дочь, тоже Анна, 1858 года рождения. Анна Львовна была незаурядной женщиной. Документы се-

◀ Павел Петрович Ушаков.
1940-е гг.

железом дома. В этом доме по ул. Красноармейской, 2 и жила семья Петра Ивановича Ушакова.

Глава семьи служил надзирателем в доменном цехе. Его снимок можно увидеть на общей фотографии, запечатлевшей руководство Режевского завода в 1905 году. В 1906-м, в возрасте 27 лет, Петр Иванович женится на Марии Ивановне Лебедевой из единоверческой семьи. Поручителем на свадьбе выступает друг и товарищ по службе в конторе завода — Максимилиан Андреевич Соколов.

Первенец Виктор, родившийся в 1907 году, умирает младенцем. А Павел, Нина и Николай, рожденные в 1911, 1912 и 1914 годах соответственно, были воспитаны отцом и стали замечательными людьми.

В 1911 г. закрывается из-за экономических неурядиц Режевской завод. Петр Иванович служит счетоводом Режевского кредитного товарищества. Дом Ушаковых всегда гостеприимно распахивает свои двери для многочисленных гостей. У Петра Ивановича была исключительно активная жизненная позиция. Толстый альбом фотографий, хранящийся в фондах музея школы №1, говорит об этом без прикрас. Многочисленные снимки друзей — интеллигентов Режевского завода — подарены семье Ушаковых в конце XIX — начале XX веков. Алексей Петрович Старченков, Дмитрий Иванович Бобылев, Максимилиан Андреевич Соколов, Николай Поляков, Павел Михайлович Коньшин, Автоном Яковлевич Клокин и многие другие режевляне той поры запечатлены на снимках в альбоме семьи Ушаковых. От каждого — дружественная дарственная надпись, наполненная теплом. В доме Ушаковых собирались вечеринки, звучала музыка, люди общались, завязывались знакомства. Чем не светский салон в масштабах Режевского завода? Все, кто когда-либо оставил свои воспоминания о Петре Ивановиче, характеризуют его как исключительно доброжелательного, порядочного человека.

Но семейное счастье продолжится недолго. В марте 1917 года уходит из жизни Анна Львовна. Жена

▶ Петр Иванович Ушаков. 1960 г.

редины XIX века указывают, что она имела лавку в торговых рядах Режевского завода. Купчихой была, судя по всему, успешной. По данным Уставной грамоты Режевского завода 1862 года приобрела на собственное имя у Матвея Кропотухина усадьбу на улице Поповской (ныне Красноармейская) под номером 141 в квартале 9. Случай из ряда вон выходящий, так как к этому времени был жив ее муж, а подобного рода сделки — исключительно мужская прерогатива, женщина тогда права голоса и своей собственности не имела.

Вот в ее-то семье и появляется крестьянский сын Петр Иванов Ушаков, так он обозначает-

ся в одной из метрических книг заводской Богоявленской церкви 1894 года. В фондах областного краеведческого музея хранится аттестат об окончании Петром Ивановичем в 1890 году Режевского начального училища, где он обозначен под двойной фамилией Поляков-Ушаков. Скорее всего, он был усыновлен Анной Львовной Ушаковой.

Петр Иванович был личностью весьма яркой и оставил след в истории Режа. Долгое время режевляне, спешившие на старый городской рынок, находившийся в районе Кочнево, проходили возле крепкого, основательного, в шесть окон, крытого знаменитым режевским

► Семья Николая Петровича Ушакова. 1987 г.

Мария Ивановна Ушакова умирает в 1918 году в возрасте 33 лет от рожистого воспаления, последовавшего за появлением на свет мертворожденного младенца. Трое детей остаются на руках отца.

Исключительно активная жизненная позиция всегда была присуща Петру Ивановичу. На выборах, проходивших в Режевском волостном земстве с 27 августа по 8 сентября 1917 года, Ушакова избирают гласным (на теперешнем языке депутатом) по 181 избирательному округу. А когда происходит Октябрьская революция и начинается Гражданская война, он в стороне не остается. 27 июля 1919 года он эвакуируется из Режевского завода с белыми. Бежит в Омск. Об этом свидетельствует «Анкета лиц, вернувшихся после бегства с Колчаком», хранящаяся в ГАСО. В ходе Гражданской войны со стороны белых переходит на сторону красных, как это случалось часто. Заканчивает войну инженером снабжения 35 стрелковой дивизии. После войны возвращается в Режевской завод.

Долгое время П. И. Ушаков служил бухгалтером в заводе «Сан-

техника», позже ставшим механическим. Воспитал много преемников. Как теперь говорят, был хорошим наставником молодых кадров. В фондах областного краеведческого музея хранятся его удостоверения делегата районного съезда профсовета, члена всероссийского союза рабочих-металлистов и другие документы, многократно подтверждающие его репутацию человека с активной жизненной позицией. Федор Павлович Карташов, родоначальник режевского краеведения, неоднократно обращался к П. И. Ушакову с письмами, когда создавал первую, написанную в советское время, историю нашего города. При этом в списках Карташова Петр Иванович обозначен как активист-общественник, хорошо знающий историю Режа. Прожил Петр Иванович необычайно долгую жизнь. Умер в возрасте более 90 лет, похоронен на кладбище Орлова гора недалеко от храма Иоанна Предтечи.

Жизнь детей П. И. Ушакова тоже была связана с Режом. Нина Петровна, в замужестве Олейник, стала педагогом. Она работала учителем и инспектором ГорОНО. Павел Петрович Ушаков 1911 года рождения был призван на фронт в грозные сороковые. 2 декабря 1944 года гвардии лейтенант, командир взвода ПТР 233 стрелковой дивизии П. П. Ушаков убит в бою при освобождении Венгрии в селе Коватхида. Черным вороном прилетела в дом на Красноармейской похоронка, адресованная отцу.

Николай Петрович Ушаков был сначала призван в 1936 году на срочную службу в армию,

в 1939-м на войну с Финляндией, а в августе 1941-го снова надел шинель, на этот раз будучи призванным на Великую Отечественную. Вернулся домой с войны живым. Всю жизнь проработал водителем. Напоминали о фронтовом прошлом, о службе шофером медсанбата под городом Невелем Псковской области медали «За боевые заслуги» и «За победу над Германией». В 1985 г. был награжден орденом Отечественной войны II степени.

С Ниной Павловной Неждановой вырастили в доме на Красноармейской троих детей — Виталия, Якова и Алексея. Два сына взяли фамилию матери. Алексей Нежданов живет сейчас в далекой Эстонии, бережно хранит фотоархив своего деда и память о нем.

А Яков Николаевич стал Ушаковым. Он окончил Свердловский автодорожный техникум, работал старшим механиком в автогараже РНЗ. Его жена Людмила Федоровна многие годы трудилась на Режевской швейной фабрике мастером потока, затем мастером производственного обучения в училище при этом же предприятии. Она тоже всегда на людях (не семейная ли это черта Ушаковых?). Активист хора ветеранов «Былина» при городском ДК «Металлург». Дочери Якова Николаевича и Людмилы Федоровны Ольга и Елена живут в Первоуральске. Очень жаль, что не остается Ушаковых в этом роду. Но память — великолепный хранитель прошлого — никогда не исчезнет. И будет помниться в городе эта старая русская фамилия, которую принесли в далеком прошлом в Реж первые его жители. 📖

Скауты — вчера и сегодня

Основатель и первый главный редактор журнала «Уральский следопыт» Владимир Алексеевич Попов в своем московском прошлом пропагандировал скаутизм, писал о нем, даже возглавлял в Москве отряд скаутов. Эта тема всегда была близка и «Уральскому следопыту».

Английские корни

Трудной была служба британского 13-го гусарского полка в джунглях Индии. Больше всего шансов выжить и вернуться домой было у охотников и следопытов, умевших действовать в глухих лесах. Одним из лучших разведчиков полка был Роберт Стефенсон Смит Баден-Пауэлл. С детства любивший охоту, он в одиночку выслеживал и убивал кабанов — да не пулями, а копьем! Лишь немногие охотники повторяли его подвиги. Вскоре Баден-Пауэлл стал командиром полкового разведывательного отряда.

В свободное от несения службы время он скрупулезно вел дневник, куда записывал свои наблюдения, охотничьи случаи и мысли о пережитом. Все чаще в дневнике офицера появлялись рассуждения о том, что элементы военной, разведывательной, охотничьей жизни могли бы стать прекрасным подспорьем в деле воспитания английских детей в спортивном и патриотическом духе.

Баден-Пауэлл участвовал во многих экспедициях британской армии и в 1890 году посетил Мальту, где увлекся историей и легендами рыцарского ордена Святого Иоанна, или госпитальеров. Их законы о братстве и помощи нуждающимся органично укладывались в создаваемую им систему воспитания молодежи.

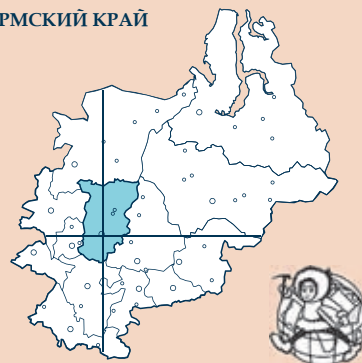
В начале XX века Великобритания с огромным трудом выигры-

вала войну с бурами Южной Африки. Буры уступали англичанам в живой силе, на стороне противника были мощная артиллерия и бронепоезда, но потомки голландских колонистов нередко побеждали за счет выносливости и физической закалки. Они умели находить источники воды, питались растительной пищей, когда у них отбивали весь скот, знали народную медицину, помогавшую спасать раненых без медикаментов.

По долгу службы Баден-Пауэлл оказался в маленьком, слабо укрепленном городке Мейфикинг. Город осаждали превосходившие по численности его гарнизон бурские части. Солдат катастрофически не хватало, и тогда возникла мысль собрать городских мальчишек. Так появился первый отряд мальчиков-велосипедистов, или, как их называли, мейфикингских кадет, которые заменили взрослых. Несмотря на опасность, на велосипедах они развозили приказы, служили вестовыми, патрульными, наблюдателями. Их доблесть часто воодушевляла взрослых. Осада продолжалась 217 дней, и известия о ней и о мужестве городских мальчишек докатились до Англии.

Внезапно Баден-Пауэлл стал получать письма от английских ребят, которые восхищались своими сверстниками и очень хотели быть на них похожими. Вернувшись в Англию, он убедился в недостатках английской воспитательной системы. Школа, по его мнению,

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Антон Васильев

Профессиональный журналист в свободном полете. Окончил Институт журналистики и литературного творчества. Печатался в «Науке и религии», «Технике — молодежи», «1 сентября», «Лицейском и гимназическом образовании», «Уральском следопыте». Живет в Москве.

А. Карасев, А. Шаров, М. Дроздов. 1998 г.

не может сформировать характер ребенка, она лишь дает определенную сумму знаний. Ребята жаловались на засилие хулиганства, на недостаток интересных для их возраста занятий.

«Нация обнаруживает признаки болезни. Мы можем определить эту болезнь как упадок гражданского духа. Средство для излечения общественного недуга — подрастающее поколение и его воспитание». Этот вывод англичанина как нельзя более актуален сегодня и для нашей страны.

Бывший гусар-разведчик написал книгу-инструкцию «Скаутинг для мальчиков» и создал стройную программу работы с подростками в виде занимательной, полной захватывающих приключений игры, вернее, реальной жизни, насыщенной игрой. Основной целью системы скаутинга стало воспитание отзывчивых к чужому горю людей, способных жить на лоне природы и справляться со всеми трудностями, которые на этом пути встречаются; людей сильных духом, отважных и честных, настоящих граждан, для которых жизненные ориентиры — Бог, Родина, помощь бедным, слабым и попавшим в беду.

Для своего времени скаутизм имел и еще одно важнейшее свойство: он сглаживал социально-

классовые противоречия, находя в обществе то, что было одинаково дорого и крестьянину, и пролетарию, и лавочнику: Вера, Родина, нация. В ряды разведчиков потянулись и девочки, переставшие видеть себя лишь будущими домохозяйками; многие из них на скаутской работе ни в чем не уступали мальчишкам.

Когда вспыхнула Первая мировая, уже через несколько часов после объявления войны отряды британских скаутов собрались и приступили к работе по охране мостов, железных дорог, телеграфных линий морского побережья. Тысячи юношей двинулись на фронт, уже готовые к лагерной жизни.

Русское разведчество

*«Помогай больному и несчастному,
Погибающим спешите на зов...
Ко всему большому и прекрасному —
Будь готов!».*

Молодежь в России, остро переживавшая неудачи Русско-японской войны, искала возможность что-то сделать для своей страны. Мысли английского офицера, его единомышленников Редьярда Киплинга и Сетон-Томпсона захватили нашу молодежь и зародили в ней схожие идеи. Поддержал скаутизм и император Николай II,

с интересом прочитавший книгу Баден-Пауэлла. Сын императора, цесаревич Алексей, был записан в царскосельскую дружину, разумеется, лишь номинально.

Развивать скаутское движение в России стал офицер лейб-гвардии пехотного полка (Царское Село), Олег Иванович Пантюхов. Он организовал первый отряд из семи человек (желающих было много больше). Была разработана система организации скаутских отрядов. Они состояли из звеньев-патрулей, каждое из которых имело свой звеньевой треугольный флажок оранжевого цвета с изображением черного силуэта того зверя, чье имя носило звено (бобр, волк, белка и др.). Эмблема движения — рисунок скаута под деревом, окаймленный ободком, на котором написано: «Вера в Бога, Верность Царю, Помощь ближним». Небесным покровителем скаутов стал святой Георгий Победоносец.

Скаутские отряды мальчиков были созданы в Москве и Петербурге в 1910 году, в Киеве — в 1914-м. Скаутский отряд девочек создан в Киеве в 1915-м. Структура скаутских отрядов включала скаутмастеров, патрульных (старших звена) и скаутов. В скауты принимались с письменного согласия родителей мальчики с 12 до 18 лет, младшие группы —

«волчата» (от 8 до 12 лет) — возникли несколько позднее. В 1912 году энтузиаст В. Янчевецкий (будущий писатель В. Ян) через журнал «Ученик» ввел для скаутских отрядов тренировки по 44 специальностям спортивного, гражданского и военного профиля: плаванию и гребле, тушению пожаров, оказанию медицинской помощи, музыке, электротехнике, стрельбе, столярному, кузнечному, переплетному, слесарному делу, пчеловодству, вождению паровозов и автомобилей, поварскому делу и многому другому.

Один из старших друзей скаутов, И. Смольянинов (расстрелянный позже коммунистами), так определил скаутизм: «Скаутизм — это христианство в действии. Это — учение Христа, влитое в рамки понимания и деятельности детей».

На страде Гражданской войны

Особенно много скаутов и мастеров оказались за пределами Европейской части России после 1917 года. Это объясняется просто: они поехали на заработки и за хлебом. Скаутмастера С. Тумим, В. Сабинин, Кортиковский и К. Перцов ехали из Вологды на восток вместе и в Челябинске присоединились к небольшому отряду Дерягина, сформированному при местном реальном училище. В то время советская власть скаутов еще не преследовала, считая их идеи вполне социалистическими, и отряд под руководством Сабинина вырос до ста человек. Их подготовка была вполне на уровне, разве что «материал», по мнению К. Перцова, был сырым и неинтеллигентным.

После восстания чехословаков и местного антисоветского подполья скауты перешли на сторону белых. Во главе отряда остался Тумим, а Сабинин и Перцов ушли добровольцами в армию. Отделениями командовали Дерягин, Мегорский, самыми юными скаутами, «волчатами», — Григорий Вейс. Отряд стал дружиной и специальной командой связи при штабе Челябинской дивизии генерала Ханжина.

Команда состояла из старших скаутов разных уральских городов и, главным образом, занималась переправкой изданий «Осага», белогвардейского пропагандистского ведомства, в действующие части и штабы и за линию фронта, в тылы Красной Армии. Мно-

гие уральские разведчики стали георгиевскими кавалерами. В конце концов, отряд пропал без вести на фронте. Спаслись удалось лишь одному Сабинину, который вернулся в Петроград (любопытно, почему на красную сторону?). Позже он был отправлен на Соловки, а затем сослан в Сибирь.

Первое звено скаутов в Екатеринбурге разрослось в дружину под руководством скаутмастеров В. Силова и М. Бородина. Им удалось издать 12 номеров журнала «Собачья конура». С установлением в городе белого режима работа велась под управлением колчаковского штабс-капитана Березовского и получила название «Дружина белых скаутов». Разведчики служили в основном фельдгегерями, развозя верхом и на велосипедах по городу пакеты с приказами, дежуря в штабах и у телефонов. Многие старшие скауты доставляли на фронт боеприпасы и продовольствие, добровольцами участвовали в боях и в поисках пропавшей из дома Ипатьева царской семьи. После смены власти в июне 1919 года отряд распустили.

В Перми скаутский отряд из 20 подростков 13-14 лет организовал при гимназии Циммермана Александр Кюнтцель, бывший студент петербургской Военно-медицинской академии. Во время одного из походов, возле станции Балмошная, местные жители приняли юношей в хаки и с биноклями за белое подразделение и вызвали красную гвардию. Кюнтцеля и его скаутов спас лишь охранный мандат от коменданта Перми Лукоянова. Кроме них, в Перми был отряд девушек-скаутов под начальством Колокольниковой.

Сконца 1918 года уральские разведчики стали добиваться от белого командования прикрепления их к какому-либо министерству либо правительственных субсидий для организации съезда. Он был созван 20 марта 1919 года в Челябинске. Делегации охватывали Уфу, Екатеринбург, Челябинск и Троицк. Была учреждена Общероссийская организация скаутов во главе с О. Пантюховым и К. А. Перцовым.

Попытку создать отряд в Нижнем Тагиле предпринял в 1919 году екатеринбургский скаут Евгений Упоров, но события военного времени позволили провести лишь пять сборов и один небольшой поход.

Уральские скауты пробовали действовать и в 20-е годы, подчиняясь Всевобучу, но из Москвы пришли грозные указания, и в лучшем случае отряды просто самораспустились, в худшем — скауты и мастера были репрессированы, некоторые были расстреляны за отказ выдать знамена и списки разведчиков. Уцелели в основном лишь те, кто успел эмигрировать.

Скауты стали возвращаться в Россию и страны СНГ только в конце 80-х годов — сначала в страны Балтии, затем и в РФ. Активнее всего действовала Организация Российских Юных Разведчиков, связанная с Народно-Трудовым Союзом (НТС), также вернувшимся из эмиграции в 1992 году, а также НОРС — Национальная Организация Разведчиков-Скаутов, с которой ОРЮР объединился. Нынешних разведчиков легко распознать по форменным нашивкам и цветам галстуков: у москвичей из «Скаутов столицы» они оранжево-черные, у пермяков — зелено-желтые, у казанских — сине-белые...

На Урале в деле возрождения скаутизма большую работу провел, например, пермский Скаутский центр, собравший отряды из Перми, п. Куеда, Березников и Соликамска. Так, в 2008 году он провел зимний лагерь «Снежный ком». Ребята-скауты посетили Кизеловскую пещеру, даже остались с ночевкой в ее подземном базовом лагере.

Пермские скауты, «Зубры», проводят с туристами экскурсионную программу «Соль Камская», с гордостью рассказывая им об Усолье, штаб-квартире Строгановых на Каме, о древнейшем русском го-

Роберт Баден-Пауэлл

Во время суточного лагеря у поселка Именновского ребята учились ориентированию по компасу, определению азимута на местности, вязке узлов и чтению топографических знаков, отправляли друг другу письма азбукой Морзе. Во время экологических походов ребята обустроили и очистили не один родничок как в окрестностях Качканара, так и на других маршрутах, в том числе и на реке Тагил, на берегах которой искали пещеры Ермака. 198-й отряд был награжден почетной грамотой Министерства культуры Российской Федерации.

Раз в три года проходят скаутские слеты-джамбори в разных уголках мира. В 2013 году джамбори прошел в Перми, под названием «Уральское измерение», собрав полторы тысячи юных разведчиков, разделенных на четыре подлагеря, по именам пермских памятных мест: Полюд, Пелым, Ветлан и Басег.

Ребята учились тушить лесные пожары, водить катамараны по реке, спасать утопающих, оказывать первую медпомощь, проходили полосы препятствий, мастерили поделки из пермского камня — селенита, тамги из кожи и меха. Кто накопил на скаутских играх больше всего отличий, первым ушел в Поход Ермака.

На благотворительной ярмарке скауты заработали 23 тысячи рублей, на которые купили оргтехнику для детского приюта. Знаковым событием стал парад в Перми, когда все отряды скаутов красивыми рядами прошли под бой барабанов по центральным улицам.

Скаут-герл Нина Гамаюнова («Стрекоза») написала стихи о слете:

*Мы, ребята, вернулись из рая —
Джамборийского Пермского края!
И ничуть не преувеличение —
Были счастливы*

в том приключении,

*О котором на память остались
Небольшая тоска и усталость...
И огромная радость внутри —
Кама! Пермь! Урал! Джамбори!!!*

... Скаут-разведчик — кто он?

Он верен Богу, предан Родине, помогает ближним. Он — создатель, патриот России, первопроходец. Он оптимист, романтик. Он разведчик жизни, разведчик будущего, разведчик Святой Руси.

роде Урала — Соликамске, о первом в России Ботаническом саде, который основал Григорий Демидов, об Усть-Боровском солеваренном заводе — полностью деревянном, чудом сохранившемся. И о многом другом, ведь в этом крае достопримечательностей не счесть...

В городе Качканаре Свердловской области 198-й отдельный отряд скаутов-разведчиков имени Ермака Тимофеевича в составе Уральского отдела ОРИОР организовывал лыжные походы к Медведь-камню, в район стоянки Ермака перед его сибирским походом, а также к месту его зимовки возле реки Тагил в 1581 году. Скауты установили там памятный крест, освященный в качканарском храме.

Пантохов Олег Иванович
(25.03.82, Киев – 25.10.73, Ницца) – из семьи военного медика. Детство прошло в Киеве, Одессе и Петербурге. Отец привил Олегу интерес к географии, зоологии, рисованию. С 1888 г. семья жила в Тифлисе. Окончил Первую казаческую гимназию, кадетский корпус. С друзьями организовал кружок для путешествий по местам, связанным с творчеством А.С. Пушкина. Направлен для прохождения службы в 1-й лейб-гвардейский Его Величества стрелк. бат. Участвовал в боевых действиях под Холмом, Врестом, Вильной. 19.09.16 в бою тяжело контужен и эвакуирован. В его характеристике писали: «Любит военную службу... Строг и требователен к подчиненным... Интересуется образованием бойскаутов, с организацией которых он ознакомился подробно в самой Англии... Отличается исключительной настойчивостью в проведении своих требований... Хорошо сидит верхом... Он хорошего ума; читает много. Отлично воспитан. В карты не играет и вина не пьет... Выдающийся офицер, вполне заслуживает быть назначенным на должность командира полка, как в армии, так и в гвардии». В Ялте во время лечения ему удалось организовать отряд скаутов и об-во «Русский скаут», издать «Спутник скаута» и 4 номера «Листка скаута». Лето и осень 1917 г. – шк. 3-й школы прапорщиков. После захвата Кремля большевиками бежал на юг с помощью своих друзей по скаутингу. В 1919 г. на съездах скаутских работников в Новочеркасске и Челябинске избран Старшим Скаутом России. В 02.1920 покинул Россию в Константинополь. Осенью 1922 г. с семьей отбыл в Америку. Как Старший Русский Скаут издавал приказы, утверждал Уставы организации, эмблемы и положения, названия, вел переписку с Лондоном, Баден-Паулимом. Предс. Союза Георгиевских кавалеров. Награжден орденом Св. Георгия IV ст. знаком «Белого медведя» № 2 (1929). Брат Николай в середине 30-х отбыл наказание на Соловках (ум. 1935). Жена – Нина Михайловна. Сыновья – Олег, Игорь.

Скаут-разведчик – какой он?

Милосердный, благородный, жизнерадостный. Смелый, целеустремленный, решительный, творческий. Бескорыстный, любознательный, находчивый, скромный.

Скаут-разведчик – что он умеет?

Дружить, принимать решения, брать на себя ответственность, помогать ближним творить добро.

Разведчик верен Богу, предан Родине, родителям и начальникам.

Разведчик честен и правдив.
Разведчик помогает ближним.
Разведчик друг всем и брат всякому другому разведчику.
Разведчик исполняет приказания родителей и начальников.

Разведчик вежлив и услужлив.
Разведчик – друг животных и природы.

Разведчик бережлив и уважает чужую собственность.

Разведчик чист в мыслях, словах, делах, телом и душой.

Разведчик трудолюбив и настойчив.
Разведчик весел и никогда не падает духом.

Разведчик скромный.

Может быть, так и возродится молодежь, а за ней – и наша страна? **УС**

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

К 90-летию сообщества коллекционеров Екатеринбурга

Александр Макурин

Коллекционер, опубликовал результаты исследований фактов современных выпусков денежных суррогатов предприятиями Урала.

Традиционно свердловские краеведы и коллекционеры (филателисты, бонисты, нумизматы, фалеристы и т.д.) принимают участие в многочисленных выставках различного уровня и формата, посвященных этим знаменательным страницам истории.

В 2012 году в ходе подготовки одной из таких выставок автор обратился с предложением к нескольким екатеринбургским коллекционерам со стажем отметить и юбилей местного клуба. Однако выяснилось, что сами коллекционеры, фанатично увлеченные своим хобби и хорошо осведомленные в вопросах, относящихся к предметам собирательства, в том числе и исторических, неважно знают свою собствен-

ную историю. Разброс предлагаемых дат основания клуба составил около четырех (!) лет.

Между тем, столичные (и не только) сообщества коллекционеров обоснованно и документально подтверждаемо определяют почтенный возраст своих клубов. И им есть на что опереться... Так, аж в 1846 году было создано Археологическо-нумизматическое общество Санкт-Петербурга. В 1888 году организовалось Московское нумизматическое общество. В конце 1883 года в статусе отделений Дрезденского Международного общества филателистов были основаны сначала Московская, а затем и Санкт-Петербургская секции Международного общества филателистов. И даже наши коллеги из Нижнего Тагила нашли подтверждение своего организационного определения в 1927 году.

Самое раннее из найденных автором печатных изданий, где упоминается организация коллекционеров Свердловска, датируется 1929 годом.

Уральским краеведам и коллекционерам достаточно хорошо известна следующая публикация. Приведем ее полностью и с сохранением орфографии:

«Отдел Об-ва Коллекционеров («ВОК»). Ул. Детский городок, 8, кв. 5 (временно). Объединение лиц, интересующихся всеми видами знаков почтовой оплаты, гербовыми и фискальными марками, а равно нумизматикой и бонами. Пред. отдела Штейн Т.Я. Секр. Корякин Ю.В.». Исходные данные издания — Свердловск. Справочник-путеводитель на 1929–1930 год. Издание Свердловского Горсовета. 1929 год. Типография «Гранит». Цена 1 р. 50 к. Тираж 4000 экз. (стр. 465–466)».

Геннадий Николаевич Лисин

23 августа исполнилось 112 лет со дня рождения Геннадия Николаевича Лисина. Он родился в 1902 году в Екатеринбурге, окончил начальную школу и четырехклассное городское училище. После окончания училища в 1918 году устроился на работу инкассатором в конторе редакции газеты «Отечественные ведомости». Там он и приобщился к редакционно-журналистской деятельности.

В 1920 году после освобождения Екатеринбурга от колчаковских войск был избран секретарем III райкома ВЛКСМ, одним из первых окончил краткосрочные курсы репортеров РОСТА, а затем и губернскую совпартшколу. Работал репортером, выпускающим редактором УралРОСТА, репортером редакции «Уральская новь», секретарем журнала «Юный пролетарий Урала», заведующим отделом выпуска газеты «На смену». С 1927 года и до ухода на пенсию работал выпускающим редактором газеты «Уральский рабочий».

С начала 1930-х годов активно принимал участие в подготовке журналистов — по совместительству преподавал технику верстки на газетном отделении Урало-Сибирского коммунистического университета, областных газетных курсах, в Государственном институте журналистики. В 1942–1946 годах работал преподавателем кафедры техники и производства газеты Уральского госуниверситета.

Избирался депутатом Свердловского горсовета, в состав выборных комсомольских органов, а также членом обкома профсоюза работников печати.

Но содержание приведенной статьи и даже дата издания путеводителя не давали ответа на вопрос — когда же точно организационно оформилось объединение свердловских коллекционеров?

Суказанным выше справочником-путеводителем по Свердловску на 1929–1930 годы можно ознакомиться в областной библиотеке имени В. Г. Белинского. Кстати, в двух предшествующих путеводителях по городу (1922 и 1924 годов издания), имеющих в запасниках «Белинки», каких-либо сведений о сообществе коллекционеров Екатеринбург-Свердловска не содержится.

Конечно, заманчиво было бы примкнуть к дате образования Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) — 29 сентября 1870 года, — ведь среди его членов были маститые коллекционеры (например, нумизматы). Но это было бы слишком «притянуто за уши», да и перед столичными коллегами неудобно.

Логичнее было бы исходить от организации в Екатеринбурге (Свердловске) отдела Всероссийского общества филателистов — ВОФ (позднее — Всесоюзного общества коллекционеров). Поэтому в своих поисках автор оттапливался от нескольких источников: Большая Советская энциклопедия, выпуски газеты «Советский филателист» за 1924 год, отписки газеты «Северо-Кавказский коллекционер (выпуск Севкавказотдела ВОК, Ростов-на-Дону) и ряд других. Ну и, разумеется, сеть Интернет, в т. ч. Википедия — «источник знаний для ленивых».

В начале 1923 года созданная московскими коллекционерами-филателистами комиссия по составлению устава ВОФ завершила работу.

Устав был вынесен сначала на утверждение Народного комиссариата почт и телеграфов РСФСР (НКПТ), а затем — административного отдела НКВД, который возвратил его на доработку. После повторного рассмотрения проекта в НКПТ он был утвержден в НКВД 15 марта 1923 года. В протоколе первого организационного собрания ВОФ записали: «Считать Всероссийское общество филателистов с 6 апреля 1923 года открывшим свои действия на основании утвержденного 15 марта 1923 года устава...».

Позднее, на общем собрании членов ВОФ (присутствовало 80 человек) 23 сентября 1923 года, был образован Московский отдел ВОФ (МО ВОФ). А 13 апреля 1924 года на общем собрании МО ВОФ был создан Центральный областной отдел ВОФ (ЦОО ВОФ), объединивший 14 губерний.

Первый Всесоюзный съезд ВОФ состоялся 25–29 декабря 1924 года. Из 69 делегатов большинство составляли филателисты — 35 человек, бонистов было 12, нумизматов — 2, филателистов-бонистов — 13, бонистов-нумизматов — 2, филателистов-нумизматов — 2.

На съезде было принято постановление о создании на базе Всероссийского общества филателистов Всесоюзного общества коллекционеров (ВОК), призванного объединить в Обществе не только филателистов, бонистов и нумизматов, но и коллекционеров других направлений. Съезд также постановил целиком влить ВОК в Филателистический интернационал в качестве национальной секции СССР.

Более подробно с материалами работы ВОФ-ВОК можно без труда ознакомиться в Интернете. Для нас же важно упоминание, что в 1924 году Об-

щество включало 14 отделов, в том числе Уральский областной отдел с дислокацией в Екатеринбурге.

Логичным будет предположение, что 14 областных отделов ВОФ соответствовали количеству местных организаций коллекционеров из 14 губерний, которых ранее объединял ЦОО ВОФ (см. выше).

Следующее важное упоминание об Уральском областном отделе содержится в Хрониках ВОФ, опубликованных в «Советском филателисте» в 1924 году. Указано, что 22 июня 1924 года в Москве состоялось первое заседание предварительного совещания по организации международного филателистического общества коллекционеров-трудящихся — Филателистического интернационала. На этом совещании образованы три комиссии, причем в мандатную комиссию от Уральского областного отдела ВОФ вошел В. Веркмейстер.

Данных об уральском коллекционере с такой фамилией автору найти не удалось. Вместе с тем, среди крупных московских коллекционеров-филателистов как царского, так и раннего советского периодов значатся Ф. В. Веркмейстер (владелец антикварного магазина, после революции эмигрировавший из России) и В. В. Веркмейстер. Последний, например, представлял на Всесоюзной выставке по филателии и бонам, проходившей в Москве по инициативе Уполномоченного по филателии и бонам в СССР Ф. Г. Чучина с 14 декабря 1924 по 1 февраля 1925 года, свое собрание «Гербовые и фискальные марки России, РСФСР, СССР» и был удостоен большой золотой медали.

Вероятно, финансовые и транспортные проблемы того времени опре-

деляли практику, когда отдаленные регионы в столице нередко представляли московские коллекционеры...

У читателя может сложиться впечатление, что автор в своих поисках шел по легкому пути и дальше Интернета не продвинулся... Но это далеко не так.

Необходимо подчеркнуть, что автор в том же 2012 году сделал попытку получить документальное подтверждение факта официальной регистрации сообщества коллекционеров Екатеринбурга. Примером, настроившим на возможный позитивный результат, послужила публикация В.Н. Ильина об истории создания Ульяновского отдела ВОФ, где среди прочего говорилось, что 26.09.1925 г. Ульяновский отдел ВОФ был зарегистрирован в Ульяновском губернском административном отделе (ГАО) и занесен в книгу за № 29. Логичным было предположить, что свердловские коллекционеры долж-

ны были пройти аналогичную процедуру регистрации.

При обращении в архив Главного управления МВД России по Свердловской области было установлено, что там имеются материалы административной регистрации, начиная лишь с 1931 года.

Первичное устное обращение автора к руководителям Государственного архива Свердловской области удовлетворительного результата не принесло (2012 г.). Также устно был получен ответ: смотрели мол, не нашли, нужны более точные данные...

Последующая личная работа в архиве также к искомым результатам не привела. Но при этом было установлено, что в журналах регистрации негосударственных (общественных) организаций содержатся сведения, касающиеся деятельности в основном религиозных обществ. Поиск по фондам, в частности фонду № Р-102 Административного отдела исполкома Уральского областного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов за 1923–1925 годы, нужных материалов не выявил.

В ходе общения с работниками архива были также получены данные, что в 20–30-х годах прошлого столетия проводились неоднократные чистки фондов, в результате которых тонны документов, папок и журналов, якобы не представлявших исторической ценности и практического интереса, направлялись в утиль, на переработку. Как знать, может быть, именно в этом бесценном и безвозвратно утерянном массиве информации были и искомые нами сведения?

Завершив личную работу с материалами областного архива, автор все-таки оставил там письменный запрос (от 9 апреля с.г.) и получил заверения, что поиск будет продолжен специалистами. Чуда не случилось, и в адрес автора поступил официальный ответ от 2 июля 2014 года № 459/03-08, что сведений о регистрации Уральского областного отдела ВОФ не выявлено.

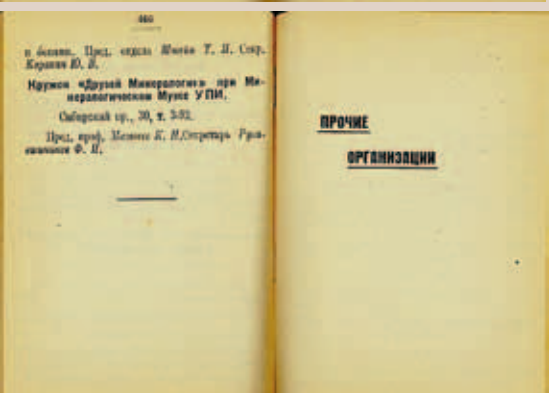
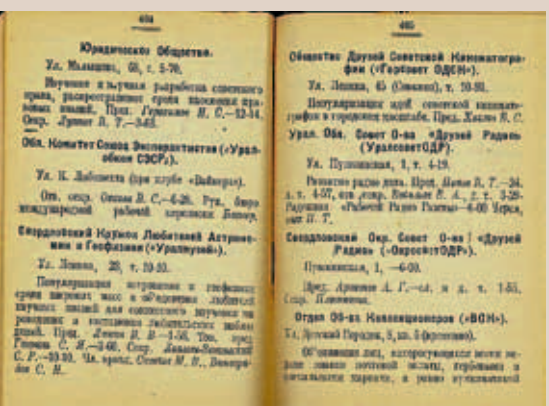
Но все-таки имеется один официальный документ, подтверждающий функционирование в 1924 году Уральского областного отдела ВОФ в Екате-

ринбурге (Свердловске). В личном архиве известного екатеринбургского коллекционера — филателиста и филокартиста А.И. Александровского — хранится подлинный членский билет его наставника и учителя — действительного члена ВОФ Лисина-Гринева Геннадия Николаевича, датированный 1924 годом. С любезного разрешения Александра Идальевича мы публикуем фотографию этого членского билета.

Таким образом, в результате проведенного исследования были получены достоверные данные, свидетельствующие о том, что Уральский областной отдел ВОФ-ВОК начал свою деятельность в 1924 году. В качестве «рабочего варианта» дня его основания можно рассматривать даты проведения мероприятий ВОФ, где упомянут Уральский областной отдел как организационная единица ВОФ. Это либо 13 апреля (день создания Центрального областного отдела ВОФ с представительством от 14 губерний-областей), либо 22 июня (день первого заседания совещания по организации Филателистического интернационала), либо 25 декабря (начало работы Первого Всесоюзного съезда ВОФ). В случае же нахождения в будущем материалов, подтверждающих факт административной регистрации Уральского областного отдела, дата регистрации может быть принята в качестве официального дня рождения екатеринбургского сообщества коллекционеров. Либо это может быть дата организационного собрания Уральского отдела, если будет обнаружен соответствующий протокол.

Автор намеренно подробно осветил ход своих поисков, встретившиеся препятствия и проблемы. Возможно, это пригодится тем, кто интересуется вопросами истории коллекционирования на Урале, материалами о коллекционерах.

В завершение необходимо отметить, что в областном архиве автор имел возможность ознакомиться с рукописями статей и очерков свердловского филателиста Ю.Э. Соркина (Фонд №Р-2808, ОП-1), посвященных в том числе филателистической летописи Екатеринбурга и известным коллекционерам-филателистам Урала А.К. Воробьеву, М.Я. Сюзюмову и другим. К сожалению, это практически единственные материалы в областном архиве, где содержится информация, освещающая лишь малую часть богатейшей истории становления и развития коллекционного дела в Екатеринбурге и Свердловской области.

Унесенные ветром

В девяностые годы прошлого века в нашем регионе родилась Уральская республика. Ее «крестными отцами» были Эдуард Россель (глава администрации Свердловской области), Алексей Воробьев (председатель правительства) и Вячеслав Сурганов (председатель областной думы). Но век Уральской республики был недолог — всего десять дней. Тем не менее, она оставила свой след в истории Урала.

Горбачевская перестройка и распад Советского Союза повлекли за собой моментальную смерть всех его институтов, и в первую очередь — Госплана и Госснаба. Эти бывшие ключевые структуры, перестав существовать, поставили все регионы на колени. Самый сильный удар пришелся на промышленные центры, такие как Свердловская область. Промышленные предприятия оказались брошенными на произвол судьбы. Комитет по госимуществу в то время возглавлял А. Чубайс. Там работали молодые, энергичные «прорабы» перестройки. Э.Э. Россель обратился к ним с рядом вопросов, в том числе о тяжелом положении Уралвагонзавода. И услышал в ответ:

— Эдуард Эргартович, делайте с Уралвагонзаводом что хотите, государству он не нужен.

А то, что на этом заводе трудилось около 60 тысяч человек, их не интересовало.

Наступили трудные времена. В администрации области решили ввести в обращение талоны на продукты питания. Но это не спасало положение. Зачастую талоны просто нечем было отovarивать.

В области катастрофически не хватало наличности, самих денежных купюр. В связи с этим людям невозможно было заплатить заработную плату, долги исчислялись миллиардами рублей. Особенно трудно было пенсионерам. У нас, в поселке Верх-Нейвинском, пенсию выдавали на почте. Старики и старушки очередь занимали около шести часов утра. В 10 часов открывалась почта и ответственный чиновник оповещал:

— Сегодня денег не будет. Идите домой.

И так день за днем, неделя за неделей...

Писатель-юморист Герман Дробиз в газете «Уральский рабочий» (7 ноября 1990 г.) нарисовал такую картину:

«Тревожные вести приходят из разных концов страны: то тут, то там дефицитом становятся денежные знаки. Задерживается выдача зарплаты, почто-

вых переводов, в магазинах перестают сдавать сдачи.

Мы побывали на фабрике, изготавливающей деньги.

— Можно бы увеличить выпуск, но у нас нет стимулов. Во-первых, нашу продукцию не хотят признавать товарами для народа, а потому на нас не распространяется льготный налог. Далее: на фабрике царствует уравниловка. Дадим мы тонну рубликов или тонну сторубликов — прибыль одинаковая. То же самое творится и в цехах. Рабочий, напечатавший за смену миллион, и его коллега, напечатавший миллиард, получают одну и ту же зарплату. В чем мы видим выход? Необходимо, чтобы нам снизили госзаказ хотя бы до семи-десяти процентов, тогда оставшиеся коллектив смог бы продавать всем желающим по договорным ценам. Кроме того, пора устранить многолетнюю несправедливость. На мясокомбинате, например, рабочим продают мясо и колбасу. Почему бы не разрешить и нашим труженикам приобре-

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Василий Попов

Василий Попов живет в рабочем поселке Верх-Нейвинском Свердловской области. Практически всю жизнь занимается коллекционированием. Рассказывает о своем увлечении на выставках и в местной печати. Давний автор «Уральского следопыта».

реть произведенные ими дензнаки по себестоимости? Хотя бы по килограмму в месяц?

Наконец, есть такой путь — создание совместного предприятия. Мы готовы печатать доллары, фунты, марки, гульдены на материале заказчика.

Что касается перебоев с нашей продукцией в некоторых регионах — виноваты железнодорожники. Склады у нас забиты, имеются даже случаи самовозгорания. Навалом, в открытых вагонах, под ветром и дождем. Пройдите вдоль железнодорожного полотна — все откосы и канавы устланы нашими изделиями.

И последнее. Нам катастрофически не хватает грузчиков. Пользуясь случаем, хочу пригласить на погрузочные работы студентов и пенсионеров, всех, кто желает немного заработать. Оплата — натурой. Погрузил десять мешков — одиннадцатый твой.

Верю, что люди откликнутся и придут. А то ведь что получается: всюду нужны деньги, а они тут лежат и лежат».

Предприятия начали погашать долги по зарплате «натурально». «Уральский рабочий» (24 июля 1992 г.) пишет: «Алапаевск. Зарплату телевизорами стали выдавать желающим на Верхне-Синячихинском лесохимическом заводе. В результате бартерной сделки предприятие получило целый вагон цветных телевизоров с дистанционным управлением. Стоимость их 16 тысяч рублей. Но заводчан такие цифры не смущают — ценный товар пользуется спросом, тем более продают его в кредит».

Предприятия выдавали своим работникам то, что выпускали сами. Поэтому на рынках шел оживленный бартерный обмен. Предлагались в обмен на продукты питания лопаты, кастрюли, парфюмерные изделия, одежда и даже... гробы. Правда, до танков и гаубиц дело не дошло. Воровство процветало в невиданных до сих пор масштабах: «Сосновский район (Челябинская область). 210 тонн никеля на сумму более 162 миллионов рублей изъято работниками правоохранительных органов при попытке незаконного вывоза в Литву. Задержана преступная группа в 15 человек» («Уральский рабочий», 17 июля 1992 г.).

Руководители некоторых предприятий выпустили в обращение свои денежные знаки. Назывались эти «деньги» по-разному: чек, расчетный чек, талон, вексель и т.д.

В одиночку с навалившимися бедами было не справиться. Поэтому руководители уральских субъектов решили объединяться. 9 июля 1991 года было

подписано распоряжение председателя Верховного Совета РСФСР об образовании ассоциации экономического взаимодействия областей и республик Уральского региона, а 7 сентября члены Совета ассоциации, в которую вошли Свердловская, Челябинская, Пермская, Тюменская, Оренбургская области, а также Башкирия и Удмуртия, собрались на первое заседание, где наметили план работы. Ассоциацию возглавил Эдуард Россель. Возник прообраз Уральской республики.

14 сентября 1993 года руководители Курганской, Оренбургской, Пермской, Свердловской и Челябинской областей подписали совместное заявление, в котором выразили готовность начать подготовительную работу по созданию на базе областей Урала Уральской республики в составе РФ как ее субъекта. 27 октября Свердловский облас-

вет утвердил Конституцию Уральской республики: 171 депутат из 189 присутствующих на сессии проголосовали «за». Текст документа 30 октября 1993 года был опубликован в «Областной газете», что фактически означало вступление его в силу. Появилась Уральская республика.

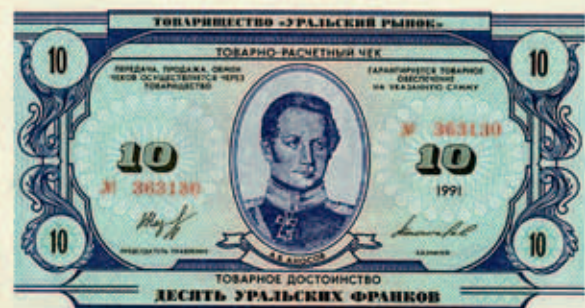
Но... 9 ноября президент Российской Федерации Борис Ельцин своим указом распустил Свердловский облсовет, а его решения «О статусе Свердловской области в составе Российской Федерации» и «О Конституции Уральской республики» объявил «не имеющими юридической силы с момента их принятия».

Республики не стало. Просуществовав всего десять дней, она была унесена ветром истории. Но остались деньги, денежные купюры Уральской республики — франки! Правда, их не успели пустить в обращение — огромная масса купюр была уничтожена, но какая-то часть уцелела на радость собирателям.

Вот как Эдуард Эргартович рассказывал об этой акции: идею с уральскими деньгами подал один депутат. Он предложил печатать их курсом один к десяти. А тогда с деньгами ситуация была очень сложная, инфляция съедала все. Идея уральского франка нашла поддержку в Москве. Разрешение на выпуск уральских денег было получено за подписью Егора Гайдара. Печатали купюры на Пермской фабрике «Гознак» номиналами 1, 5, 10, 20,

50, 100, 500 и 1000 уральских франков на общую сумму 56 миллионов. Официально они именовались «товарно-расчетными чеками», но должны были выполнять функцию денежных знаков. Заказчиком франков было товарищество «Уральский рынок» (А. Левин. «Феномен. Штрихи к портрету Эдуарда Росселя». Екат., 2007).

Возникают вопросы: что это за «Товарищество «Уральский рынок», где размещалось, кто его учредители? Почему именно франки, а не лиры, тугрики, гульдены, сомы, уральские рубли, наконец? На Урале всегда ходили общегосударствен-

ные или частные рубли. На купюрах есть подписи Председателя правления и Казначей, но чьи это подписи?

Перейдем к самим денежным знакам. Все они имеют одинаковые размеры: 145x80 мм. Бумага плотная, гладкая, с водяными знаками. Эскизы и рисунки уральских франков выполнила художник и архитектор С. А. Демидова. Об этом «фантастичном» заказе она подробно рассказала в блоге Живого журнала в интернете (Sophia-demidova.livejournal.com).

На лицевой стороне купюры номиналом в 1 франк в медальоне эллипсоидной формы помещен пор-

tret хана Ибака из династии Шибанидов. (С его именем связано одно из первых известий о Тюменской орде.) В верхней части знака надписи в две строки: «Товарищество «Уральский рынок» и «Товарно-расчетный чек». В поле портрета Ибака слева вверху надпись: «Передача, продажа, обмен чеков осуществляется через товарищество».

Справа, на этом же уровне, тоже в три строки: «Гарантируется товарное обеспечение на указанную сумму». По бокам портрета в ажурных виньетках помещены цифры «1». Слева под числом — номер

банкноты красным шрифтом, а под ним надпись: «Председатель правления» и его подпись. Справа выше цифры «1» — тот же шестизначный номер, а под цифрой — год выпуска купюры «1991» и слово «Казначей» с подписью. По углам расставлены числа «1».

На обратной стороне изображено здание коммерческого училища в Тюмени. Остальные купюры оформлены аналогично.

5 франков. На лицевой стороне в медальоне помещен портрет Никиты Демидова, а на обратной — Невьянская наклонная башня.

10 франков. На лицевой стороне — портрет творца Златоустовского булата Аносова. Под портретом на ленте: «А.Б. Аносов». (Вообще-то Аносова звали и величали Павлом Петровичем.) На обратной стороне — здание арсенала в Златоусте.

20 франков. На лицевой стороне портрет Д.Н. Мамина-Сибиряка, а на другой изображен дом Ипатьева.

50 франков. На лицевой стороне портрет живописца М.В. Нестерова, на обратной стороне — здание-памятник XIX века в Уфе.

100 франков. На лицевой стороне в медальоне помещен портрет

Д.И. Менделеева, на обороте — изображение Тобольского кремля.

500 франков. На лицевой стороне портрет театрального деятеля С.П. Дягилева, а на обратной — изображение дома Дягилева в Перми.

1000 франков. На лицевой стороне в медальоне — портрет П.И. Чайковского, а на другой стороне — рисунок Дома-музея композитора в Воткинске.

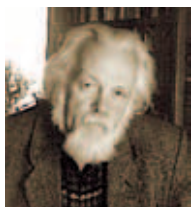
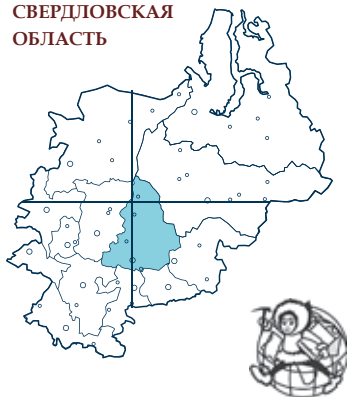
Деньги, как и сама Уральская республика, развеяны ветром истории. Но в альбомах коллекционеров-собрателей они займут почетные места. **У**

Двое любящих и Бог

Косьма юродивый

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Юний Горбунов

Мы продолжаем публикацию этюдов по истории верхотурской Троицы Живоначальной — в пору, когда по указу Петра I начала она переодеваться в камень.

Свой шестимесячный живот Ульяна несла Кузьме так бережно и ревниво, как будто это был уже младенец, пригревшийся и затихший в ее ладонях. Никто на посаде и в городе до сей поры не ведал ее тайны, спрятанной под широким сарафаном. Разве Троица... Да и кому дело?... Ни на какого из парней, кроме Кузьмы, она сроду не глянула. А бабы... Так ведь на всяк роток пуговицы не нашъешь.

Кузьма должен узнать первый. Теперь-то он заговорит, растворит уста. Растропит Ульяна его тоскливую немоту. А сколько им выпало! Одна Троица только и ведает.

▲ И. Е. Репин.
Крестный ход в Курской губернии

Усадьба купца Сидора Ронжина тучнела на южном краю посада, но Сидор издавна к Троице тяготел и супружницу с дочкой к Троице же приохотил.

Краснопогодный ноне выдался сентябрь. Скоро Воздвижение животворящего креста, а верхотурцы еще и утренников не знали. Ведрено начался 1704-й, и это, радовалась Ульяна, тоже хороший знак. Все случившееся у нее с Кузьмой виделось ей уже и не лихом вовсе, а обетованием.

Ульяна не спешила в Зареку, где жил Кузьма, шла неторопко, словно бы это вторилась вся ее с Кузьмой нелегкая дорога к младенцу и семейному ладу.

Кузьму знала она всегда. Лицо его, обрамленное непослушными прядями русых волос, небесно-голубые глаза, вечно о чем-то по-детски вопрошающие, ждущие, вы-

сокий лоб... Свою богоданную голову Кузьма нес по жизни трудно на от рождения немощных вихляющихся ногах. При этом и руки его, словно помогая ноженькам, описывали дуги, ходили ходуном. Но живой погрудной иконой бестревожно плыл над землей его лик.

Ульяна сразу сказала себе и всей округе: он мой. Кузьма противился, сторонился, избегал, но издали, она замечала, искал ее взглядом. А прошло время и стала она для Кузьмы Улей. Легко и просто было с ним Ульяне. Заразительным смехом умела она снять с него угрюмое недоверие, вовремя и словно невзначай подхватить под руку, обнять прилюдно и безгреховно. Необременительно, едва ли не желанно принимала его недуг. На посаде ли, где жила Ульяна, в Троицком ли подворье, в Заречной ли сло-

бодке Кузьмы — всюду видели их вдвоем. И однажды счастливая пара предстала пред очи Сидора Ронжина, отца Ульяны. Предстала за благословением. Сидор принял слова дочери за игру, комедь заморскую, только Кузька-хромоножка играл уж больно всерьез и смотрел на него немигаючи. Но это Сидора не насторожило.

— Ба, кого вижу! — подбоченясь, включился он в игру. — Иди-кось, мать, глянь на Тусю и Матусю. Да ухват-то прихвати. Знашь, поди, чем ноне молодых благословляют. А Кузька-то каков артист! Никак кафтан без заплат у соседа занял! А много ли посулил?

Большими глазами смотрела Ульяна на кривляния отца, и глаза ее медленно набухали слезами. А мать, глядя на нее, уже дергала Сидора за рукав:

— Окстись, отец. Аль не видишь?..

Сидор тотчас посерьезнел и сел на табурет.

— Ну, спасибо, дочка, высмотрела женишка. И долго ли искала? Небойсь, весь околоток обошла? А про нас с матерью забыла? Для кого растили? Для этого инвалида? Кому дом оставлю, дело торговое? — На Кузьму он больше не смотрел. — Вот тебе, дочь, мое первое и последнее слово: к лавке лицом, по заду дубцом — вот вам и под венцом! Ни в кои веки ни креста, ни образа святого не положу!

Если бы видела сейчас Ульяна лицо Кузьмы, да Бог уберег. Вырвал он ладонь из ее руки, повернулся и, вихляясь, дергаясь весь, пошел прочь.

— Вот, смотри, — добивал ее, не вставая, Сидор. — Весело, впрысядку жили бы, погляжу.

И с этой поры зачалась у Кузьмы немота. Людей сторониться стал, и слова, бывало, из него не вытянешь. Потому и фамилия его родная забылась — все Немгинов да Немгинов. Долго-медленно и к себе снова приваживала его Ульяна. От дома отбилась совсем, закусила удила. Все с Кузьмой и все на людях — поводырем. Будто и не было отцова приговора.

Ластилась к Троице Ульяна, то и дело тянула Кузьму под ее обитель. Верила, что вымолит она у Троицы Кузьму, Бог даст вымолит. Не сошелся белый свет на отцовом капризе.

А воеводский двор было нынче не узнать. Обнимался с двух сторон каменной крепостной стеной с башнями по речному краю. Да и с прочих сторон все, по угоде царя Петра, теперь из каленого красного кирпича возносилось. Приказные палаты, амбары житные, караульня с поварней. И воеводский дом посереде усадьбы зачинался. А под Камнем-то! Складские сараи со штабелями кирпича, печи обжиговые тянулись по всему заречному берегу. Горы бутового камня навожены. Одна только Троица соборная и величалась еще сливочным листвяно-сосновым деревом. Но уже рядом с ней, ближе к посадку пускала бутовые корни каменная, буквально срисовывая деревянную. С утра до ночи гоношились вокруг пришлых камнеделов прихожане и посадские, толкуя всяк по-своему каменную невидаль.

Постепенно теплели у Кузьмы ладони. Все охотнее поворачивал он на троицкие купола. Часами стояли они в одиноких молитвах, наедине с Троицей Живоначальной. То и дело порывалась Ульяна преклонить колени пред иереем-настоятелем: не обвенчает ли без родительского лада, да Кузьма одну идти настрого остерег, а сам, замечала, нет-нет да провожал бабюшку глазами, принаравливался.

Протоиерей Троицы отец Иоанн был по эту пору и швец, и жнец, и на дуде игрец. Видано ли дело: и службы в живой еще церкви, которую не отдали-таки огню, и в новом храме, что в камне копирует прежнюю Троицу, нужен глаз да глаз. Настоятелю и верхотурцам камень внове и в диковинку, дереву не чета: рукой не согреешь, гвоздя не вобьешь. Но ведь теперь неумемному огню будет Троицу не взять! Паства по случаю каменной стройки от рук отбилась, топтыжит с утра до ночи, креста лишний раз не положит, на москалей и соликамцев глядя. А те пошабашили — и в кабак. И посадские тут как тут, дескать, и мы не льком шиты. Пошел слушок по пьяной лавочке, будто и скитники-

староверцы тоже в артели подались, на подвалы глаз положили, норвят-де под шумок тайный ход от новой Троицы к скитам пустить. А сунься-ко туда! Огреют со спины лопатой — ищи виноватого...

Пусто в церкви в неурочный час. Свечи не колебнутся. Замерла Троица, будто в догадку ей, что скоро раскатают ее прихожане на избы и бани. Только эти двое — Ульяна с Кузьмой — дноют и ночуют. Исхитрились-таки изловить протоиерея в Сергие-Радонежском приделе. Ульяна сразу — в ноги. Любим, говорит, друг друга, а отец не велит. А у нас... а мы... — и в слезы пала.

Слышал отец Иоанн про их доuku. Мало сказать: ждал и боялся встречи. Голуби, ни дать ни взять, божьи дети. С радостью великой возложил бы венец. Но Сидор... Первый среди троицкой паствы прихожанин. Службой и всенощными бдениями хоть раз бы пренебрег. Постигнись — всякому в пример. А хор церковный — куда ему без Сидорова баса? Никогда Троице Живоначальной в рубле не отказал. А в эку-то пору да его не уважить... Как будет троицевику святителю ему в глаза глянуть?.. Церковь, мол, на слом, так и все Божье изволение туда же?

— Встань, дочь моя, — глядя волосы Ульяны, сказал настоятель. — Какие ваши-то годы? Сегодня построжал отец твой, а завтра, глядишь, и смилоствивится. Услышит Бог. — И перевел взгляд на Кузьму. — А у меня, сами видите, какой содом.

Кузьма стоял будто в стороне, но глаз с настоятеля не спускал, держал под прицелом. Умела его душа читать не слыша. Все-то он понял-прочитал. И будто снял

обузу. «Уж не в угоду ли Немгинову иереев отказ?» — вдруг мелькнуло отцу Иоанну, когда выходил из придела.

С той поры вовсе замкнулся Кузьма. Жил внутри себя. И никого туда не впускал, даже Ульяну. А когда оставались одни в укромном уголке заречного сеновала, гладил волосы ее и, чудилось ей, разговаривал руками. Не все понимала Ульяна из тех его слов. Он говорил про большое облако, коему негде присесть-уместиться среди множества маленьких орущих и толкающихся ртов, рук и ног, они заполонили все неоглядное пространство земли. Сверху видишь, будто бы теплет что-то сияющее богоданное, — рука Кузьмы слепо шла по ее лицу, глазам, щекам, трогала открывшиеся губы, — а коснешься земли... ба! Да это балаган размалеванный и вознесенный, а во круг — орущие рты, рты, рты...

И зачастую Кузьма в скит. Ульяне не велел. Днями, а то и неделями не показывался на посад и в Зареке. А если они к Троице шли, так тянуло его в подвалы каменного ее соседа. Бывало, уйдет туда — и стинет, как в преисподней. А Ульяна дни считает — живот-то как опара под ее руками.

Однажды после долгой отлучки явился ей Кузьма будто и прежний, а другой. Суковатая палка в руках. Весьто напояк ходит ходуном и недуг свой миру являет. А лицо улыбкой вдруг исказилось, на гримасу похожей. Ульяна вопрошает: ну что, мол, выходил в скиту? Будто не слышит ее Кузьма.

— Не берет Он меня к себе, Уля. Не можешь, говорит, прах отрясти, за собой, говорит, волочишь. На земле твоя доля, в миру... И снова свое твердит: рты, рты, рты...

И поняла Ульяна: пора открыть Кузьме ее тайну.

Свято-Троицкий Соборъ и Часовня на могилъ
Космы Юродив.

▲ Мужской монастырь Свято-Косьминская пустынь с храмом во имя Святого Блаженного Косьмы Верхотурского

...Город, посад и слободы Ямская и Заречная в том сентябре с раннего утра собирались в село Меркушино. За мощами святого Симеона, открывшимися там. Монастырские колокола созывали. И Троица им поддакивала. Ульяна решила — самое время.

Едва нашла она Кузьму в Зарече. И вовсе его не узнала. Палка, как поводьрь, впереди него бежит. Лицо — в гримасе. На теле бабий цветастый халат распахнут и кальсоны... Глаза на месте не стоят, все-то он их закатить норовит. И слова, слова из него — будто направо-налево раздает годами насобиранное. Ульяна схватила Кузьму за руку, добиваясь, чтобы узнал ее. И руку его — к животу, к животу. Слышишь, мол, слышишь, Кузьма, это наше дите с тобой разговаривает. Наше! Твое и мое. Нас много теперь, Кузьма! А рука у Кузьмы, как ледышка, как дерево. И гримаса не покидает лица, и глаза — в закат.

— Буды-буды-буды, — твердит Кузьма и деревянно стучит по ее животу. — Рты, рты, рты.

Не замечая Ульяны, вихляясь и припадая к земле, Кузьма почти бежал на зов Троицы, где начинался крестный ход. Ульяна едва поспевала, уже не пряча живота, хватая Кузьму за полы халата. Она не хотела, не могла поверить в его преобразование. Вот и берег реки, заваленный бунтами кирпича и камня.

◀ Часовня Косьмы Верхотурского

Между ними петляет дорожка к мосту-переходу. Но Кузьма не видит дорожки, бежит напрямик к воде.

— Куда! — кричит ему Ульяна. — Кузьма, вернись.

Но он уже ступил на воду и — замерла Ульяна, ахнул народ у перил моста, все на миг замерло, стихло и остановилось — Кузьма шел по воде, словно бы и не касаясь ее, и палка его волочилась, не оставляя на воде следа. Река текла невозмутимо под его ногами.

Ульяна не знает, сколько длился этот миг. Но вот Кузьма уже на троичском берегу, и снова мир пришел в движение, вернул голоса и звуки колоколов. Мост закачался-заходил под ногами людей. Скрипели телеги, ржали лошади, толпились люди с иконами и хорутвями на меркушинской дороге. Увидев Кузьму в распахнутом халате и в исподнем, народ запереглядывался, где смешок возник, где охи-ахи. Кузьму звали на телегу, уступая место, а мальчишки то и дело старались наступить на волочащиеся полы его халата. Одному Кузьма показывал язык, другому грозил кулаком, а кого-то обнять норовился...

— Рты, рты, рты, — горохом сыпалось из его уст.

А крестный ход пылил по меркушинскому тракту.

Ульяна, нагнав Кузьму, шла рядом прямая и обреченная. Она пыталась

поймать руку Кузьмы, но холодная его ладонь вырывалась от вихляний тела. А в бредущей толпе, нарушая святость и торжество момента, то и дело слышалось:

— Глянь, Немтинов-то девкой небрежит...

— Да она у него никак брюхатая!..

— Ай да Немтинов, ешкин кот!

— Охолоньте, мужики, божий ведь человек-то, божий...

От жестокости до милосердия, от низости до святости на Руси — только крест положить.

Ульяна родила сына, назвала Кузьмой. В дом Сидора Ронжина не вернулась. Жила вдвоем с сыном. Кузьма юродивый вскорее, так и не узнав Ульяну, покинул этот мир, а мир упокоил его близ Троицы под простым сосновым крестом.

Могилы наши быстро зарастают небылью. Заросла и сровнялась с землей и эта могила. А Ульяне на закате ее дней выпал сон. Явился ей Кузьма молодым иконным ликом и говорит: «Что-то козы, Уля, зачистили пагисть на мою могилку...». И поставила Ульяна своей угодой на могиле Кузьмы часовенку — память всем божьим людям, в разное время бытовавшим на Троицком камне — с тех самых пор, как была поколеблена в православии истинная святость. **УС**

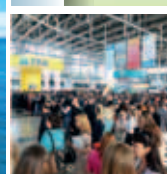
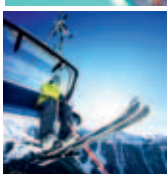
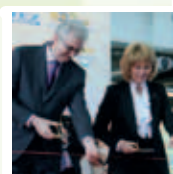
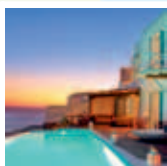
**EXPOTRAVEL
2014**

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТУРИСТСКАЯ ВЫСТАВКА

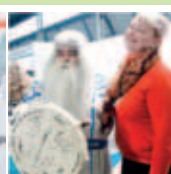
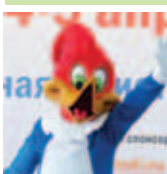
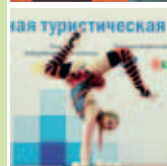
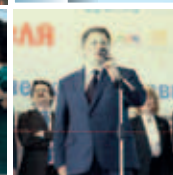
International Travel & Tourism Exhibition

МВЦ "Екатеринбург-Экспо"
8 (343) 379-38-48
www.expo-com.info

3-4 октября

**Дни Малайзии
в Екатеринбурге**

Организатор

NOVOTEL
YEKATERINBURG CENTRE

- Первая на урале выставка, посвященная всем аспектам туристской деятельности
- туроператоры, агентства, авиакомпании
  - санатории
  - зарубежная недвижимость
  - свадьбы, лечение и обучение за рубежом
  - отели и отдых по России
  - иностранные национальные офисы

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www.uralstalker.com

сентябрь 2014

Аэлита

50

Координаты чудес

ЭЛЕНА КИР

Тот, кто рядом

50

71

Повод для улыбки

ИГОРЬ КОСАРКИН

Великие русские...

71

79

Повод для улыбки

СЕРГЕЙ ИГНАТЬЕВ

Тотопка.temp

79

Тот, кто рядом

Элена Кир

Возраст — 38 лет. Местожителство — Россия, г. Киров. Образование — высшее. Работа — творческая. Писать начала в 2011 году. Очень любит путешествия и смену обстановки. Именно в новых местах удается писать лучше всего. Любимые авторы: Аркадий и Борис Стругацкие, Сергей Лукьяненко, Марина и Сергей Дяченко, Роберт Хайнлайн, Лоис Макмастер Буджолд.

— Отдай! Это мое! — Славка отчаянно дернул к себе новый, только утром подаренный паровоз. Стоило ему на секунду отвернуться, как наглый Данил схватил игрушку и уже отвинтил одно колесо.

— Сам отдай! Я тоже хочу поиграть! — брат вцепился мертвой хваткой.

— Это мне купили! Играй своими игрушками, я же их не трогаю! — Слава тянул изо всех сил, но Данька, зная свои права, не отступал.

— Ну и что! Я хочу эту!

— Отцепись! Не хватайся!

— Сам не хватайся!

— Я тебе его все равно не отдам, сколько ни верещи! Сегодня мой день рождения! И паровоз мой! — прошипел Славка.

Слова были справедливы, и Данька признал это. Он вдруг выпустил игрушку, упал на попу и заверещал:

— А-а-а-а... Мама!!! Славка меня толкнул!!!

В комнату вбежала мама, за ней отец. Мама бросилась утешать и уговаривать Даньку.

— Ну, тише, мой маленький, — ласково щебетала она, ощупывая ручки и ножки младшего сына. — Больно? Где больно?

Данька не отвечая, сладостно всхлипывал, из глаз его лились настоящие слезы. Славка растерянно стоял рядом, прижимая к груди отвоеванный паровоз. И как Данька может реветь по заказу?

Отец, оценив картину, и не столь больно, сколь обидно, крутанул Славкино ухо:

— Ты опять?! Опять обижаешь брата?

— Но он взял мой паровоз! — взвизгнул Славка, пытаясь вырваться.

— Саша, ну что ты делаешь?! — с возмущением крикнула мама, продолжая обнимать старательно ревущего Даньку.

Отец выпустил ухо и, нависая над Славкой, грозно гаркнул:

— Ну и что?! Он же маленький, а ты большой! Мог уступить. Он же твой брат. Дай сюда!

И выхватил паровоз.

— Папа! Отдай! — отчаянно закричал Славка, пытаясь удержать игрушку. — Я не толкал! Он сам!..

— Да ты еще и врешь?! — возмутился мужчина. — Марш на сундук.

— Папа!..

— Я кому сказал?! — указующий перст четко демонстрировал направление. Мама, как воспитатель со стажем, считала, что бить детей непедagogично, потому наказание заключалось в отсидке на сундуке.

— Но папа! Я ему ничего не делал!.. — еще раз попытался объяснить Славка.

— Вперед! Ты мужчина, так умеи отвечать за себя. И чтобы я больше ни звука не слышал!

И Славка, запинаясь, поплелся вглубь коридора коммунальной квартиры — к месту ареста. Сундук был старинный, с широкой плоской крышкой. Его даже можно было бы назвать уютным, если бы не наказание. Славка забрался с ногами, обхватил колени с царапками, вжался спиной в оставшиеся на вешалке еще с зимы шубы.

Из комнаты доносился ласковый мамин голос:

— Ну, Данечка, не плачь. Ничего ведь не болит? Все хорошо? Ты, малыш, паровозик хочешь?

И уже к отцу:

— Саша, дай ему паровоз.

И снова к зловредному Даньке:

— Держи, Данюша. Видишь, какой красивый?

Славка вцепился в жесткий мех овчины, сжал кулачки. Новенький паровоз в руках наглого Даньки! А он, Славка, ни в чем не виноватый, сидит в арестантском углу.

Братец, наверное, от всей души веселится. От осознания несправедливости жизни на глазах Славки выступили слезы, и он ткнулся лбом в колени. А хорошо бы, вдруг подумалось мальчику, если бы Даньки не было! Вот не было никакого брата, и все! Никто бы не отнимал игрушки. Никто бы не лез первым под ласковую мамину руку...

— Чтоб ты пропал! — прошептал мальчик. — Чтоб ты пропал и никогда не нашелся! И мама была бы только моя!..

***

— Где он?! — мама, вцепившись в полы халата, изо всех сил трясла молоденькую — почти девочку — воспитательницу. — Как вы могли его потерять?!

Вокруг собралась толпа. Педагоги и нянечки пытались урезонить разошедшуюся мамашу, родители сочувствовали и цепко обнимали своих чад. Чада смотрели кто с испугом, кто с любопытством.

— Я не знаю... — лепетала девочка с бледно-молочным лицом. — Он был вместе со всеми, мы всех пересчитали... Он сидел в автобусе вместе с Сережей Матанцевым... А потом пропал...

Детский сад выезжал на природу. Все группы, все дети. В сопровождении воспитателей и родителей. Казалось бы, ничего не могло случиться. Но в город вернулись не все — пропал Данил Семашко.

Пожилой усатый милиционер осторожно, но решительно отодрал мамыны руки от воспитательницы. Мама, некрасиво сморщившись, заплакала, отец отвел ее в сторону, зашептал что-то на ухо.

Славка, сжав кулаки в карманах брюк, смотрел на происходящее во все глаза и пытался разобраться, рад он или нет. Данька, брат, пропал. С одной

стороны, желание исполнилось. С другой — жалко маму... «Сложная штука — жизнь...» — вспомнил он любимую фразу тети Нюры, вздохнул и мысленно согласился.

***

Прошло несколько дней. Мама, не запивая, глотала таблетки, бросалась к двери на каждый звонок, по несколько раз на день бегала в милицию и постарела лет на двадцать.

— Лара, — пытался урезонить ее муж. — Надо ждать. Его ищут. Там люди, собаки в конце концов. Его найдут.

Мама поднимала залитые слезами глаза, кивала, смотрела с надеждой. Но веры не было. Уже несколько дней маленький ребенок в лесу. Городской ребенок в чужом незнакомом лесу. Ее мальш, ее Данечка. Но разум подкидывал все более страшные картины. Данечка заблудился, бредет по лесу, все гуще и гуще деревья, все непролазнее чаща. Мальчик плачет, зовет маму. А мама не откликается, она бросила его... Данечка погружается в болото, кричит, но его никто не слышит. И вода смыкается над детской головкой... Мальш лежит без сознания в какой-то канаве, совсем рядом проходят люди, но не замечают маленького беспомощного тела...

Один раз Славка попытался по-своему утешить маму:

— Мама, не плачь... Ведь я-то куда не делся, я же с тобой...

Но его слова вызвали обратную реакцию. «Славочка здесь, с ней. Тоже ее сыночек, но Данечки-то, Данечки — младшенького! — нет...»

— Иди в комнату, Славочка, — едва повинующимися губами произнесла мама. — Поиграй пока...

И Славка ушел.

В комнате все было привычно. Те же вещи, те же игрушки. Паровоз с отломанными колесами и наполовину разобранный кабинет машиниста валялся под Данькиной кроватью. Славка так и не прикасался к нему больше — пусть будет Данькина игрушка, ему он уже не нужен. Но и Даньке он не нужен. Ибо зачем, раз старший брат его не хочет.

«Бедная мама!» — подумал Славка, косясь на паровоз. Очень жаль ее и себя тоже. Ну почему она не понимает, что он-то, Славка, всегда будет с ней? Жалко и Даньку. А ведь совсем недавно Славка сам захотел, чтобы младший брат исчез. И вот, пожелание выполнено. Счастлив ли Славка? Нет.

«Пусть он вернется!» — мысль родилась неожиданно. Славка не знал, к кому или к чему обращался, а только желал, чтобы все закончилось. И исчез тот ужас, который сейчас: мама с посеревшим лицом, отец, не знающий, как ее утешить...

— Верни! — безмолвный крик вырвался из глубины души. Прозвучал не мольбой, а требованием. — Ты должен! Верни!

«Зачем? — казалось, что кто-то очень ехидный хмыкнул, издеваясь над Славкиным желанием. — Ведь все пойдет как прежде».

Все пойдет как прежде. Мама будет любить Даньку. Вредный и хитрый Данька будет портить жизнь Славке... Ну и пусть! Зато мама снова будет счастливой, будет улыбаться...

— Неважно! Верни! Я так хочу!

Уверенность вдруг пеленой укутала Славку, опустилась, будто туман на утренний луг. Все сбудется, все устроится...

«Только к лучшему ли?» — в вопросе ехидство.

Что это? Он разговаривает сам с собой? Может, так сходят с ума? Но знание, что желание исполнится, нигде не исчезло, а только окрепло.

***

Самая вместительная в доме кастрюля, полная сладкой душистой вишни, стояла, дымясь, на плите. Мама большим половником мешала варево, но видно было, что мысли ее совсем далеко.

Вишневое варенье, что может быть вкуснее? Если бы не то, что сейчас произошло, Славка с Данькой, сидя рядышком на щербатых табуретках с ложками в руках, выжидали бы пенку, требуя положить каждому из них первому. И пусть бы Данька, как всегда победил, сейчас Славка был согласен даже на это. Но спорить было не с кем. А мама молчала и только мешала, мешала варенье...

В дверь позвонили — один раз — значит не к ним, к тете Нюре. Женщина, настороженно поднявшая голову, безнадежно вздохнула и снова отвернулась. Морщинки в уголках глаз, осунувшееся лицо, опущенные плечи. Рука машинально помешивает сладкое варенье, а мысли далеко-далеко...

— Нашли, нашли! — раздался вдруг крик из глубины коридора.

Мама вскинулась, рванулась к двери.

— Лара, нашли! — соседка вбежала на кухню, размахивая телеграммой. — Сломана нога, царапины, а так — жив! Заблудился в лесу, потерялся, упал в овраг, не смог выбраться... Живой!!!

Мама с лицом, враз побелевшим, поднесла руку ко рту не в силах вымолвить ни слова. В другой опущенной руке бессильно повис половник, с которого на пол неторопливо срывались красные вязкие капли.

— Нашли, Ларочка! — затрясла ее за плечи соседка. — Уже везут, скоро будет дома!!!

Мама прерывисто вздохнула и вдруг начала оседать на пол. Поднялся шум, переполох. Соседи, выскочившие на крик тети Нюры, рванулись

в дверь — помогать, поднимать, а Славка, забившись в угол, остановившимся взглядом смотрел на шевелящуюся посреди кухни кучу мала.

***

— Ты кто? — спросил Славка.

Родители уехали в больницу забирать младшего сына, а старшего оставили ждать. Славка в любимой позе — подтянув ноги к животу и обхватив колени руками — сидел в углу дивана и пытался услышать таинственный голос.

— Ты меня слышишь? Кто ты? — снова спросил Славка.

Тишина. Да был ли он, этот голос? Может, показалось? Не бывает в жизни никаких голосов, тем более тех, которые исполняют желания. Но кто тогда с ним разговаривал?

— Ты трус, ты боишься меня! — Славка бросил самое страшное из известных ему обвинений. Уж на него-то, кто бы там ни был, обязан ответить!

Молчание. Значит, показалось... Данька пропал случайно и нашелся тоже случайно. Мальчик испытал одновременно радость и разочарование. Конечно, здорово иметь в друзьях волшебника, исполняющего желания. Но и знать, что именно из-за него плачет мама — ничего хорошего. Да и не важно, есть Данька или нет, мама ведь все равно любит и Славку.

«Конечно, любит. Ведь и ты ее сын. Но Даньку она любит больше».

— Неправда! — вскинулся Славка. — Мама меня тоже сильно любит!

«Любит. Но не так сильно. А что поделаешь? Взрослые такие странные... Насильно мил не будешь, даже если сын...»

— Тогда хочу, чтобы она меня любила сильнее! «Ой, дружок, эмоции — это не по моей части».

— Да что ты вообще можешь?!

«Ты прав, ничего».

Голос замолчал, видно, обиделся. А Славка со злости начал отдиравать с колена болячку недельной давности и думать. Болячка, между прочим, появилась из-за того, что бестолковый Данька выхватил из-под него табуретку как раз в момент посадки. Славка с размаху загремел на пол, до крови ободрав ногу о железный чан, оставленный зачем-то тетей Нюрой под столом на кухне. Данька упал рядом с ним — от смеха. А мама только сказала: «Славочка, нужно поосторожнее». И помазала коленку кусачей зеленкой. Он вспомнил сломанный паровоз, подарки к Новому году... Мама всегда вставала на сторону Даньки. Она говорила, пока Данька маленький, Славка должен заботиться о нем и уступать. И Славка уступает. Всегда и во всем. А когда Данька будет большим? Будет тогда он уступать Славке?

— А если его снова исчезнуть? — неуверенно пробормотал Славка.

«Ну, друг, ты сначала определись, чего хочешь!».

Вспомнились недавние дни, посеревшее лицо мамы. Нет, он этого не хочет.

Славка вдруг оживился:

— Слушай, а ты можешь чего-нибудь интересное наколдовать? Например, чтобы меня выбрали в командиры отряда? У нас перевыборы должны быть, я заявку подам...

«В командиры хочешь? — голос зазвучал вкрадчиво. — А что за это готов отдать?»

— Не знаю... — Славка задумался. Что можно отдать? Недавно склеенную модель самолета? Старый самокат? Морскую ракушку, выменянную на перочинный ножик, подаренный отцом? Повторил растерянно. — Не знаю. Все, что угодно...

«Совсем что угодно?» — настаивал голос.

— Ну да, — неуверенно пробормотал Славка.

«Договорились, — повеселел собеседник. — Смотри не забудь, что обещал».

***

Когда классная руководительница Марья Ивановна, строгая на вид, но на самом деле добрейшая женщина, предложила голосовать за нового командира отряда, то первой руку, решительно, как на уроке, подняла Даша Лапина. Отличница и одновременно красавица. На соседнем ряду взметнулась еще одна рука — Ленка Филимонова. За ней — Аня Савицкая. А потом рук стало так много, что Славка потерял очередность. Девчонки, ребята — все были «за». Вот это да!

Когда Славка ответил на все поздравления и вышел на улицу, то обнаружил на школьном крылечке Дашу. Косы с бантами смешно уложены в капюшон светлой куртки. На ногах — белые сапожки. В руках — портфель, в противоположность Славкиному ранцу, чистый и аккуратный. На обложке — рожица улыбающегося котенка.

— Привет, Вячеслав, — бросила девочка, бесстрашно глядя Славке в глаза.

— Привет, Лапина, виделась уже, — независимо ответил Славка. — Ты чего здесь?

— Тебя жду, — призналась Даша, и Славка оторопел. — Хотела пожелать удачи в командирстве. Тебе давно пора было заявку подать, тебе это подходит.

— Ну-у-у... Спасибо, конечно, — протянул мальчик. Было неожиданно и приятно, потому он расхрабрился. — А ты где живешь? Давай провожу?

— М-м-м... — пропела девочка. «Откажется» — замер Славка. Но Даша бросила из-под ресниц быстрый взгляд и царственно кивнула. — Давай, проводи.

И протянула портфель. Котенок лукаво улыбался. Славка перехватил ручку, еще теплую от Даши-

ной ладони и вдруг крамольно подумал: «А может, у меня бы и так все получилось? Без чужой помощи?» Волна недавней победы несла и кружила его.

«Ой, не зазнавайся!» — насмешливо буркнул кто-то.

***

— Какой молодой... Жить бы и жить... Вдова осталась с двумя детишками, вон, стоят сиротиночки...

— Надо же, случайность какая. Провод в цехе оборвался и под напряжением. А Саша рядом оказался...

— Все под богом ходим...

Данька, съжившийся и несчастный, стоял, вцепившись в карман мамино пальто, и если она делала шаг в сторону, то он шел за ней, похожий на маленький куцый хвостик. Руки мамы нервно комкали белый кружевной платочек — единственное светлое пятно на фоне темных одежд пришедших проводить в последний путь Александра Семашко. Да еще белый, вчера только выпавший первый пушистый снег, уже засыпанный черными комьями земли.

Мама двигалась как сомнабула, что-то кому-то отвечала, переставляла вещи, перекладывала цветы. Славка пытался помочь, как мог. Держал сумку со снедью, принимал у соблезнующих теток тарелки с пирожками и ватрушками, помогал мужчинам нести временный деревянный памятник. Мама не замечала. Впрочем, она не замечала даже Даньку.

Все шло своим чередом. Закрыли крышку, поставили гроб на длинные брезентовые ленты, и немногочисленные мужики, встав на края могилы, медленно — «Давай, давай, поддерживай!», «Куда кренишь?!» — опустили его в яму.

Мама стояла в кругу соблезнующих женщин и, казалось, не очень понимала, что ей говорят. Дань-

ка испуганно жался к ее ноге, и кто-то из пришедших жалостливо гладил мальчика по голове. Славка был один.

Могильщики, дождавшись окончания цепочки прощающихся, споро закидали яму и, получив от тети Нюры конверт с деньгами, вперевалочку, один за другим, будто стая гусей, ушли по тропинке. Всех остальных позвали в маленький пузатый автобус, похожий на бочку. Славка притулился в уголке, отвернулся от суетливых воронообразных теток, замкнулся, закрылся стеной молчания.

Автобус резко взбрыкивал на кочках, Славка смотрел в окно. Лысые деревья, беззвучно молясь, тянули черные крючковатые пальцы к небу. По серым тротуарам, разукрашенным грязными пятнами подтаявшего снега, спешили куда-то суетливые люди. А в салоне шли разговоры о выкопанной осенью картошке, ранних холодах, вновь подскочивших ценах на продукты и других таких важных для живых бытовых мелочах.

«Ну что, командир отряда? — прошелестел вдруг голос, и Славка дернулся от неожиданности. — Получил желаемое? Цена приемлемая?»

Славка вскинулся:

— Это ты?! Ты?! Как ты посмел?! Зачем ты это сделал?!

«Ну, строго рассуждая, может, и не я... Люди смертны... Но за все надо платить и за желания тоже».

— Я не просил такого!

«Просил. И соглашался отдать что угодно».

Славка вспомнил. Но он думал про самолет, раковину... При чем здесь отец?!

— Верни все обратно! Я не хочу этого!

«Уже поздно, — в голосе скользило сожаление. — Некоторые вещи обратно не вернуть. Да, может,

оно и к лучшему. Пенсия у мамы хорошая будет — как-никак потеря кормильца. Квартиру, может, дадут новую...»

— Не нужно нам ничего! Ненавижу тебя! Чего ты ко мне вообще прицепился? Чего тебе надо?!

«Ничего. Но, раз ты меня услышал, придется нам привыкать друг к другу».

***

— Ну что, братан, говорят, ты влюбился?

Славка, наливавший на кухне чай, вздрогнул. Не столь от дружеского, по мнению Даньки, тычка под ребра, сколь от содержания произнесенных слов.

— А тебе какое дело? — мрачно буркнул он, промокая тряпкой образовавшуюся лужу.

Небольшая, но уютная кухня полученной после смерти отца квартиры сияла чистотой, которую ревностно поддерживали и мама, и Славка. И только Данька — поросенок! — мог оставить невымытой чашку, залить кипящим молоком плитку или, будто белка, нагрызть и не убрать шелуху от семечек.

— Да ладно, — покровительственно продолжил младший брат, раскачиваясь с носка на пятку и наблюдая за втягиванием темной чайной лужи в недра Славкиной тряпки. — Чего ты держась? Давно всем все известно. А если не всем, то мне-то уж точно.

— Чего известно? — нелюбезно спросил Славка, оттирая Даньку плечом и двигаясь с горячей кружкой наперевес в свою комнату.

Сейчас, в новой квартире, у них у каждого — у Славки, мамы и Дани — было по своей комнате. И Славка до сих пор ощущал это как высочайший уровень комфорта.

— Да не прикидывайся, — хохотнул брат, направляясь следом. Руки в карманах, в голосе — превосходство. — Знаю, что в Дашку втюрился. Вот ты любишься ею, как цапля лягухой на болоте, а девкам ведь что надо? Штурм и натиск. Кто наглее, тот и съел. Давно бы мог ее завалить.

— Слушай, отвяжись, а? — раздраженно произнес Славка, пристраивая кружку на малосенький кусочек свободного пространства письменного стола. Книжки, конспекты, тетради, россыпь ручек и карандашей. Над столом — фотография класса. В центре — улыбающаяся Даша. — Она не такая, понимаешь?

— Да ладно! — усмехнулся Данил. — Все они такие. Я еще других не встречал.

Данька слыл по школе известным ловеласом, и, несмотря на дурную славу, а может, и благодаря ей, девчонки липли к нему, как пчелы к блюдцу с медом. Славка покосился на фото. Даша смотрела открыто и бесхитростно.

— Дань, тебе чего надо? — спросил напрямую, разворачиваясь к брату и глядя в упор.

Данька понял, что лучше не нарываться, и пошел на попятную:

— Эх, друг! Я ж помочь хотел! Но если не надо — не навязываюсь... У меня дело одно сегодня, ты уж посодействуй. Ко мне Маринка придет, ты бы пошел куда, погулял...

— Дань, у меня экзамены через неделю, — Славка кивнул на заваленный стол. — Какие прогулки?

— Понял, — покладисто согласился брат. — Тогда сиди в комнате и не выходи. Мне нужна свобода маневра, а твое неожиданное появление может всю малину испортить.

— Чего ты задумал? — подозрительно спросил Славка, вглядываясь в намеренно бесхитростную физиономию брата.

— Да ничего, все как всегда. Посидим, чай по-
пьем, музон послушаем... — Данил беззаботно по-
жал плечами. — Ну что, лады?

— Ладно, — неохотно согласился Славка.

***

Славка старательно вчитывался в строчки учебни-
ка, когда в коридоре деликатно тренькнул звонок.
Данька поскакал открывать. Послышался негром-
кий говорок девушки. Очередная пассия. Вот Да-
нил протопал обратно, а легкие шаги, следующие
за ним, были почти не слышны. Вот брат включил
магнитофон, заорала музыка. Все, это надолго. Слав-
ка заткнул уши, пытаясь сосредоточиться, но мыс-
ли продолжали крутиться вокруг соседней комна-
ты. И чего девчонки в Даньке находят? Самый обык-
новенный, ничего особенного. Впрочем, он всегда
умел запудрить мозги... Ну все, хватит. Надо учить.
И Славка снова вгрызся в текст.

Когда в следующий раз он бросил взгляд на часы,
за окном уже начало темнеть. Славка с удовольстви-
ем потянулся — день прошел не зря, сделано много.
Можно размяться и налить чая. Ох, чуть не забыл,
братец просил не выходить. Славка прислушал-
ся. В соседней комнате по-прежнему орала музыки,
но к музыке добавилось что-то еще.

— Данил, перестань! — сквозь песенную какофо-
нию слышался приглушенный, на грани слез, голос
девушки. И неразборчивый, но уверенный речита-
тив брата.

— Не трогай меня! — завизжала вдруг девчон-
ка. — Псих! Отпусти!

Славка вышел в коридор, толкнул дверь брата. За-
крыто. Постучал:

— Даня, у вас все в порядке?

— Да, — брат был зол. — Иди к себе.

Славка постоял, прислушиваясь. Ничего, кроме ре-
вущей музыки, не слышно. Поднял руку — постучать
еще раз. Раздумал. И уже, было, направился в свою
комнату, как девчонка заверещала снова:

— Пусти! Помогите!

Славка развернулся и рванул дверь. Та дрогнула,
но не поддавалась.

— Данил, открой! — тон был жестким. — Считаю
до трех и выбиваю замок.

Послышались шаги, щелкнула защелка, и в приот-
крытую щель выглянул злобный глаз брата.

— Чего надо? Мы без тебя разберемся.

— Пусти меня! — послышался голос девушки,
и дверь заколебалась — видимо, Данила пытались от-
толкнуть.

Славка с силой надавил, и брат отлетел в сторону.
В образовавшийся проход ужом выскользнула девуш-
ка — волосы растрепаны, на глазах потекшая тушь,
рука стягивает края блузки. Порвали они ее, что ли?
Девушка рванула в прихожую, Славка прошел за ней,
отпер дверь. Кое-как попав ногами в туфли и схва-
тив с вешалки светлый плащик, девчонка выскочила
на площадку.

— Тебя проводить? — крикнул вслед Славка.

Ответом был поспешный удаляющийся стук каб-
лучков. Славка пожал плечами, обернулся и нос к носу
столкнулся с Данилом, заступившим путь. Глаза при-
щурены, руки в карманах брюк. Славка попытался
обойти, но Данил схватил его за руку:

— Нет, погоди! Я тебе чего сказал? Сидеть и не вы-
ходить. Тебя чего, идиота, сунуло?! Я в твои дела
не лезу. Чего ты в мои суешься?!

Славка стряхнул держащую руку и пошел к себе.
Драться с рослым Славкой, будучи на голову ниже,
Данил не решился и только злобно прошипел вслед:

— Ну ты у меня поплачешь! Сам напросился!!!

И на следующий день подошел на перемене к Даше. По школьному коридору с визгом носилась малышня. Группками в небрежных позах стояли парни. Под ручку прогуливались девушки, глупо хихикали. Даша с книгой сидела на подоконнике. Данила она встретила вежливо, но абсолютно равнодушно. Его это не смутило. Он запел соловьем, и Даша постепенно расслабилась и даже несколько раз рассмеялась, запрокинув голову. Славка любил смеющуюся Дашу, она становилась похожей на легкую чайку, летящую ввысь. Но сейчас он не мог это видеть. Как она смеет смеяться вместе с Данькой? Неужели она не понимает, какой он...

В этот же день Данил проводил Дашу домой. После короткого дождя распогодилось и в мелких лужицах с удовольствием купались воробьи и лучи солнца. Брат шел, размахивая руками и что-то увлеченно рассказывая благосклонно внимающей Даше. Славка некоторое время крался за ними, перебегая от одного убежища к другому — от ветвистого разлапистого куста к массивной тумбе с полинялыми плакатами, от тумбы к каменному выступу дома, — а потом ему стало стыдно и гадко. Он развернулся и пошел домой.

***

Дни летели, и Славка мрачнел больше и больше. Даша смеялась, стоя рядом с Даниилом... Даша позволяла Данилу держать себя за руку... Даша благосклонно принимала Данилины знаки внимания...

Славка маялся, страдал, сотни раз пытался начать разговор, но Даша смотрела так открыто и бесхитростно, что он отступал. Что он может сказать? Что Данька сволочь? И в чем это выражается? То, что он бежит за девушками? Так это

и так известно всей школе, в том числе и Даше. Наверное, ей даже лестно, что этот дон жуан уделяет ей столько внимания. А со Славкой они всегда были просто друзьями, ведь он никогда не признавался, что эта дружба уже давно стала для него чем-то большим. Она имеет право сделать свой выбор и, возможно, даже его уже сделала. Но чего она могла найти в этом сосунке?! Ведь он младше ее на целых полтора года!

Что же делать? А может?.. Крамольная мысль подошла, подкралась, выглянула из дальних закоулков сознания. Славка прогнал эту дикую мысль, смел, как хозяйка сметает пыль с подоконника. Но мысль вернулась холодной змейкой, пригрелась, начала устраиваться... Он, Славка, тоже имеет право на счастье. И важно ли, каким путем он его получит?.. Надо только решить, на что он готов? Что он может отдать за Дашу?..

«Эй, дружок! — прервал размышления голос. — Я, конечно, очень ценю твои душевные терзания, но тут я тебе не помощник. Над чувствами я не властен. Справляйся сам».

И все. Рухнула последняя надежда, исчезла последняя лазейка. Если даже этот... это таинственное «нечто» не может ничего сделать, то что может сделать он, Славка?

Или все-таки поговорить с Дашей? Самому. Он все ей объяснит. И она поймет...

***

Счастливым возникшее «окно» в связи с отменой урока физкультуры каждый коротал в меру сил и возможностей. Славка с Дашей пошли на детскую площадку. Даша устроилась на веревочных качелях и, отталкиваясь ногой от земли, закручивала их выше и выше. А потом поджимала ноги,

и веревочки развинчивались в обратную сторону. Славка мялся рядом, пинал случайные камешки, ковырял ногой землю. Наконец выговорил:

— Даш, а с Даниилом у тебя серьезно?

Даша капризно надула губки, сделала очередной виток.

— Ну-у-у... Я еще не знаю... Так-то он забавный...

Славка стиснул зубы. Даша заметила неладное, остановила верчение, взгляделась:

— Славка, ты чего? Ты, надеюсь, не ревнуешь?

Славка, набывчившись, молчал.

— Сла-а-а-ав? Правда? Ревнуешь? Славка! Ну, ты даешь!

Даша смутилась, покраснела, отдернула ногу с земли. Качель закрутилась, забилась, как живая. Перед Славкой мелькало то лицо, то россыпь Дашиных волос. «А ведь были косички с бантами...» — вспомнилось Славке.

Дождавшись остановки, девушка соскочила с сиденья, заглянула в глаза, сбивчиво, оправдываясь, заговорила:

— Славочка, но ты же никогда, ничего... Я даже не знала... Ты мне всегда очень нравился... Если бы ты сказал чуть раньше... Прости меня, пожалуйста! Мы же с тобой всегда как друзья...

— Да ладно, Даш, не придумывай, не ревную я, — Славка нашел силы усмехнуться. — Друзья были, друзьями и будем. Но с Данькой ты все-таки поаккуратнее.

— Ты это о чем?

— Да нет, ничего, — пошел на попятную Славка. Путь Даша выбирает сама, он не должен вмешиваться. — Все у вас хорошо будет.

Даша несколько секунд внимательно взгляделась в Славкино лицо. И, видимо, ничего не обнаружив, несколько разочарованно пожала плечами:

— Ну... И ладно. Значит, все замечательно?

— Да, — Славка старательно держал маску.

— Вот и хорошо, — Даша чуть смущенно рассмеялась, привстала на цыпочки, в первый раз в жизни чмокнула его в щеку и упорхнула как птичка — к Даньке.

***

— Знаешь, Славушка, — говорила мама полгода спустя. — Наверное, Данечка и Дашенька поженятся...

На плите пузырился борщ, шел красными лихорадочными пятнами. Мама добавляла то щепотку соли, то какие-то высушенные травы, помешивала варево большой деревянной ложкой.

— Это Данил сказал? — переспросил Славка, пересиливая себя.

За заснеженным окном, отвоевывая место у кормушки, переругивались шустрые скандальные воробы.

И их громкое базарное чириканье доносилось даже сквозь двойное стекло зимних рам.

— Нет, но, думаю, все к тому идет. Хорошая будет пара, у них ведь даже имена похожи...

Мама, задумчиво помешивая суп, улыбалась, видимо представляя себя счастливой бабушкой, окруженной стайкой внуков, подаренных идеальной парой. Потом оглянулась на Славку, взгляделась, положила половник и осторожно приподняла опущенную голову сына:

— Славочка?! Ты чего? Не рад?

Славка, боясь встретиться с мамой глазами, сделал последнюю попытку.

— Мама, они не подходят друг другу. Ты посмотри на них, они совершенно не подходят! — он рванулся, упал перед ней на колени, уткнул-

ся в родные руки. — Мама, поговори с ним, пока не поздно! Они совершенно разные...

— Славочка, что ты, родненький, — растерянно лепетала мама, прижимая его к себе. — Что ты, мой хороший...

И гладила, гладила, как маленького, по голове.

***

— Горько, горько, — бойко кричала развеселая пе-
страя и уже успевшая упиться толпа.

— Горько, горько, — негромко, но очень искренне
присоединяла свой голос к всеобщему гвалту мама.

Она смотрела на Даньку лучащимся взглядом и не могла налюбоваться на взрослого любимого сына. А Данька мужественной рукой обнимал стройную, в пене белых кружев невесту и, подчиняясь крикам толпы, нежно целовал в губы. Славка сидел за столом, в нужные моменты выдавал подходящие реплики, улыбался и даже умудрялся шутить с соседками, которые наперебой с ним кокетничали — такой видный парень и без охраны.

Казалось, Данька не обращает на брата внимания, но случайно пойманный взгляд позволил Славке увидеть, что глаза брата горят не огнем любви, как положено новобрачному, а светятся превосходством победителя.

***

— Мама, я пойду поступать в военное.

— Как в военное?! Но у нас же в городе их нет... — растерянно произнесла мама и обернулась от плиты. На сковородке что-то жарилось и скворчало, вкусный запах, такой привычный, такой домашний, заполнял пространство.

— У нас — нет. Но я уже выбрал куда. И отправил документы.

Славка говорил уверенно, но как же ему хотелось, чтобы мама сказала: «Не пушу!»

— А мы? А я? Как же так... Ты даже ничего не говорил...

— Не хотел беспокоить заранее, пока ничего не известно. А сейчас уже вызов пришел...

— Какой вызов? — мама присела на табурет.

— На учебу. Через неделю уезжаю.

Мама снизу вверх смотрела на Славку и комкала в руках фартук. Наконец спросила:

— А армия? Служба?

— Заодно и отслужу, учеба засчитывается.

А по выпуску — офицером буду...

— Но когда же ты решил? Это все так неожиданно... Как мы без тебя?

— Ничего, мама. Зато в квартире свободнее будет. Я там буду жить в казармах, да еще и стипендию обещали назначить.

По маминому лицу все было видно. Жалко отпустить Славку... Но, с другой стороны, Даньке с Дашей легче будет. И маленькому Мишке, чье рождение с нетерпением ожидали, можно будет комнату выделить... Опять же стипендия...

— Ох, Славочка, — пробормотала мама. — Как-то ты все быстро... Может, передумаешь?

Но в ее глазах Славка прочитал согласие. И ответил:

— Нет, мама. Я уже решил, еду.

«Может, зря? — вкрадчиво прошелестел голос. — Стипендию можно и здесь получать. Ты только пожелай...»

— Нет уж, поеду, — мысленно ответил Славка. — Тем более ты прав — насильно мил не будешь.

«Ну, дерзай, Суворов, — съехидничал голос. — Но если что, то стучи. Я тут как тут, глядишь, на что сгожусь».

***

Годы в училище, учебники, дежурства и вахты, ежедневные тренировки... Окончание с отличием и назначение в маленький гарнизон в глубинке, до которого нужно сначала лететь, потом ехать, потом снова лететь — на вертолете. Краткое северное лето и многомесячная бесконечная зима. Монотонная штабная работа, офицеры, разочарованные и в жизни, и в службе, истеричные солдаты, сбегаящие из части с оружием. Всеобщее пьянство. Край света. И снега, снега вокруг...

Многие не выдерживали. Увольнялись, уходили в запас. С позором изгонялись. Славка держался. Работал ровно и четко. Упорно тащил, волок свои и чужие обязанности. Шаг за шагом, будто вол на крутом перевале, двигался вперед. Ответственность, исполнительность, дисциплина. Организованность и воля... В двадцать три — старший лейтенант. В двадцать восемь — капитан. В тридцать — майор. Менялись гарнизоны, части, места службы. И все ближе и ближе к столице становилось их расположение... «Помочь?» — время от времени, когда ехидно, когда сочувственно, спрашивал голос. И всякий раз, несмотря на то, что искушение было велико, Славка находил силы отказаться. Слишком уж дорогой ценой встала ему помощь, предложенная много лет назад.

Серьезный, а главное, перспективный молодой офицер в каждом новом месте службы вызывал переполох в женских умах и сердцах. Но, к великому разочарованию потенциальных невест, на крючок попадаться никак не желал.

Что касается Славки, то сам он считал, что жизнь удалась. Интересная работа, успешная карьера — это то, чего вполне достаточно для того, чтобы быть счастливым.

***

Яркие гирлянды, громадная ель, танцующая в зеркальном блеске паркета, бенгальские огни в руках нарядных людей. Штатские костюмы не только не скрывают, но, наоборот, подчеркивают военную выправку мужчин. Женский смех, шампанское, живой оркестр... Новый год в самом сердце столицы — в Доме правительства. Долго же Славка шел сюда...

— Ай!

У девчонки, неожиданно налетевшей на него, были большие голубые глаза, вздернутый задорный носик, алые губки бантиком и куча светлых кудряшек. Личико, несмотря на кукольность, было симпатичным. Росточек тоже, впрочем, кукольный — она едва доставала Славке до плеча — несколько компенсировался высокими каблуками. Белое платье до колен стояло колокольчиком. В руках легкий шифоновый платочек.

— Привет, — чирикнула девушка, глядя на Славку снизу. В глазах отражался праздничный блеск зеркал, хрустальных люстр, сияние огней. — Ты новенький, да? Что-то я тебя раньше не видела.

Славка кивнул и улыбнулся. На щеках появились две обаятельные ямочки. Девчонка не устояла и расплылась в ответной улыбке.

— Ты откуда? — вопрос требовал сообщить не место жительства, а положение в иерархии.

— Генеральный штаб, — лаконично ответил Славик волшебной фразой.

— А-а-а, поня-я-ятно... — протянула девчонка неожиданно без всякой почтительности. — Новый военный советник? Вячеслав, если не ошибаюсь? Слышали, дядя рассказывал...

И пристально взгляделась. Результат осмотра, видимо, удовлетворил, потому она решила брать быка за рога.

— Ты чуть не сбил меня с ног, с тебя извинения и поцелуй, — девушка закрыла глазки и вытянула губки.

Славка усмехнулся, приобнял ее за плечи, нагнулся и легко коснулся губами щеки. Девушка распахнула глазщищи, брови удивленно поползли вверх.

— Как тебя зовут, прекрасная незнакомка? — улыбаясь, спросил Славка.

— Как? Ты не знаешь?!

Девушка неожиданно ступевалась под его внимательным взглядом, румянец пополз по щекам, заливая их нежным розовым цветом.

— Я — Вера, — произнесла она, теребя плетеный поясик платяцца.

— Хорошее у тебя имя, Вера, — Славка кивнул и, не оборачиваясь, двинулся вглубь галдящего, искрящегося новогодними переливами зала. А Вера осталась стоять, растерянно глядя ему вслед.

***

Генерал дочитал последнюю фразу доклада и в восхищении покрутил головой. Ну, надо же, как четко все изложил! Талант! Он захлопнул папку из мягкой коричневой кожи, нажал кнопку селектора:

— Андрей, ты здесь?

— Да, Анатолий Степанович, — раздался почтительный, чуть искаженный микрофоном, голос референта.

— Слушай, Андрюш, я по поводу нашего нового военного советника, Вячеслава, не знаю, как его по бабюшке...

— Вячеслав Александрович Семашко.

— Ага, его самого. Слушай, а парень-то он башковитый. Такой доклад мне написал, что просто загляде-нье. Ты приметь его как-нибудь.

— Хорошо, Анатолий Степанович, сделаю.

— Вот-вот. Сделай. Тут еще, понимаешь, дело семейное. Он вроде как Верочке приглянулся...

— Понял, Анатолий Степанович.

— Ну и ладненько. Тогда отбой.

Что ж, парень совсем неплох, стоит того, чтобы его поддержать. Тем более, если у них сложится с Верочкой. Генерал вздохнул. Вера, любимая племянница, маленькая капризуля... Ни с одним парнем дольше месяца продержаться не может, а к этому прикипела. Что же, дай бог им счастья.

***

— Почему ты так всегда? — голосок Веры звенел от обиды, а сама она, сидящая на кровати с натянутой до подбородка простыней, с разлохмаченным венчиком волос и лицом, выбеленным колдовским лунным светом, была похожа на маленького эльфа.

Славка неторопливо застегнул рубашку, туго затянул ремень. А Вера, между тем, продолжала:

— Ночевать ни разу не остался, все время куда-то бежишь... Вот куда ты сейчас собрался? — и, не дождавшись ответа, обиженно добавила: — Хоть бы цветочек какой сподобился подарить...

Славка натянул через голову свитер, подошел к девушке, коснулся губами щеки — она пыталась увернуться, но не успела.

— Давай договоримся, — сказал он, глядя на нее сверху вниз. — Я останусь у тебя ночевать тогда, когда буду готов остаться навсегда. Но ты ведь за меня замуж пока не собираешься?

Верочка соорудила недовольную гримаску, которую можно было толковать как угодно. Славка усмехнулся.

— Вот видишь? Все, милая, ухожу. Не вставай, дверь я захлопну, — и вышел.

Протопали шаги по коридору, хлопнула, открываясь и закрываясь, входная дверь. Тишина. Вера плюхнулась на диван ничком, зарылась в подушку, потом стукнула по ней кулаком. Чего бы он понимал в женщинах! Да, говорила она ему, что замуж не хочет. Ну так мало ли что говорила! А что, нужно было сказать, что готова хоть сейчас? Хоть сию минуту? Да как он не понимает, любит она его, дурака, любит!!!

***

Славка набрал знакомый номер.

— Алло? — раздался в трубке такой далекий и такой одновременно близкий голос.

— Мама, это я.

— Славочка, сыночек! Здравствуй, хороший мой. Как ты? — голос мамы был где-то далеко, витал в неизвестном пространстве. И, чтобы избавиться от неприятного ощущения, Славка представил маму в комнате, в привычной обстановке. Вот в махровом халатике сидит в кресле, поджав под себя ноги, мягкие домашние тапочки, подаренные Славкой, стоят рядом. Длинный телефонный провод тянется с журнального столика, а мама по привычке накручивает его на палец...

— Я хорошо, мама. Работы только много. Как ты?

— Я нормально, что со мной делается, Славочка? Лекарство твое получила, пью потихоньку, вроде помогает. Так что все у меня замечательно. Только бы у вас с Данечкой было все хорошо. За тебя я не беспокоюсь, ты молодчинка. А вот Данечка... — мама замолчала, ожидая вопроса.

— Да? — переспросил Славка, чтобы хоть что-то сказать.

— Пытался он свое дело организовать, да что-то не вышло. Сейчас за границу поехал, сказал — связи налаживать...

— Ничего, мама. Вернется.

Славка смотрел, как безнадежно бьется о стекло позадавая осенняя муха. Усталая, но упорная. Силится выйти, вырваться из теплого привычного мира комнаты сквозь прозрачное и призрачное ничто. Куда рвешься, глупая? Что можно найти в холодном осеннем мире за пределами ограниченного, но теплого и безопасного пространства?

— Славочка, ну какой ему бизнес, какая заграница? Он ведь как ребенок! Присмотрел бы ты за ним? Может, на работу к себе возьмешь?

— Мама, он уже взрослый человек, самостоятельный, сам определится, что делать.

Муха отчаялась и присела отдохнуть, опустила бессильно плечечные крылышки. А может, решила остаться здесь навсегда, поняв тщетность попыток.

— Да какой он самостоятельный? Совсем глупый еще...

Мама переживала, потому Славка решительно, только чтобы успокоить ее, сказал:

— Хорошо, мама, конечно. Присмотрю.

— Уж постарайся, Славочка. Все-таки твой младший братик...

Младший братик. Вечный младший братик, забравший все: маму, дом, любимую. И бросивший все, как детский игрушечный паровоз.

«Не завидуй!» — назидательно произнес голос.

Славка промолчал.

***

Звонок затрещал резко, неожиданно, и Славка, успевший задремать, с трудом вырвался из сна. Работал телевизор с выключенным звуком, прыгали по полу блики отсветов. Славка глянул на часы — десять вечера. Война? Учения? Генерал? Кашлянул, поднял трубку и четко отпарировал:

— Семашко слушает.
— Славка! Славочка! — за рыданиями и всхлипываниями Славка с трудом разбирал слова. — Мишка пропал!
— Даша, — неуверенно переспросил Славка. — Это ты?
— Я! Слава, его украли! Я не знаю, что делать!
— Даша, подожди. Спокойно, — Славка выключил телевизор, зажег свет. — Расскажи по порядку. Почему украли?
— Слава! Нам угрожали! Данил денег занял. На бизнес. Промотал все — возвращать нечего. И свалил, трус! Уехал за границу! Исчез! Типа нет человека — нет кредиторов. А там же бандиты! Там Кайский! Его весь город боится! Они мне на работу звонили, угрожали, что если через неделю не верну деньги, то заберут ребенка и будут возвращать по кусочкам! Я в школу побежала, а там говорят, что Мишка даже не приходил! Слава, Славочка! Я не знаю, что делать!
Даша снова зарыдала.
— Тише. Успокойся. Возможно, он просто заигрался, прогулял школу...
— Нет! Мишка никогда так не делал!
— Все бывает в первый раз. Звони по друзьям. Спрашивай телефоны друзей, знакомых. Звони. Прямо сейчас.
— Да, — Даша все еще всхлипывала, но безумие из голоса уходило.
— Давай.
Славка, широко шагая, прошелся по комнате. Что делать? Куда? В милицию? Бесполезно. Деньги? Тварь ты, Даня, о чем ты думал, как ты мог бросить их одних! Что же делать?! А может?.. Его палочка-выручалочка, которой он воспользовался раз в жизни и зарекся обращаться вновь... Но ведь сейчас крайний случай! И сейчас главное — Мишка. И время...

— Поможешь?.. — решился Славка.
Показалось, что голос ехидно хмыкнул, но ничего не ответил.
Господи, подумал Славка. С кем я говорю? Голоса, мистика... Какая ерунда! Ведь взрослый мужик, не маленький ребенок. Нужно срочно что-то делать. Славка поспешно начал одеваться, на ходу соображая, к кому сейчас, в такое позднее время, он может обратиться. И уже открывал дверь, когда снова раздался телефонный звонок. Бегом вернувшись, Славка схватил трубку.
— Слава! Славочка! Это Даша!
— Да, Даша. Я решаю проблему...
— Нет, Славочка! Все хорошо! Мишка просто зашел к приятелю... Свиненьш этакий! — она счастливо всхлипнула. — Я уже выдала ему по первое число. И еще из милиции позвонили — сегодня задержали Кайского! Все замечательно! Ты прости, что я тебя переполошила, Славочка!
— Ну что ты, Даша. Ты все правильно сделала...
— Это ты, Славочка, удачу принес! Спасибо тебе! Я позже перезвоню, ладно? Пока!
В трубке раздалась короткая гудка, и Славка аккуратно положил ее на рычаг.
«Доволен?» — вкрадчиво прошелестел голос.

***

Даша сидела у Славки на кухне, пила крепкий чай. Она приехала неожиданно, без предупреждения и могла бы вообще его не застать, но вот застала.
— Объявился он, Слав. Данил-то. Как узнал, что Кайского задержали, так и объявился. Позвонил, мол, все в порядке, как все окончательно уляжется — приеду...
Славка, привалившись к холодильнику, слушал. Даша грела руки о кружку, делала маленький гло-

ток, снова грела руки. Над чаем курился ароматный дымок.

— На все ему плевать. На Мишку, на меня...

На мать. Знаешь, деньги, которые ты ей высылал, он все до копейки забирал. Говорит: «На бизнес!» — раздрадила Даша. — Где теперь его бизнес?!

И поспешно уткнулась в кружку.

— Ты прости, пожалуйста, что я к тебе жаловаться приехала и такое про брата говорю, — произнесла она некоторое время спустя. — Так получилось, что больше никому.

— Даша, — неловко начал Славка. — Может, не стоит торопиться? Не уезжай, подожди. Все еще образуется.

— Нет, Славочка. Не образуется. Не думала, что он такая сволочь! Ну ладно я, но ребенок-то в чем виноват?! Никогда я ему Мишку не прощу! Хватит, натерпелась. Уезжаю на север, к родителям. И сына забирю. Так что попрощаться зашла.

— Даша, знаешь... — вдруг решился Славка. — А я ведь влюблен в тебя был тогда...

— Знаю, Славочка. Сейчас уже знаю. Он мне все рассказал. И что женился назло, тоже не постеснялся сказать. Какая же я дура была! Какие же мы все, бабы, дуры! Ничего дальше смазливых мордашек да подвешенного языка не видим. А сейчас все уже, поздно. Хочу все сменить. Жизнь, работу...

Даша поднялась.

— Подожди, я такси вызову.

— Не нужно, вокзал рядом, я и так доберусь. Слава, я тебе так благодарна! Спасибо, что помог, поддержал. И пусть у тебя все сложилось как надо. И работа, и личная жизнь.

Дверь, закрываясь, хлопнула. Славка снова остался один.

«А чего ж ты, парниша, так и не выговорил, что до сих пор влюбленный ходишь?»

— Зачем? Ей это не нужно, а я уже как-нибудь справлюсь, — подумал и неуверенно добавил: — И потом, у меня сейчас есть Вера...

***

— Привет, Вячеслав... — Вера смотрела как-то странно. Секунду помедлила, посторонилась. — Заходи...

Почему-то она провела его не в комнату, как обычно, а на просторную кухню. Радостные солнечные зайчики прыгали по светлому кафелю, отражались в надраенной посуде. С чего бы это такая чистота? Любовью к домашней работе Верочка никогда не отличалась, а домработницу, как постороннего человека в доме, тоже не жаловала.

Девушка присела на табурет, спрятала руки в рукава домашнего кимоно. На фиолетовом шелке золотыми нитками был вышит дракон, длинное тело которого тянулось по спине и заканчивалось шипастой головой на плече. Казалось, дракон с любопытством заглядывает в довольно откровенный вырез. Вера заметила интерес Славки к дракону, произвольным жестом стянула края платья. Спросила:

— Зачем пожаловал?

— Вот так вот быка за рога? И даже чаем не угостишь? — шутливо возмутился Славка, пытаясь снять непонятно откуда взявшееся напряжение.

— А оно тебе надо? Чай-то?

Славка пожал плечами. И чего это на нее нашло?

— Знаешь что, Славочка... Не хочу больше морочить тебе голову... — Вера бросила испытующий взгляд. Голосок звенел от напряжения. — Я замуж выхожу. Через месяц.

— Шутить? — помолчав, недоверчиво переспросил Славка.

— Да нет...

Вера протянула тонкую руку. На безымянном пальце, искрясь в лучах утреннего солнца, уверенно угнездилося кольцо с крупным бриллиантом. Неторопливо тикали старые ходики, доставшиеся Вере от мамы. Кружились пылинки в потоке света. И Вера, закусив губу, чуть исподлобья, странно смотрела на него.

— Позволено ли будет спросить, за кого? — произнес Славка ровно.

Верина рука дрогнула, спряталась в рукав халата. Дракон на плече шевельнулся. Славка ждал. Девушка упрямо вскинула подбородок:

— А какая разница? Тебе же все равно!

— Что ж, — помедлив, выговорил Славка. — Как говорится, совет да любовь.

Развернулся и вышел. Не прощаясь.

Шел вдоль цветущих тополей, чей пух вился легкой снежной поземкой, и думал: ах, Вера, Вера... Ну, ничего. Как-нибудь. Он уже большой мальчик, переживет...

Голос молчал.

И совсем необязательно обвинять во всем потусторонние силы, крепясь, подумал Славка. Просто Вера сделала свой выбор, пусть будет счастлива.

***

Доктор, сохраняя непроницаемое лицо, молча паковал в чемоданчик стетоскоп, арсенал ампул, вату и бинт... В комнате остро пахло нашатырем, спиртом и еще чем-то неуловимым, но неоспоримо медицинским.

— Доктор, что?.. — наконец решился спросить Славка.

— К сожалению, прогноз неутешительный, — врач закрыл блестящие застежки объемного чемоданчика, поправил рукава халата. И, наконец, поднял глаза. Славка сглотнул.

— И сколько осталось?

— От силы месяц-два. Не больше.

— Можно что-то сделать?.. Лекарства?.. Больницы?..

— Ничего. Это просто старость. Бессмертные еще не придумали. Забота, покой — это все, что вы можете дать... Будьте добры, проводите меня.

Дверь хлопнула, закрываясь. Славка остался стоять, привалившись к косяку. В горле застрял ком. Мама-мама... А ведь если бы не неожиданный, выпрошенный, вырванный, взятый будто по наитию отпуск, то он бы мог не успеть...

***

— Сынок, ты здесь?

— Да, мама. Спи, не волнуйся, я с тобой.

В комнате царил полумрак, шторы были прикрыты, скрывая свет, раздражающий усталые глаза пожилой женщины.

— Славочка, а Данечки нет? — где-то в глубине души матери еще жила, теплилась надежда.

— Пока нет, мама. Но он скоро будет, — голос младшего сына был убедителен.

— Он звонил?

— Да, мама. Сказал, что едет.

— Хорошо... — едва слышно прошептала женщина и снова впала в забытье.

«Едет, как же! Держи карман шире!» — насмешливо проскрипел голос.

— Я знаю, молчи, — цыкнул Славка.

«Да молчу уж!» — проворчал голос.

— Слушай... — Славка замялся. — А его ты затащить сюда, случайно, не можешь?

«Ой, не задавай глупых вопросов, — в словах явно ощущалось раздражение. — Ты же знаешь, что над чувствами я не властен».

***

Славка держал трубку, ставшую горячей от влажных ладоней, и никак не решался набрать номер. Подбирал слова, искал аргументы... «Главное не сорваться, — подумал он. — И спокойно. Сейчас самое важное — мама. А остальное — ерунда. Пусть эта сволочь приедет. Пусть попрощает. И мама будет счастлива».

— А-ле, — раздалось в трубке развязное.

— Данил, это Вячеслав.

— Ха, брателло! Привет. Чего надо?

Сдержаться. Главное сдержаться. Мама...

— Ты знаешь, что мать болеет?

— В курсе.

— Ну?

— Что ну?

— Слушай, не строй из себя болвана. Знаешь же, что она тебя ждет. Когда ты приедешь?

— Ждет... Все ждут, — хмыкнул Даня. — Не могу я сейчас. У меня только все налаживаться начало.

Не до разездов.

— Слушай, ты!.. Ей несколько дней осталось. Приезжай, я оплачу дорогу.

— Богатый, значит? Богатенький? Дорогу, значит, оплатишь? А не пошел бы ты, а? А где ты был, когда я от бандюков скрывался? Брат называется! Пошел ты на хрен, никуда я не поеду.

— Это же мать! Твоя мать!

— И твоя тоже. Хватит, что ты там. А у меня дела, — отрезал Данил.

— Даня... — начал Вячеслав. — Даня, она же умирает...

— Тем более. Она все равно помирает, а у меня вся жизнь впереди. Мне не до поездок.

— Поговори хотя бы по телефону!

— Не хочу. Она опять ныть начнет... Не хочу.

Справляйся сам. Я с ней и так достаточно нажил-ся. Это ты куковал в свое удовольствие. А я крутился, как уж на сковородке: жена, ребенок, да еще и мать со своими прибабками. Так что теперь твоя очередь. Все, некогда мне. Адью.

И раздались короткие гудки.

Славка стоял, сжимая хрупкую пластмассу, и отстраненно думал: «Только бы не раздавить».

***

Славка с жалостью смотрел на маму. Изможденное лицо почти сливалось по цвету с подушкой, тонкие руки бессильно лежали поверх легкой перины... Бедная мама...

— Мамочка, как ты? — тихонько спросил Славка.

— Славушка? — мама приоткрыла затуманенные обезболивающим глаза. — Как все болит, Славочка! Все сильнее и сильнее... Скорее бы уж... А Данечка не приехал?

— Нет, мама. Нет еще...

— И уже не приедет, не успеет... Умру я...

— Ну, мама, что ты! Какое умру! Да как на ноги встанешь, мы тебя еще замуж выдадим! — Славка пытался говорить бодрым тоном.

Мама вдруг взглянула ясно, а ее рука, похожая на иссушенную птичью лапку, с неожиданной силой вцепилась в Славкино запястье.

— Славочка, скажи правду! Только не ври! Ты не сказал Дане, что я болею? Пожалел его, да? Чтобы он не расстраивался, чтобы не приезжал...

Бедная мама!.. Как сказать, что Данил отказался ехать?

— Мама... — начал он медленно.

— Нет! Не надо, не говори! — женщина изо всех сил зажмурилась, зная ответ.

— Мамочка... — отчаянно выкрикнул Славка. — Мама! Это я виноват, я не сказал ему! Прости меня, мама!

Мать открыла глаза, долго и пристально взгляды- валась в сына, силясь что-то прочитывать на его лице. Поверила, отвела взгляд, судорожно перевела дух.

— Ничего, Славочка, ничего... — пробормотала она некоторое время спустя. — Бог простит тебе эту ложь. Ведь ты не со зла, ты хотел, как лучше...

Мамины пальцы разжались, и рука бессильно упала на кровать. Секунда тишины.

— А все-таки лучше бы ты его позвал! — вдруг страстно воскликнула женщина и отвернулась к стене.

Славка, желая защитит, пожалеть потянулся к матери:

— Ма-а-ам...

— Иди, Славочка, — голос звучал глухо. — Иди, я посплю.

***

Славка осторожно приоткрыл дверь, заглянул в комнату. Ночник чуть теплился, мама лежала с закрытыми глазами, но не спала. Ее бескровные старческие губы тихо, почти беззвучно, шептали молитву.

— Господи! — страстно молилась мать. — Прости его, ибо это мой сын, и я этого требую! Он не виноват... Данечка... Так и не приехал... Прости его, ведь и я стараюсь простить! Он не со зла, он хотел как лучше. Прости, Господи, Славущку, что так и не позвал Данечку...

Славка тихо, чтобы мать не услышала, прикрыл дверь, ушел на кухню и долго-долго сидел там,

грея в руках бокал с одним-единственным глотком коньяка.

***

Поминками заправляла одна из маминых подруг, и Славка был ей благодарен, сам он вряд ли смог бы сделать все как надо, «по-людски», как говорила когда-то мама.

Выждав приличное время и, тем не менее, рискуя навлечь неудовольствие собравшихся — «Что такое? Это сын разве? Не дождался, когда все разойдутся!» — Славка вышел во двор и бесцельно побрел куда глаза глядят. Опавшие осенние листья, покрывшие землю шикарным пестрым ковром, с тихим шорохом рассыпались под ногами, превращаясь в серое ничто... Во дворе соседнего дома обнаружилась заброшенная детская площадка. Покосившаяся горка, качель с деревянным потемневшим сиденьем, песочница с одиноким, брошенным кем-то грузовиком. Славка сел на бортик, поднял с земли чужую забытую игрушку. Повертел в руках, разглядывая. Машинка была почти новая. Интересно, помнит ли потеряшка о своей пропаже? Или давно уже забыл, увлеченный новыми делами и играми?.. всплыло давнее воспоминание: красный паровоз, подаренный родителями на день рождения, ссора с Данилом, мама...

Как это может быть — мамы больше нет?! Мама ушла навсегда... И до конца думала о Дане. Почему?! Ведь он, Славка, был рядом. Но ей нужен был Даня... Почему не он, Славка?! Господи, почему люди не замечают тех, кто рядом?! Почему они ищут чего-то несбыточного? Почему все раз за разом — всегда! — выбирали не его, Славку, а кого-то другого? Все, кого он любил. Мама, Даша. Вера...

Вера... То, о чем он запрещал себе думать, всплыло волной, затопило так, что даже на языке появилась неприятная горечь. Сколько осталось до Верининой свадьбы

бы? Неделя? Полторы?.. Что не так с ним, Славкой? Почему те, кого он любил, всегда уходили от него?

«Но ведь и ты всегда отступал, уходил. Каждый раз исчезал из их жизни... Мама, Даша, Вера...»

Но ведь это правильно, они имели право на собственный выбор. А он, Славка, старался не мешать им...

«Да? А может, ты просто бросал их на произвол судьбы? Когда-то оставил маму. Потом отпустил Дашу. А сейчас — Веру... А думал ли ты, что нужен им? И почему это люди никогда не замечают тех, кто рядом?...» — передразнил голос и замолчал.

Славка задумчиво покатал детский грузовичок по бортику. Колеса, забитые песком, застревали. Он аккуратно поставил игрушку на землю, отрянул руки и решительно встал. Может быть, у него все-таки есть шанс?

***

Славка, неловко держа пестрый букет, нажал кнопку звонка. В глубине квартиры затренькало, и спустя некоторое время послышалось:

— Кто там?

— Вера, это Вячеслав.

Молчание.

— Вера, открой, пожалуйста.

— Слава, я не хочу тебя видеть. Уходи.

Удаляющиеся шаги. И тишина. Все, конец. Славка развернулся и медленно пошел вниз.

«Подожди! Попробуй еще раз! — голос звучал встревоженно. — Ты же ничего не сделал!»

— Не судьба, — мотнул головой Славка, продолжая спускаться, и ненужный букет подметал пол.

«Слушай, — прошелестел голос. — Не хочу пугать, но у нее в руках горсть таблеток...»

— Что?! Шутить?!

«Серьезней не бывает».

Славка взлетел наверх, нажал кнопку звонка, и тишину за дверью сменил безумный трезвон. Остановился на мгновение, прислушался — тишина. Славка ударил по двери кулаком, и по подъезду прокатился глухой металлический звук. Щелкнул замок соседней двери.

— Молодой человек! — Мелкие седые кудряшки и пенсне, венчающее острый носик интеллигентной, похожей на сухую воблу соседки, возмущенно подрагивали. — Что Вы делаете?! Вы переполошили весь дом!

«Балкон!»

Славка, отшвырнув бесполезный букет, шмыгнул мимо ахнувшей дамы, рванул стеклянную дверь. С мыслью: «Далеко! Не допрыгну» — вскочил на перила. Качнулся, чуть не упал, прыгнул, вкладывая все в этот прыжок. И оказался на соседнем балконе. Локтем ударил в стекло, сбивая невидимую преграду. Открыл задвижку, осколки жалобно хрупнули под ногами. На пороге комнаты увидел застывшую Веру.

Славка шагнул вперед:

— Где таблетки?! Куда ты их дела?!

— Какие таблетки? — пролепетала Вера, пятась.

Славка схватил руки девушки, разжал сжатые ладошки. Пусто! Заглянул в испуганные глаза.

— Ты. Сейчас. Ела таблетки? — переспросил, раздельно выговаривая слова.

— Слава, ты о чем?! — воскликнула Вера и вырвалась из его рук. — Какие таблетки?!

— Верка! Верочка! — он обнял ее. — Я так испугался, что я тебе потеряю!

Вера недоверчиво взгляделась в его лицо.

— погоди, я сейчас! — крикнул Славка и рванул в коридор.

Когда он вернулся, в его руках было нечто. Вераглянула на бывший букет, на озабоченное Славкино лицо, который только сейчас заметил происшедшие

с подарком изменения, и вдруг, не удержавшись, звонко расхохоталась:

— Вячеслав Александрович! Ты самый непутевый человек на свете! Зачем ты разбил окно? Как ты оказался на балконе? И как ты умудрился обыкновенные цветы превратить в это?!!

И тогда Славка решил и, глядя прямо в смеющиеся глаза, негромко, звенящим голосом произнес:

— Вера! Я люблю тебя. Бросай своего бриллиантового жениха, выходи за меня?

Страшные слова прозвучали. И мир не рухнул. И Славка остался на ногах. И даже девушка, как ни странно, не бросилась бежать, а ответила:

— Слава, я согласна.

— Согласна? — глупо переспросил Славка, боясь поверить.

Вера кивнула, чуть поколебалась и все же решилась:

— Только знаешь... Не было никакого жениха. Я все выдумала, чтобы ты ревновать начал.

— Как выдумала? — Славка не понял. — А кольцо?

— Сама купила. За бешеные деньги, между прочим, — сообщила она. И, сделав паузу, добавила с легким упреком: — А ты не оценил...

— Я оценил, — потрясенно пробормотал Славка. Помолчал, привыкая к вкусу новости, и добавил: — Еще как!

***

Вечер прошел в хлопотах. Милиция, вызванная бдительной соседкой, уехала. Балконная дверь обзавелась новым стеклом. А в доме наконец воцарилась полуденная тишина. Вера дремала на Славкином плече, а он все прокручивал прошедшие события.

— Слушай, — наконец прошептал еле слышно, обращаясь к невидимому собеседнику. — Зачем был весь этот цирк? Зачем таблетки?..

«Если бы не этот цирк, — Славке показалось, что голос чуть усмехнулся, — вы бы так и не встретились. А сейчас — все в порядке».

— То есть... — Славка опешил. — Это что? Ты все специально сделал? Значит, я опять тебе обязан?!

«Слава! Наивный друг мой! Мы с тобой — одно целое. Какие тут расчеты?»

— Но... — Славка запнулся, пытаясь понять. — То есть как?.. Ты же сам говорил, за все надо платить... Смерть отца... Спасение Мишки и Вера...

«А представь, что не было платы? Просто совпало так. Случайность...»

— Случайность?! Как случайность?! То есть... вся моя жизнь была случайностью?!

«А может, вся твоя жизнь — это ты сам? И все в ней в твоей власти. И, как ни удивительно, — голос сделал многозначительную паузу, — даже чувства».

Славка прислушался к сонному дыханию Веры. Ощутил всей кожей ее — рядом. И с уверенностью, изумившей его самого, радостно осознал: «А ведь правда!» Помолчал, привыкая к новой реальности, но все же решил выяснить все до конца:

— Значит, тебя все-таки нет? Я тебя выдумал?

«А важно ли это? Есть... Нет... Все в мире относительно».

Славка задумался. Важно? Наверное... Хорошо знать, что есть сила, способная поддержать, помочь... Ну, пусть за дорогую плату, но все же... С другой стороны, знать, что все в жизни подвластно только тебе — это тоже приятно...

«Спи, — примиряюще шепнул голос. — Все равно ничего не придумаешь. Человечество бьется над этим выбором века, а ты хочешь все решить за один вечер».

И Славка почувствовал, что глаза слипаются... Есть, нет — Бог с ним. Завтра будет новый день, новая жизнь. И Вера — его Вера! — рядом и навсегда. **У**

Великие русские...

Игорь Косаркин

Родился 11 сентября 1977 года в г. Краснотурьинске Свердловской области. В 2011 году закончил юридический факультет НОУВПО «Гуманитарный университет» по специальности «Юриспруденция». Работает ведущим специалистом Отдела жилищно-коммунального хозяйства, транспорта, энергетики и связи администрации городского округа Карпинск. Женат. Четверо детей.

— Ну, что там? — Нетерпеливый мужской голос.
 — Он там? Что Он делает? — Теперь взволнованный женский голос. — Боже, это невыносимо! Я, кажется, схожу с ума!

— Твою мать, не томи ты! Скажи хоть что-нибудь! — Опять нетерпеливый мужской голос.

— Да, да, да... — многоголосица, в которую слились мужские и женские голоса, молодые и не очень.

Бузеев стоял, низко наклонившись вперед, у массивной двухстворчатой двери, и заглядывал в старомодную замочную скважину. Позади него собралась внушительная толпа, заполнившая собой фойе Дома литераторов. Находившиеся в толпе люди считали своим долгом подойти как можно ближе к двери, отчего Бузеев оказался плотно зажатым со всех сторон. Дверная ручка уперлась ему в лоб. Парочка каких-то нахальных типов пыталась заглянуть в замочную скважину вместе с ним, буквально повиснув у него на плечах. Кто-то тяжелый навалился Бузееву на спину, отчего в протесте заняла поясница. Тревожное однонаправленное дыхание десятков человек обволакивало его невидимым коконом, превратившись в смесь, состоящую из запахов зубной пасты, освежителей для рта, фруктовых леденцов, табака и вчерашнего перегара.

Люди откровенно нервничали, но при этом никто не проявлял агрессии. Бузееву они почему-то казались невероятно интеллигентной толпой футбольных фанатов. В руках каждого из присутствующих были книги. Разные книги. Толстые фолианты в кожаных переплетках. Книжечки небольшого бульварного формата с мягкими обложками. Книги, вызывающе блестящие гляncем красочных суперобложек. И просто книги — с обычным тиснением, невзрачные на вид, но очень дорогие сердцам их хозяев, бережно прижимавших их к себе. Люди, а возможно

и книги, изнывали в ожидании момента, когда им будет позволено приблизиться к тому, кто сейчас находился за дверью.

— Ты слышишь? — спросил все тот же нетерпеливый мужской голос. — Скажи, чем Он сейчас занимается?

— Скажи, скажи, скажи... — подхватила нервничающая толпа и подалась вперед. Бузеев едва не взвыл от боли, когда холодная сталь дверной ручки чуть не проломилась ему череп.

— Тише вы, раздавите! — полуобернувшись, резко возмутился Бузеев. Напор толпы немного ослаб, и он вновь стал смотреть в замочную скважину. Узкий лучик яркого белого света, проникший наружу сквозь отверстие для ключа, искрой отразился в зрачке глаза замершего у двери Бузеева.

По другую сторону двери находилось довольно просторное помещение малого конференц-зала, уставленное рядами кресел с бордовой велюровой обивкой. Чуть далее высилась сцена с лакированной деревянной кафедрой и черным экраном интерактивной доски, занимавшей половину задней стены. По проходу, вдоль пустующих кресел, неторопливой походкой прогуливался, поигрывая рацией, охранник в серо-зеленой форме. Второй охранник стоял у сцены, прислонившись спиной к ее краю, и с кем-то непринужденно беседовал по мобильному телефону. Такая вопиющая бестактность, проявленная охраной в Его присутствии, до глубины души возмутила Бузеева. Как они могли себе это позволить?! Вести себя так нахально расслабленно и непочтительно, когда рядом Он?! Бузеев в мыслях смачно выругался.

В правом углу сцены стоял длинный письменный стол, на котором высокими башнями громоздились стопки новеньких книг. За столом сидел Он, ставший причиной присутствия в фойе множества вол-

нующихся и жаждущих встречи с Ним людей. Бузеев, как ни старался, из-за высоты сцены и ограниченного угла обзора не смог увидеть Его лица. Зато он видел Его руки с белоснежными манжетами рукавов сорочки, порхающие, словно неведомые птицы, над столешницей. Руки на мгновение исчезали из поля зрения, когда Он поворачивался, чтобы взять книгу с одной стопки, и затем возвращались к столешнице уже с добычей. В пальцах Его правой руки была зажата шариковая ручка. Он коротким небрежным движением открывал первую страницу обложки книги и размашисто расписывался на отвороте, а затем отправлял книгу в другую стопку на противоположной стороне стола. Бузеев завороченно следил за этим действием, в восторге затаив дыхание. Он подумал, что мог бы простоять здесь вечность, проводя время за созерцанием совершаемого магического ритуала, свидетелем которого ему доводилось становиться не чаще одного раза в три года.

— Ну?! — раздался за спиной Бузеева резкий окрик. Голос незнакомый — похоже, еще у одного почитателя лопнуло терпение.

— Он в зале — подписывает книги, — прокомментировал происходящее Бузеев.

— Опять готовые типографские экземпляры со стандартной штамповкой, — сокрушенно произнес кто-то. — А что, если Он не захочет расписываться в наших книгах? Не захочет тратить время на собственноручные пожелания?

Бузеев понимал опасения говорившего, он и сам по этому поводу сильно переживал. Боялся, что получит только экземпляр книги с Его напутствием поклоннику, отпечатанным в типографии. Конечно, такой подарок был тоже хорош, но в нем не было главного — волшебства. Никто и не помнил, когда возник миф о чудодейственной силе Его автографов, на-

писанных собственноручно, но они стали объектами вожделения для тысяч людей. Причем автограф должен был содержать любое, пусть самое незначительное пожелание. Считалось, книга с таким автографом гарантирует ее обладателю успех во всех начинаниях и удачу в жизни. Сколько человек оказалось реально очастливленными, никто не знал. По крайней мере, если кто-то из присутствующих и получил ранее свою порцию счастья, ему ее явно не хватило, и он пришел за добавкой.

— Какая разница — отпечатано напутствие в типографии или же Он написал его сам? Подпись-то все равно настоящая, — попытался успокоить окружающих Бузеев, не веря ни единому своему слову.

— Готов с вами поспорить, — возразил кто-то, скрывающийся за спинами людей. — Однажды я так спешил на встречу с Ним, что позабыл дома свой экземпляр и получил книгу со штампованным пожеланием. Три года я пахал как проклятый, но никак не мог добиться успеха. Я почти отчаялся, как вдруг получил приглашение, что, в общем-то, довольно странно. У меня отобрали лицензию. Достигнутые результаты не впечатляют, но... Сейчас появился шанс все исправить. Нужно только, чтобы он пожелал мне что-нибудь и написал это пожелание на развороте книги. Оставил свой счастливый автограф!

Услышав эти слова, Бузеев с тревогой взглянул на свою книгу, на обложке которой небольшой звездный кораблик пытался преодолеть безбрежный океан Вселенной. «Вот она, родимая», — с облегчением подумал он, еще крепче прижав книгу к груди. Уж он обязательно попросит Его написать своими руками, так похожими, если смотреть издали, сквозь замочную скважину, на порхающих птиц, какое-нибудь пожелание. Любое! Только бы оно было. Кни-

гу с шаблонным типографским автографом он подарит своей подруге, а эту обязательно оставит у себя... Навсегда.

— Я боюсь! Мне Он точно ничего не напишет, — раздался в толпе дрожащий девичий голос. Бузеев повернулся и смог рассмотреть его обладательницу. Она стояла неподалеку, у стены, разделяющей фойе и конференц-зал. Девушка была невысокого роста, очень миленькая, одета в довольно элегантный темно-синий брючный костюм. Глаза, что говорится, на мокром месте. В руках, конечно же, дамский роман — на глянцевого обложке роскошная сеньорита в белом воздушном платье самозабвенно опрокидывалась в объятия мускулистого мачо.

— Мне кажется, Он уже сожалеет. Описание любовных историй — не Его жанр, — продолжала жаловаться девушка. Свободной рукой она закрыла лицо и выдохнула в маленькую ладонь: — Мамочки, зачем я сюда пришла?

Люди с сочувствием смотрели на нее.

У Бузеева от жалости защемило сердце. Он даже слегка испугался возникшего чувства. Кажется, раньше он испытывал жалость только к себе — за ушибленное в детстве колено, за не сданный в институте экзамен, за потерянную первую любовь, за все неудачи, в конце концов... Но чтобы вот так, среди толпы незнакомых людей сопереживать постороннему человеку? Нет, никогда! Бузеев пришел в восторг от нахлынувших эмоций.

«Надо же, как занятно, — удивлялся он. — Стоит запомнить это ощущение. Пожалуй, оно может пригодиться».

На какое-то время Бузеев вдруг забыл о себе. Ему искренне захотелось, чтобы у заплаканной девчушки все получилось, чтобы Он не отверг протянутую ему книгу.

«Боже, да о чем это я?! — внутренне возмутился Бузеев. — Он и не способен хладнокровно отвергнуть кого-либо. Ведь это — Он!!!»

Бузеев, было, открыл рот, чтобы громкогласно объявить о своем открытии, но один из тех самых нахальных типов, что болтались у него на плечах, неожиданно опередил его.

— Прекратите нести ересь! — с жаром выдохнул он. — Он не способен отвернуться ни от кого из нас! Разве то, что мы находимся все здесь, не является доказательством Его великодушия, Его безмерного гения?! Дамские романы, бульварные детективы, приключения — ему подвластны все литературные жанры! Он не роется в них, как Другие, считающие себя Серьезными. Но что может быть серьезнее талантливо написанного фельетона? Или краткого, но очень глубокого по содержанию эссе? Или фривольных стихов, от которых заряжаются весельем даже кошки? Я не говорю, что Другие плохи, но, может быть, они чуточку менее гениальны, чем Он. Или я не прав?

Нахальный тип с вызовом уставился на толпу. Выглядел он, однако, скорее комично, чем грозно. Среднего роста, тощий, с заостренным лицом и жиденькой рыжей бородкой — он сам представлял собой гениально созданный ходячий фельетон, при виде которого те самые приснопамятные кошки передохли бы от смеха. Тем не менее, желающих возразить среди собравшихся не нашлось. Похоже, он выразил вслух то, о чем тайно думал каждый. Над толпой пронесся одобрительный гул голосов, переросший в хаотичные реплики. Каждый спешил высказаться. Людей словно прорвало.

— Представляете, в прошлом году Он увлекся пьесой! Совсем как милейший Антон Павлович! Невежливо! — восторгалась где-то вдалеке от Бузеева эффектное женское контральто.

— А киберпанк? Господи, я никогда не думал, что Он ударится в киберпанк! — кричал кто-то.

— Да что там киберпанк! Недавно Он попробовал себя в военно-исторической прозе!

— Пьесы, киберпанк, история... Не забывайте о публицистике, о научно-популярной литературе! Не пойму, как Он все успевает?!

— Если человек гениален — он гениален во всем!!

— Но послушайте, а Другие? Его многожанровость или, если хотите, литературная полигамия, может не понравиться Другим! — нашелся все-таки один сомневающийся.

— Другие могут поцеловать себя в жо... — Еще более одобрительный гул голосов заглушил окончание чьей-то эмоциональной фразы.

— Господа, рекомендации Другим целовать себя в жо... — снова одобрительный гул, проглотивший окончание слова, — в Доме литераторов — это моветон! Будьте сдержанней, друзья!

— Хрен с ним, с моветоном! — воскликнул в самое ухо Бузееву голос, давеча поминавший всуе его матушку. Хозяином голоса оказался полноватый паренек, на вид лет двадцати, с широконосым крестьянским лицом. Заметив, что Бузеев обратил на него внимание, он горячо продолжил:

— За одни только сельские рассказы я готов носить Его на руках всю жизнь. — От паренька вкусно пахло деревенским самогоном и свежим чесноком. Бузееву захотелось немедленно выпить и закутить.

— Сельские рассказы? — переспросил Бузеев, с сожалением подавив вспыхнувшее желание. — Признаться, я не слышал.

— Как же! — изумился паренек. — Это не рассказы, а песни об аромате свежеспаханной земли, щелчка пастушьего кнута, стуке конских копыт, — деревенского почитателя явно потащило в образы. — О зим-

ней охоте и скрипе снега под полозьями саней, о хлебосольных застольях в Рождество и вое волков за окнами деревни в лунные ночи...

Невольно перед внутренним взором Бузеева предстала деревня в зимнюю ночь. Снежные сугробы в лунном свете отливали жидким серебром. Жирной ломаной линией за заметенными снегом полями чернел притихший лес. В избах желтым живым огнем светились окна. Белые извилистые столбы дыма поднимались из печных труб прямо в звездное небо...

Бузеев затряс головой, избавляясь от наваждения.

«Вот ведь, чертяка, — удивленно подумал он. — Умеет же!» Бузеев с уважением посмотрел на книгу в руках паренька — с невзрачной обложкой светло-бежевого цвета. Простой серый оттиск заглавия — «Сельские рассказы». Бузеев неожиданно для себя решил, что когда-нибудь познакомится с этой книгой.

В этот момент лязгнул замок, и одна створка двери начала свое движение внутрь фойе, своим краем толкнув Бузеева в грудь. Толпа отпрянула назад, ровно настолько, насколько это было необходимо, чтобы дверь открылась, а уже через мгновение вновь подалась вперед, бросив в дверной проем, на появившегося охранника, Бузеева и стоящих рядом с ним людей. Охранник, казалось, без особых усилий остановил инерционное движение толпы выставленными вперед ладонями. При этом его лицо выражало не больше эмоций, чем пластиковые панели на стенах конференц-зала. Бузееву же, налетевшему на его руки, показалось, что он столкнулся с асфальтоукладчиком. От удара вышибло весь воздух из легких. Бузеев охнул и широко открыл рот, пытаясь вдохнуть. «Неделя в постели с анальгином», — мрачно констатировал он, стараясь постепенно прийти в чувство. В глазах плясали темные круги, ушибленную грудь изнутри словно охватил пожар. Охранник, оставаясь

безучастным к произошедшему, высоко поднял голову, словно пытался разглядеть людей в задних рядах, и прокричал:

— Не толпиться! Строиться в очередь по одному! Держать интервал в три шага между идущими спереди и сзади! К сцене разрешается подходить только тогда, когда ее покинет впереди идущий! Никому не мешать! Всем ясно?!

Бузеев не мог видеть, но физически ощутил затылком, как люди позади него закивали головами в торопливом согласии.

Охранник посторонился, освобождая вход в конференц-зал. Заметив, что Бузеев замешкался, он ухватил его за плечо и с небольшим нажимом протолкнул вперед, тут же загородив дверной проем, чтобы немного придержать остальных.

— Не задерживайте, пожалуйста, — обронил охранник Бузееву в спину на удивление вежливую фразу.

Бузеев сделал несколько шагов по залу вдоль кресел, прежде чем осознал, что он идет к сцене. Идет к Нему. И в этот раз он идет первым! Бузеев едва не рассмеялся от восторга.

«Я — первый», — еще раз мысленно сформулировал он эту очевидную вещь. Ушибы и ссадины теперь оценивались им как вполне разумная (и даже необходимая) плата за полученное преимущество. Хотя в действительности никакого преимущества не было. Но тем, кто верил в волшебство, любое везение казалось символичным.

«Я иду к Нему первым. И получу Его первый за эти три года автограф», — думал Бузеев, постепенно впадая в экзальтацию. Его тело охватила мелкая нервная дрожь. На лбу проступила испарина. На ватных ногах Бузеев приближался к сцене с кафедрой и письменным столом, на котором вавилонскими башнями

возвышались стопки книг. Он почувствовал себя человеком, неожиданно погруженным в воду с головой. И окружающая действительность вдруг стала восприниматься им так, как будто он смотрел на происходящее из-под воды — с расплывшимися, словно нанесенными акварелью, очертаниями предметов и приглушенными звуками. Бузеев представлял себя водолазом, медленно бредущим по илистому дну. И при этом испытывал прилив необъяснимого веселья.

«Вот он, Гений! И я сейчас иду к Нему, — радовался Бузеев. — Я один из тысячи фэнов, боготворящих Его и жаждущих жизни только ради Него! И сейчас Он благословит меня своим указующим перстом!»

Лампы в конференц-зале не были включены, поэтому в помещении царил полумрак. Через длинные узкие окна, похожие на бойницы, в зал проникал яркий солнечный свет, ложающийся на пол вытянутыми косыми четырехугольниками. Бузеев аккуратно переступал через них.

«Главное, не наступать на свет, — размышлял он. — Это может обидеть Его или даже ранить... И я не получу заветный автограф».

Подобная мысль показалась Бузееву очень важной, почти жизненно необходимой. Мягкой осторожной походкой он подошел к ступеням, ведущим на сцену и наконец осмелился поднять голову и посмотреть на сидящего за столом. Сначала Бузеев увидел только книги, точнее, небоскребы из книг, сложенные на столешнице, а за ними находился Он — худощавый пожилой мужчина с посеребренными на висках волосами, одетый в темно-синий джемпер поверх белоснежной рубашки с серым галстуком. Из-под стола торчали носки остроносых черных туфель. Мужчина смотрел Бузееву прямо в глаза. И улыбался. Бузеев не смог устоять и стал улыбаться в ответ. Он так и поднялся на сцену —

с сияющим просветленным лицом и широкой улыбкой зачарованного человека.

— Здравствуйте, — не сказал — пролепетал едва слышным шепотом Бузеев.

— Здравствуйте, Бузеев! — спокойным ровным голосом поприветствовал Он. — Рад видеть вас. Мы с вами в эти три года открыли новые блистательные миры для десятков тысяч читателей! Не правда ли?

У Бузеева перехватило дыхание от восторга, и слова застряли у него в горле. Вместо ответа он энергично закивал головой.

— Вот и замечательно! — Мужчина неувлимым движением фокусника извлек из одной из книжных башен точно такую же книгу, как у Бузеева в руках, и, продолжая улыбаться, протянул ее ему. — Ваш экземпляр. Все, что вам нужно, вложено в книгу.

Бузеев от неожиданности замешкался, увидев новехонький типографский экземпляр с отважным космическим корабликом, штурмующим мрак космоса.

— А? — начал было спрашивать он, но мужчина его мягко перебил:

— Написать автограф в вашем экземпляре?

— Да. Да! Да!! — почти в истерике прокричал Бузеев.

— С огромным удовольствием! — Мужчина принял из рук Бузеева книгу и, открыв первую страницу, стал что-то писать размашистым почерком на отвороте.

«О, чудо! Свершилось!» — У Бузеева внутри все пело и ликовало. Ему казалось, что еще немного и он взорвется от распирающего его счастья. Надо же, Он подписывал его экземпляр, а это означало только одно — впереди Бузеева ждала безграничная удача. Иного просто и не могло быть.

Подписав книгу, мужчина аккуратно закрыл ее и протянул обратно Бузееву.

— До следующей встречи, Бузеев, — произнес Он, передавая книгу. — Смотрите, не разочаруйте меня.

— Я не посмею, — с какой-то поспешной горячностью заверил Бузеев, глядя в Его добрые серые глаза. — До следующей встречи.

Бузеев в полупоклоне сделал шаг назад и, развернувшись, увидел, что у сцены в ожидании стоит девушка в темно-синем костюме и с искренней завистью смотрит на него. И не она одна. От входа в зал и до сцены выстроилась очередь, и теперь десятки жадных взглядов были обращены к Бузееву и к Нему.

«Я утер им нос!» — Бузеев посмотрел на сжатые в своих руках книги. — «Я стал победителем в этой гонке!»

Бузеев ликовал. Он быстрым шагом спустился по ступеням со сцены и направился к выходу. Люди сторонились, пропуская его и провожая сверкающими ненавидящими взглядами. Бузеев опередил их, стал злейшим врагом. Плевать! Он много лет боролся за свое счастье и считал, что заслужил его по праву. С гордо поднятой головой Бузеев пересек зал, миновал фойе и, толкнув дубовую двустворчатую дверь, вышел в пылающую осень.

Напротив Дома литераторов, через дорогу, расчерченную трамвайными путями, находился сквер с липовыми и рябиновыми аллеями и удобными деревянными скамейками. Это место было излюбленным и для писателей, и для студентов, и для пожилых парочек, и для городской шпаны, которые, как ни странно, практически никогда не пересекались. Объяснялось это явление, по-видимому, просто — для каждой из групп существовало свое время суток. Бузееву тоже нравился сквер. Сейчас, когда стрелки часов перевалили едва за полдень, он был почти пуст, за исключением нескольких мамочек, неспешно толкающих перед собой детские коляски.

Для того чтобы попасть в сквер, нужно было пройти пару сотен метров до ближайшего перекрестка, но Бузееву не хотелось терять драгоценные минуты. Он желал побыстрее окунуться в уютную тень деревьев, устроиться на окрашенной синей краской скамейке и раскрыть книги. Посмотрев по сторонам и убедившись в отсутствии патрулей ДПС, Бузеев помчался напрямик, через дорогу, к скверу, азартно лавируя между пронесшимися автомобилями и оставляя позади себя гудки клаксонов и витиеватые обороты русской речи перепуганных водителей. Последним аккордом этой безрассудной гонки стала трель трамвайного сигнала, когда Бузеев проскочил перед самым его носом, перепрыгнул через узорчатый чугунный забор и укрылся под золотисто-багряными сводами сквера.

Тяжело дыша, он плюхнулся на ближайшую свободную скамейку и, не обращая внимания на недоуменные взгляды прохожих, трясущимися руками раскрыл книгу, которую ему вручил Он. Онемевшими пальцами он стал торопливо перебирать страницы. От волнения у Бузеева застрял плотный ком в горле. Он хотел резко выдохнуть воздух, собравшийся у него в легких, и не мог. Бузеев слышал стук собственного сердца, в бешеном ритме перегоняющем кровь по артериям. Голову сдавило, словно стальным обручем, а по его лицу градом катился горячий пот.

«Здесь... Она должна быть здесь! Он так сказал!» — хаотично думал Бузеев, нервно листая книгу.

То, что он искал, оказалось вложенным между шестьдесят седьмой и шестьдесят восьмой страницами книги. Бузеев ожидал увидеть это, но все равно вздрогнул, словно натолкнулся на кого-то в крошеч-

ной темноте. Его сердце замерло на один невероятно долгий миг, а затем забилося в спокойном уверенном ритме. Бузеев шумно выдохнул.

— Господи, свершилось! — восторженно прошептал он.

Действительно, свершилось. Бузеев держал в руке листок голубого цвета с водяными знаками и двуглавым орлом вверху. Под двуглавым орлом шла надпись:

«Лицензия (разрешение) на осуществление литературной деятельности. Дата выдачи: 02.09.2050 года. Срок действия — 3 года».

Чуть ниже были указаны фамилия, имя и отчество счастливого обладателя лицензии, то есть самого Бузеева.

Крепко сжимая пальцами разрешение, он облегченно рассмеялся. Боже, три года он будет свободен! Три года он сможет творить, открывать новые воображаемые миры, предлагать их различным издательствам и, самое главное, нести их читателям. Обыкновенным читателям, не таким, как Он, оставшийся в конференц-зале Дома литераторов. Да, Он был полубогом или титаном, а может, и выше... Не важно! Главное, Он был — Читателем! Он читал книги, издаваемые за предшествующие три года, и единолично решал, плохие они или хорошие, выдавать лицензию автору на последующие три года или оставить без нее. От Его решения в прямом смысле зависела судьба многих людей, посвятивших себя литературному творчеству. Руководствуясь своими вкусами, взглядами, суждениями, Он определял, какой быть литературе в стране. И что будут читать ее граждане. И уж, конечно, граждане должны были знать, что читают книги, проверенные и одобренные Читателем — непогрешимым, безусловно знающим, что такое настоящая литература.

А настоящая литература не могла создаваться без лицензии. Без Его лицензии!

Нет, Он не был цензором. Разве может быть цензура в демократическом обществе? Разумеется, нет! Цензура запрещена. Просто однажды кому-то из сильных мира сего пришла в голову мысль, что литература должна быть качественной. И определением качества литературы должны заниматься Читатели. Почему именно Они определяли качество? Так написано в законе. Кто Их назначал? Не знает никто. Да и самому Бузееву было безразлично, кто назначал (или выбирал) Читателей. Ведь его книги (его литература) были качественными! Об этом свидетельствовал голубой лист бумаги, рожденный в недрах Гознака, — своеобразный гербовый сертификат талантности автора. Бузеева это вполне устраивало. Почему бы и нет? Ведь если были и есть великие русские Писатели, почему бы не быть и великим русским Читателям? В этой огромной стране должно было всем хватать места под солнцем. Бузееву, по крайней мере, пока хватало.

Он бережно сложил лицензию вдвое и убрал в нагрудный карман пиджака. Закрыв книгу, подаренную ИМ, и раскрыв свою. На внутренней стороне обложки книги стремительным размашистым почерком было написано: «От бездарности до таланта — пропасть. От таланта до гения — один шаг. От гения до бездарности — один вздох. Вздох разочарования. Меньше вздыхайте и больше шагайте, друг мой!»

«Какое разумное замечание», — мысленно согласился Бузеев, захлопнув книгу и поднявшись со скамейки.

Он улыбнулся...

И широко зашагал по аллее, устланной опавшей листвой... **У**

Тотопка.temp

Сергей Игнатьев

Родился в 1984 году в Москве. В периодике публикуется с 1999 года. Автор фантастических романов «Игры на кровь», «Снежный вампир», «Ловец тумана». Рассказы печатались в межавторских сборниках и антологиях, в журналах «Уральский следопыт», «Полдень, XXI век», «Мир фантастики», «Азимут», «Меридиан». Живет в Москве, работает в сфере рекламы.

Медведя звали Тотопка. Происхождение его имени совершенно забылось, внешность его была самая отталкивающая, а биография — примечательная.

Он верой и правдой служил еще моему деду, который в те крайне отдаленные времена был страстным поклонником Жюль Верна, пиратов и прочей поэзии дальних странствий, отчего медведь носил прозвище Штурман.

В эпоху отцовского детства медведя ждала в некотором смысле опала. Он был отодвинут на дальний план японскими роботами-трансформерами, солдатами и действующими моделями боевой техники и практически забыт.

Ко мне он попал по бабушкиной протекции, в тяжелую пору моей борьбы с вирусным гриппом. Вдохновенно окрещенный Тотопкою, медведь был тотчас принят на борт и зачислен в команду линкора. Линкор стоял на приколе, в глухой обороне, укрытый толстым ватным одеялом, укрепленный по своему периметру (если такой термин применим к кораблю) подушками, был непрерывно обстреливаем микстурами и горькими сиропами, чьи батареи выстроились окрест, непрерывно атакуем волнами противных на вкус полосканий и бурунами использованных носовых платков.

Кроме Тотопки на борту уже находились: вполтину изрисованный альбом с очкастым Гарри на обложке, разноцветные карандаши в ассортименте, две зачитанных иллюстрированных энциклопедии, потертый КПК, лорд Вейдер с парой верхних штурмовиков, робот-аннигилятор с оторванной ногой, скрывающий в своем животе грелку плюшевый лось по прозвищу Синяк и плюшевый же пес по прозвищу Собака.

Некогда медведь был темно-шоколадного окраса, но выцвел до светлых карминовых тонов. К гру-

шевидному телу его крепились несколько коротковатые лапы и голова, напоминающая перевернутую луковичу. Глаза у него были маленькие и янтарно-желтые, немного помятые уши, скорее, подошли бы пинчеру, а нос был тщательно заштопан черной ниткой.

Словом, он был урод.

Но внешность на мое отношение к нему никак не влияла.

Медведь Тотопка был исконным обитателем академической квартиры с окнами на проспект. Он был молчаливым свидетелем моих многочасовых сидений над книгами из обширной дедовской библиотеки, и перед монитором компьютера, и над тетрадями с домашним заданием, был свидетелем бесславной эпопеи с фортепианными уроками и даже того постыдного эпизода, в котором фигурировали футбольный мяч, бронзовый бюстик академика Павлова и китайский фарфор, о котором, как я надеялся, не знала больше ни единая живая душа...

Думать о Тотопке я начал, перестраиваясь на правый ряд и сворачивая на съезд с Восьмого транспортного. Дождь моросил почти без перерывов со вчерашнего вечера, сплошной поток машин уплывал в туман, и где-то там, в тумане, мигал огнями строящийся у развязки молл-центр. В салоне моей старушки-«Печоры» резвились невидимые Men Without Hats со своим Safety Dance. Над съездом тускло фосфоресцировала партийная растяжка с лозунгом «инновации — в жизнь». Скользя взглядом по логотипу с медведем, я дал газу, «Печора», взревев, пошла под уклон, а воспоминания уже понесли меня к моему давнишнему приятелю Тотопке, тоже, в своем роде, медведю.

Теперь я стоял в пробке, впереди помаргивали красные габариты автобуса продуктовой доставки,

и размахивающий пиццами клоун на ее крыше выглядел под дождем хмурым и злым.

Я думал о Тотопке.

В тот вечер, когда медведь со своего наблюдательного пункта на книжной полке имел удовольствие лицезреть мое возвращение с выпускного — красная лента через плечо, пиджак измазан штукатуркой, в руке ананас (откуда? — вряд ли уже узнаю), судьба моя была уже определена. Ну кем прикажете становиться тому, чья бабушка в тот же выпускной вечер перечитывала конспект будущей лекции по нейрохирургии на рейсе «Москва — Сиэтл»? Чей дед в то же самое время, выставив перед собой уже продезинфицированные и обтянутые латексом руки, рассказывал медсестре, подносящей ему на зажиме сигаретку, шутку про старичка и противовоспалительные свечи... А родители, последние романтики неромантической эпохи, почти не принимавшие участия в моем воспитании, в обнимку тряслись в тот же вечер (который у них там был уже утром) под косыми струями тропического ливня, в кузове грузовика, набитого ящиками с вакциной и солдатами в мокрых белых касках с черными буквами UN...

Поэтому вполне естественным было то, что следующие шесть лет в янтарных глазках медведя отражался мой скособоченный профиль, клюющий носом над кирпичом фармакологии, и развешанные по всей комнате для запоминания страницы анатомических атласов, похожие на рекламный проспект мясокомбината, и доносился до Тотопки сквозь стеклянную дверцу шкафа монотонный бубнеж зубримой мной латыни, порой прерываемый смачным зевком...

Позади раздалось улюлюканье сирены, я посмотрел в зеркало заднего вида. Сквозь нити дождя плеснули красные и синие сполохи. По разделительной,

маневрируя между бортами застрявших в пробке, продирался автобус «скорой». Отсюда было рукой подать до госпиталя Гольдштейна, где мне часто приходилось бывать. Особенно часто после произошедшего с дедом четыре с половиной года назад. А когда все утряслось и он начал работать там, несколько раз звал в гости, но все появлялись какие-то неотложные дела, и все было некогда. Скорее всего, он и сейчас находился там, на очередной смене. Проведать что ли старика, подумал я. Хотя зачем — только зря отвлекать...

Пробка тронулась, поток медленно пополз вперед. А я снова думал про Тотопку.

Когда я проходил интернатуру, покинув родительский кров, медведя со мной не было. Не видел он той ночи, когда я потерял первого пациента и пытался в одиночку справиться с этим при помощи бутылки плохого коньяка, не видел он ни Оксану, ни Марину... И Катю он не видел... Впрочем, ее я приводил знакомиться с дедом и бабушкой — так что он ее вполне мог оценить со своего неизменного места во время торжественного чаепития в гостиной (она же — бывшая Славина комната). Катя тогда тоже оценила все великолепие академической квартиры и потом иногда смотрела на меня другим, новым взглядом, что-то вроде «теперь-то понятно...», хотя что ей могло быть понятно?

Когда всем стало ясно, что хирурга, продолжателя династии, из меня не получится, когда закончились укоризненные взгляды и многозначительные кивания головой, а я прочно обосновался в приемном сорок второй клинической, начал понемногу публиковаться и уже подумывал о создании домашнего очага — тогда же Тотопка переместился в мою холостяцкую квартирку. Там же временно обретался уже успевший погубить свой брак Туркин. Ему мед-

ведь пришлось по вкусу: «Апупейный зверь, Спасский, нечто былинное!»

Следовательно, Тотопка мог видеть и мой исторический разговор с Гольдштейном, который в своем экстравагантном духе позвонил мне прямо домой, неизвестно в какой базе данных откопав номер. Впрочем, его исследования уже тогда курировала Контора и какие только базы ему не были доступны.

Когда я перешел на стажировку в гольдштейновский НИИ, Туркин уже съехал от меня. Требовал подарить медведя на память о нашей холостяцкой жизни, но я был непреклонен. Спустя несколько месяцев в квартире начала обживать Алину, которая довольно быстро потребовала избавиться от «этого чудища». Тотопка был заточен на антресоли, в картонную коробку, где навсегда упокоились и другие предметы из закончившейся холостяцкой эпохи, вроде моего форменного халата со стихотворным автографом Сидорчука или разборной модели черепа «артикул 291», который долгое время стоял у нас с Туркиным на холодильнике, и даже того экстравагантного подарка Туркина (сколько секс-шопов он тогда облазил, интересно) на мой день рождения, который вызвал у Алины настоящую истерику.

Томясь в коробке, Тотопка не видел всех тех вечеров и утр (выходных у нас почти не было), которые сопутствовали моему пребыванию в группе Гольдштейна. Уже вышли первые статьи Сугимото и американцы синтезировали первые образцы ELV, немедленно окрестив его «Элвисами». А у нас были только наброски, наработки, первые формулы закрытого цикла, только приблизительные схемы репликаторов.

Во время нашего с Алиной бракоразводного процесса Тотопка уже занял положенное ему место — на телевизоре, рядом с моделью черепа «Артикул

291». Подарок Туркина был слишком экстравагантен даже для этой композиции, символизирующей новый виток моей холостяцкой жизни, тем более я рассчитывал, что квартиру мою в скором времени снова начнут посещать женщины.

А потом нам стало не до женщин. Нам стало вообще ни до чего, кроме работы, потому что у нас наконец-то стало что-то получаться.

Мы завершили тестирование КРЗЦ-4 «Горбунок», и результаты оказались блестящими. Результаты были самое что ни на есть «Оки-токи», как я любил говорить в глубоком детстве. После провала «Царевича», после гибели любимчиков лаборанток всех возрастов — кроликов Грина и Росса, после катастрофы с КРЗЦ-3 «Василиса», из-за которой Гольдштейн не пошел под суд только потому, что единственным пострадавшим и истцом мог быть лишь он сам... У нас наконец получилось.

Тотопка был свидетелем моих взлетов и падений, моего триумфа. Он кочевал со мной с квартиры на квартиру, пока, наконец, не осел в свежестроенном семейном гнезде — загородном доме под Истрой. Дети мои не проявляли к нему никакого интереса, а для меня он так и остался каким-то неразгаданным символом — может, моей собственной жизни, может — жизни вообще.

Так я думал, переживая пробку на съезде с Восьмого Транспортного в сторону области.

Дождь выбивал по стеклу монотонную дробь, с шипением ползали дворники. В сумрачной дождливой дымке впереди мигали цветными огнями предупреждающие знаки дорожных работ. Старушка-«Печора» утробно ворчала, нетерпеливо дожидаясь возможности сорваться с места, втопив на все свои семьсот лошадиных и семь тысяч оборотов, а из динамиков торопились на волю первые (са-

мые заводные!) аккорды незабвенной Baba O'Riley группы The Who.

Наконец, снова тронулись, съехали на трассу, я перестроился в левый ряд. Впереди и слева, за разделительным барьером, на встречной, густо загудело, яркие огни прорвались сквозь завесу дождя...

...Все остальное происходило уже не со мной, а с кем-то другим, на кого я смотрел как бы со стороны. А может, и не смотрел, может, просто в последних искрах угасающего рассудка пришли картинки, которые мне приходилось видеть и до этого, и сложились в последнее завершающее мозаичное полотно.

Кого-то другого под вой и улюлюканье сирен, в чередовании красных и синих вспышек, вытаскивали из покореженного металла, из сложившейся гармошкой «Печоры», которая была, конечно, отличной тачкой, но столкновение в лоб с вырвавшейся на встречу фурой оказалось не по зубам даже ей...

Кто-то другой трясся в карете «скорой помощи», несущейся к ближайшему госпиталю, носящему фамилию Гольдштейна. Человека, совершившего самый блестящий прорыв в медицине 21-го века. Моего бывшего начальника, моего извечного наставника.

Все это происходило с кем-то другим, сжатым в корсете и ремнях, летящим куда-то сквозь шум приемного отделения, под грохот колес каталки по кафельному полу, под бормотание фельдшера, нависшего сверху с капельницей на вытянутой руке...

Над кем-то другим срывающимся голосом спрашивал мальчишка-интерн в забрызганной чем-то темно-красным мятой голубой рубашке.

— Сколько «скорых» уже?

— Шестнадцатая на подходе! Там на трассе звиздец вообще...

Не мое, а чье-то другое тело мучительно содрогнулось, когда каталка налетела на угол операционной. Это другое непослушное тело сотрясали конвульсии. И какой-то рыжий в белом халате, со злобным перекошенным лицом (наверняка дежурный ординатор) орал, подбегая:

— Сюда его, живо!

Дыхательная трубка входит в горло. Обтянутые латексом руки цепляют на грудь электроды кардиографа.

— Несколько минут назад произошла остановка дыхания.

— Имя узнали?

— Сейчас, тут бумажник... Станислав Спасский... О, Боже! Это что же...

— Тот самый?!

— Не отвлекайтесь! Согласие на «керзац» подписано?

— Сейчас, дайте... Нет, нету!

— Как это нету?!

— Надо связаться с родственниками...

— Погодите! У нас какой-то Спасский работает, я слышал вроде родн...

— Беги за ним, быстро!

— Давление двести двадцать на девяносто...

— З-зараза!

— Подключаемся к системе искусственного кровообращения...

— Давление растет! Систолическое — двести тридцать!

— Фибрилляция!

— Давление падает!

— Электрошок на четыре тысячи!.. От стола!

— Без изменений...

— Пять тысяч!.. Все назад!

— Нет пульса!

— Еще раз! Все в стороны!!

Кто-то другой наблюдает за происходящим со стороны. Или, может, это последние вспышки умирающего рассудка. Я много раз видел, как это бывает, много раз участвовал в этом. Но только находился не на столе, а возле него — с контактами наготове, с закушенными под марлевой повязкой губами, с взмокшим под надвинутой шапочкой лбом, в запотевших защитных очках, со скальпелем и секционным ножом, с реберным расширителем и тампоном в зажиме, с раскрытой картой и шелестящей лентой диаграммы в руках, с переполненной «уткой» наголо — как угодно, но возле стола, а не на столе.

Ломаная линия кардиографа, которая превращается в прямую, запах паленого мяса. Контакты в сторону, руками на грудь, непрямой массаж сердца. Мгновения уходят, монотонный электронный писк...

— Все.

— Запишите — смерть наступила в девятнадцать часов пятнадцать минут.

Щелкают стягиваемые с рук перчатки. Каталка стучит колесами по кафелю.

Лязг раздвигаемых дверей.

— Где он???

— Кого вам?

— Где Спасский?!

— А, увозят уже... А вы из «керзац»? Кто вас вызвал? У него согласие не подписано.

— Это я его вызвал! Он родственник.

— Извините, не знал... Так куда, в морг?

— К нам в отделение везите его. Срочно!

— А согласие?

— Это же Спасский, это он... Он же у истоков стоял! А в бумагах ничего...

— Странно. Как если б Эдисон при свечах писал.

— Разбегаев, помолчи... Забирайте его. Только степень родства уточним давайте, и подпись ваша нужна. Вы ему кто?

— Я его дед.

— Кх-кх... то есть как? Но вы так молодо...

— Несчастный случай. Четыре с половиной года назад. Тоже через «керзац» пропустили.

— А, извините.

— Ничего. Я привык... Ладно, я сам его к нам отведу. Подпись тут?

— Да, где галочка...

— Ну, счастливо.

...вокруг ярко, светло. В прорези на окнах виднеется что-то зеленое, солнышко там светит. Вокруг белые стены, какие-то штуки торчат непонятные, экраны какие-то. Проводки разноцветные кругом. Весь я в этих проводках, и поверх одеяла, и под ним, и от меня они тянутся — и под кровать, и к какой-то бутылки длинной, которая стоит на длинном штыре слева.

И больше всего на свете хочется пить.

Губы слиплись, в горле печет.

— Пи-и-ить!

Выросли откуда-то двое здоровенных. Один лысый и в белом, а второй — в зеленом, лохматый, краснощекий, с какой-то штуковиной на шее. Блестящий кругляш с одной стороны, провод, и с другой какая-то рогатка блестячая. В руках он держит коричневого уroda. Вот уж непонятно для чего такое понадобится может. Он кажется знакомым — нет, не урод, а дядька этот в зеленом, с красными щеками.

— Дяденька, пить хочется!

— Нельзя, Славка! — говорит зеленый-лохматый сочувственно, сдвинул одеяло, вставил себе эту блестящую рогатку в уши, а кругляш мне к груди приложил.

— Холодно!

— Потерпи, дорогой. Потерпи немножко...

На вот...

Тычет мне своего уroda.

— Что это? — спрашиваю.

— Это же Штурман, — скалится зеленый, подмигивает. — То есть... Тотопка же твой. Узнаешь?

Не узнаю. «Попка» еще какая-то, глупости блинские.

— Пить очень хочется, — повторяю я просительно.

Зеленый смотрит на меня, потом на белого, потом опять на меня. Кладет мне на плечо свою здоровенную ручищу.

— Дадим пить, дадим... Славка, а ты что — не узнаешь меня?

«Легкие остаточные эффекты, должен вспомнить...», — бормочет белый. Сам с важным видом уткнулся в листки какие-то, громко ими шуршит.

Зеленый все тычет в меня своим уродом.

— Уберите от меня этого... страшного, — прошу я.

Зеленый хмыкает, убирает.

Сглотнув всухую, говорю:

— А это у вас что?

— Эм-м? — зеленый морщит лоб, вертит в руках эту свою «попку» или как там ее, потом, наконец, замечает эту штуку у себя на шее, про которую я и спросил. — А-а... это... Это, Славка, фонендоскоп...

Он откладывает коричневого страшила, снимает с шеи этот свой «фо-не-не-скоп», протягивает мне. Потом косится на белого. Белый от бумажек оторвался, улыбается, на меня глазами сверкает. Зеленый ворошит мне волосы рукой, скалится тоже. Вид у них прямо счастливый. И хотя ужасно хочется пить, мне тоже становится веселее. Думаю, все будет Оки-токи...